

ЗАПИСКИ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 3.

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1904.

ЗАПИСКИ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

п р и

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ВЫПУСКЪ 3.

DUBLET BG FUW
NIE DO SPRZEDAŻY

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1904.

D132/97

148660

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества исторіи,
филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ
Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Любичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣль I.

	<i>Стр.</i>
Сокращенные протоколы засѣданій Общества	1— 67.
Годичное собраніе Общества	68— 71.
Приложенія къ протоколамъ	72— 78.

Отдѣль II.

П. А. Заболотскій. Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ (памяти А. Н. Плещеева)	1— 58.
Е. В. Спекторскій. Органическая теорія общества	59— 83.
В. А. Фляксбергерь. Философія Канта	84—106.
С. Н. Алексѣевъ. Къ долговому вопросу въ Римѣ	107—150.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание I

1-10	Введение
11-20	Глава I. Общие сведения
21-30	Глава II. Описание
31-40	Глава III. Заключение

Содержание II

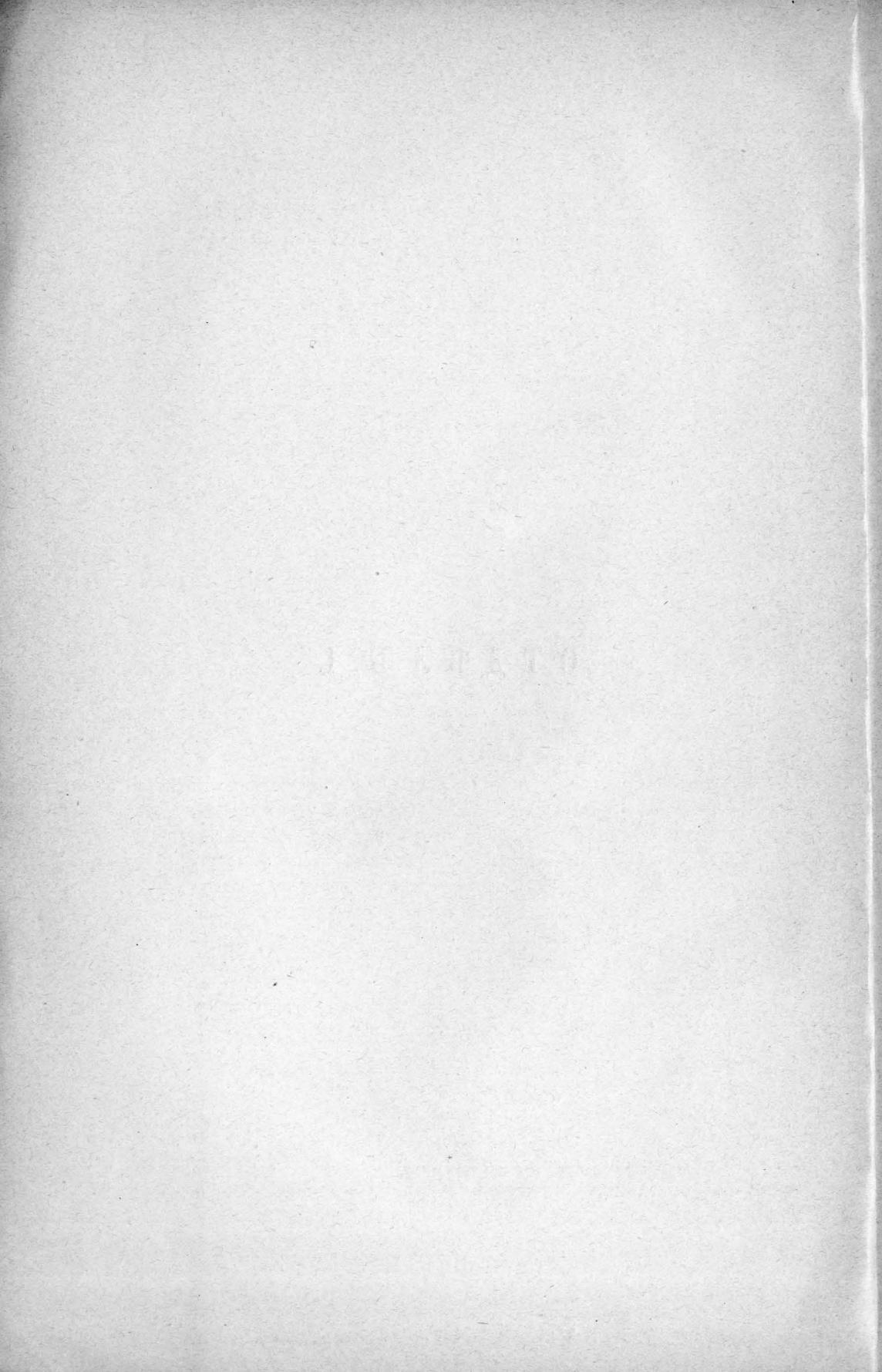
1-10	Глава I. Общие сведения
11-20	Глава II. Описание
21-30	Глава III. Заключение
31-40	Глава IV. Заключение
41-50	Глава V. Заключение
51-60	Глава VI. Заключение
61-70	Глава VII. Заключение
71-80	Глава VIII. Заключение
81-90	Глава IX. Заключение
91-100	Глава X. Заключение

Редакторъ *Н. Новосадский.*

О Т Д Ъ Л Ъ І.

Сокращенные протоколы

засѣданій Общества исторіи, филологіи и права при
Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ
за 1903 годъ.

I.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

15-го января 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 16 членовъ Общества.

Слушали докладъ *И. Я. Софійскаго* „О промысловомъ налогѣ“.

Содержаніе доклада было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Докладчикъ началъ съ указанія, что положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ, несмотря на то, что протекло всего лишь четыре года со времени введенія его въ дѣйствіе (съ 1 января 1899 г.), вызываетъ уже усиленныя заботы министерства финансовъ по производству въ немъ необходимыхъ и возможныхъ измѣненій.

За короткій срокъ дѣйствія положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ возбудило массу разнообразныхъ недоразумѣній, для разъясненія которыхъ потребовались цѣлыя тысячи сенатскихъ рѣшеній и внушительная серія министерскихъ циркуляровъ.

Не взирая, однако, на обиліе частныхъ разъясненій, министерство очутилось лицомъ къ лицу съ необходимостью общаго пересмотра положенія. Очевидно, что система обложенія, принятая въ государственномъ промысловомъ налогѣ, одержима извѣстнаго рода корен-

нымъ недостаткомъ, устранить который не въ состояніи частичныя поправки. Докладчикъ поставилъ себѣ цѣлью подойти къ самому корню зла и обнаружить исходящіе изъ него принципиальные недостатки.

Въ видахъ установленія правильной точки зрѣнія для принципиальной критики нынѣ дѣйствующаго положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, авторъ совершилъ предварительный экскурсъ въ область исторіи нашего торгово-промышленнаго обложенія.

Цѣлый рядъ вѣковъ торговля и промыслы подлежали у насъ однимъ лишь пошлиннымъ сборамъ, и только во второй половинѣ XVIII столѣтія установилось начало податное. Первое время податное обложеніе торговли и промысловъ слѣдовало окладной системѣ (налога съ капитала); въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка оно перешло къ системѣ патентной; послѣдняя пустила настолько прочныя корни въ нашемъ финансовомъ строѣ, что была сохранена важной въ другихъ отношеніяхъ реформой 1865 года и уцѣлѣла до нашихъ дней. Другія формы податного обложенія только присоединились къ патентной системѣ, какъ къ основному ядру; такое положеніе занялъ дополнительный сборъ, процентный и раскладочный, установленный въ 1885 году. Въ шестидесятыхъ годахъ возникаетъ офиціальное обсужденіе вопроса о подоходномъ налогѣ, который признается, однако, и въ то время, и впослѣдствіи не подходящимъ къ условіямъ нашего быта и для насъ несвоевременнымъ. Отвергаемый въ качествѣ общаго начала принципъ подоходнаго налога получаетъ частичное признаніе въ послѣдней реформѣ торгово-промышленнаго обложенія. Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ 1898 года вводитъ подоходное начало, но при этомъ удерживаетъ въ качествѣ традиціоннаго устоя патентную систему и подкрѣпляющій ее раскладочный сборъ.

Такимъ образомъ нынѣ дѣйствующее положеніе составилось изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ наслоеній; три начала, лежація въ его основѣ, являются разнородными по существу; внѣшнее ихъ соединеніе представляетъ собою неудачное смѣшеніе, которое и составляетъ причину всѣхъ тѣхъ недостатковъ, о наличности которыхъ заявлено въ началѣ доклада.

Признавая высокія достоинства подоходнаго обложенія, докладчикъ усматриваетъ основной недостатокъ дѣйствующаго положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ въ томъ, что, сохраняя старыя формы, оно значительно ослабило дѣйствіе новаго подоходнаго принципа. Эта точка зрѣнія докладчика предопредѣляетъ, на какую часть дѣйствующаго положенія онъ обратитъ свою критику. Хотя дѣйствующее положеніе нигдѣ не проводитъ подоходнаго налога въ чистомъ видѣ, тѣмъ не менѣе по отношенію къ предпріятіямъ, обязан-

нымъ публичною отчетностью, оно придерживается его въ большей степени, чѣмъ дѣлаетъ это примѣнительно къ предпріятіямъ, публичной отчетностью не обязаннымъ. На обложеніе послѣднихъ и направляются критическія замѣчанія докладчика.

Предпріятія, не обязанныя публичною отчетностью, несутъ на себѣ всю тягость патентной системы и все неудобства раскладочнаго сбора.

Патентная система придерживается дѣленія торгово-промышленныхъ предпріятій на разряды; разряды эти устанавливаются по внѣшнимъ признакамъ, далеко не находящимся въ соответствіи съ дѣйствительной доходностью предпріятія.

Неравномѣрность патентнаго обложенія (основного налога) должна быть исправляема процентнымъ сборомъ съ излишка прибыли. Благодаря послѣднему, достигается уравниеніе обложенія, но чисто внѣшнее: одну и ту же сумму приходится платить при одинаковой доходности предпріятіямъ различныхъ разрядовъ, несмотря на то, что предпріятія низшихъ разрядовъ крайне стѣснены обязательной росписью и, слѣдовательно, несутъ больше тягости, чѣмъ предпріятія той же доходности, но другихъ классовъ и высшихъ разрядовъ. При отсутствіи же излишка прибыли, если послѣдняя далеко ниже 30-кратнаго оклада основного налога, неравномѣрность обложенія патентной системы выступаетъ крайне рѣзко.

Если ужъ никакъ нельзя разстаться съ патентной системой, то все же можно произвести въ ней измѣненія, направленные въ сторону большей равномѣрности обложенія и устраняющія излишнія стѣсненія. Въ этомъ отношеніи докладчикъ предложилъ слѣдующія мѣропріятія: 1) установить выборку свидѣтельствъ на торгово-промышленныя предпріятія по предполагаемымъ оборотамъ или прибылямъ, опредѣляемымъ на мѣстѣ особыми комиссіями съ податнымъ инспекторомъ во главѣ, на что кстати имѣется и небольшой намекъ въ ст. 79 дѣйствующаго положенія; 2) опредѣлить минимумъ стоимости этихъ свидѣтельствъ съ тѣмъ, чтобы они были доступны всемъ предпринимателямъ, уплачивающимъ дополнительный налогъ, и могли быть выкупаемы въ произвольномъ количествѣ; 3) уничтожить росписи товаровъ и другія ограниченія по торговлѣ, устанавливаемые нынѣшнимъ дѣленіемъ на разряды.

Не менѣе тягостна уплата раскладочнаго сбора вслѣдствіе чрезмѣрно инквизиторскаго способа добыванія свѣдѣній объ оборотахъ и прибыли при обложеніи дополнительнымъ налогомъ. Докладчикъ особенно выдвинулъ въ этомъ отношеніи предьявленіе плательщиками торговыхъ книгъ, которыя разсматриваются въ раскладочномъ присутствіи прямыми конкурентами плательщиковъ. Многіе изъ плательщи-

ковъ предпочитаютъ полатиться непомѣрнымъ обложеніемъ, чѣмъ раскрыть тайну своихъ книгъ соперникамъ. Одна лишь передача разсмотрѣнія торговыхъ книгъ въ руки коронныхъ членовъ раскладочнаго присутствія была бы полезнымъ измѣненіемъ.

Вообще по отношенію къ торговымъ книгамъ положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ сильно расходится съ торговымъ уставомъ; вслѣдствіе этого при пересмотрѣ положенія необходимъ одновременный пересмотръ устава.

По содержанію доклада происходили въ собраніи пренія, во время которыхъ высказаны были отдѣльными членами въ основныхъ чертахъ слѣдующія мнѣнія.

Ө. К. Горбъ-Ромашкевичъ указалъ на большой интересъ доклада, вызванный цѣнными практическими разъясненіями референта, и выразилъ свое согласіе съ заключительными выводами послѣдняго. Сдѣлавъ обзоръ дѣйствующаго положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ, *Ө. К.* наглядно показалъ, что положеніе это не ввело ничего принципиально новаго сравнительно съ порядкомъ, существовавшимъ непосредственно до него и установившимся послѣ 1885 года. Дѣйствующее положеніе установило только крайне сложную технику обложенія, а чрезмѣрная сложность въ податномъ дѣлѣ приносить несомнѣнный вредъ. Дѣйствующее положеніе могло свободно устранить патентную систему и тѣмъ не менѣе не сдѣлало этого даже по отношенію къ предпріятіямъ, обязаннымъ публичною отчетностью, примѣнительно къ которымъ патентная система оказывается излишней по новому положенію. При сохраненіи патентной системы у насъ зло употребляютъ такими соображеніями, какъ удобства фиска и привычка населенія. Различіе подотчетныхъ и неподотчетныхъ предпріятій приводитъ къ болѣе сильному обложенію первыхъ и нарушаетъ принципъ равномѣрности. Было бы желательно введеніе подоходноокладного начала. Конечно, на первыхъ порахъ явились бы затрудненія, но постепенно система привилась бы. Неизмѣнныя ссылки на несоотвѣтствіе подоходнаго налога бытовымъ условіямъ нашей жизни не основательны. Если придавать безусловную вѣру подобнаго рода ссылкамъ, то придется отказаться отъ какихъ бы то ни было реформъ.

А. А. Сарандо обратилъ вниманіе на то, что положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ слѣдуетъ оцѣнивать съ точки зрѣнія сообразности его тѣмъ цѣлямъ, какія имѣло въ виду правительство при созданіи его и введеніи. Въ данномъ случаѣ преслѣдовалась фискальная цѣль увеличенія государственныхъ доходовъ на счетъ обложенія той части народнаго хозяйства, которая является наиболѣе платежеспособной. И эта цѣль была блестяще достигнута. Государ-

ственный промысловый налогъ доставилъ казнѣ въ первый же отчетный годъ такую сумму дохода, которая значительно превысила смѣтныя предположенія министерства финансовъ. Фискальной цѣли отводится у насъ вообще много мѣста, даже въ областяхъ, далекихъ отъ финансовой политики, напримѣръ, въ гражданскомъ правѣ, что отмѣчено въ нашей юридической литературѣ.

О. К. Горбъ-Ромашкевичъ замѣтилъ по поводу взгляда, высказаннаго А. К. Сарандо, что фискальная цѣль не должна развиваться во вредъ равномерности обложенія. Фискальная цѣль могла быть достигнута однимъ лишь увеличеніемъ существовавшихъ окладовъ помимо введенія цѣлаго новаго положенія, которое выдвигали какъ внутреннее усовершенствованіе системы обложенія, не ограничивая его лишь фискальной цѣлью въ тѣсномъ смыслѣ.

О. О. Зигель поставилъ два слѣдующихъ вопроса: 1) сколько торгово-промышленныхъ заведеній закрылось, не выдержавъ новаго налога? 2) насколько поднялись рыночныя цѣны подъ давленіемъ новаго налога?

И. Я. Софійскій въ отвѣтъ на это указалъ, что торгово-промышленныя предпріятія, не взирая на тягости налога, растутъ, но несомнѣнно растутъ и дороговизна продуктовъ; однако, указать точную зависимость дороговизны отъ новаго налога нѣтъ возможности.

Л. С. Венеровъ замѣтилъ, что въ Царствѣ Польскомъ увеличилось за послѣднее время количество мелкихъ торгово-промышленныхъ предпріятій; быть можетъ, этотъ ростъ слѣдуетъ отнести насчетъ дѣйствія положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ.

Д. В. Туткевичъ со своей стороны подтвердилъ предыдущее предположеніе, указавъ, что по даннымъ регистраціи въ коммерческомъ судѣ за послѣднее время возрасло количество мелкихъ торгово-промышленныхъ товариществъ съ незначительнымъ капиталомъ. Большое достоинство положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ Д. В. видитъ въ обращеніи его при обложеніи къ торговымъ книгамъ. Этимъ путемъ лучше всего обеспечивается равномерность обложенія. Недостатки замѣчаются въ подробностяхъ, но принципъ дѣйствующаго положенія — правильный.

О. В. Тарановскій присоединился къ мысли, высказанной А. К. Сарандо, и напомнилъ, что мысль о перевѣсѣ фискальной цѣли въ самыхъ разнообразныхъ правительственныхъ начинаніяхъ получила широкое освѣщеніе въ трудѣ П. Н. Милюкова о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ Великомъ. Эта же мысль легла въ основу развитой Милюковымъ общей концепціи нашего соціального и политическаго развитія. Послѣднее неизмѣнно выражается въ предьявленіи чрез-

чуръ высокихъ государственныхъ требованій черезчуръ неразвитому экономически населенію.

И. Я. Софійскій во время преній отстаивалъ положенія своего доклада и давалъ необходимыя по ходу дебатовъ разъясненія.

II.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

5-го февраля 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 18 членовъ Общества.

Слушали докладъ *М. Д. Скрябина* „О мѣрахъ къ устраненію и ограниченію чрезполосности земель въ губерніяхъ Царства Польскаго.“

Докладъ содержалъ въ себѣ слѣдующія основныя положенія.

При отсутствіи столь рѣзкаго сословнаго дѣленія, какъ въ Имперіи, мелкое землевладѣніе въ Царствѣ Польскомъ не совпадаетъ съ крестьянскимъ, но является шире послѣдняго. Въ составъ мелкаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ входятъ нѣсколько элементовъ, каковы: 1) т. н. указовые (т. е. надѣленные землей по указу 19 февраля 1864 г.) крестьяне; 2) мѣщане-рольники; 3) мелкая шляхта; 4) бытовое крестьянство (*de iure* мелкіе помѣщики на парцеллированныхъ земляхъ) и 5) банковое крестьянство (созданное дѣятельностью крестьянскаго банка). Для своего доклада авторъ избираетъ специально изученное имъ указовое крестьянство, которое къ тому же представляетъ наиболѣе значительную часть мелкаго землевладѣнія въ краѣ (25,758 селеній съ 8,843,914 моргами земли изъ общаго числа 32,959 селеній съ 12,271,940 морг. земли).

Юридическими актами, закрѣпившими указовые надѣлы, были ликвидаціонныя табели или данныя. Указовыя крестьянскія земли подраздѣляются на: 1) селенія—населенныя мѣста, которымъ соотвѣтствуютъ отдѣльныя табели или данныя, и 2) усадьбы—земельные участки, которые внесены въ табель или данную подъ особымъ номеромъ.

Чрезполосность крестьянскихъ земель слѣдуетъ различать внутреннюю и вѣшнюю; первая имѣетъ мѣсто внутри селенія, вторая представляетъ собою чрезполосность всего селенія съ посторонними землями, не входящими въ составъ селенія. Вѣшняя чрезполосность подраздѣляется, въ свою очередь, на два вида: 1) чрезполосность съ

землей „пана“, бывшего вотчинника селенія, и 2) черезполосность со всякими другими землями. Особенный вредъ для крестьянскаго хозяйства представляетъ внутренняя черезполосность, на которой и сосредоточивается вниманіе докладчика.

Черезполосность крестьянскихъ земель была велика и до 1864 г., но за этотъ періодъ времени причины ея мало изучены. Что же касается причинъ черезполосности послѣ указа 1864 года, когда черезполосность обнаружила тенденцію къ увеличенію, то онѣ слѣдующія: 1) самый принципъ надѣленія земель, принятый въ указѣ, который закрѣпилъ за крестьяниномъ то, на чемъ онъ сидѣлъ въ моментъ 19 февраля 1864 года, закрѣпилъ, значить, и старую черезполосность; 2) порядокъ гражданскаго наслѣдованія, ведущій къ дробленію крестьянскихъ участковъ и при разнокачественности земель—къ дальнѣйшей черезполосности; 3) то, что правительство не принимало серьезныхъ мѣръ къ упорядоченію крестьянскаго землевладѣнія въ отношеніи къ черезполосности; 4) то, что законъ не закрѣплялъ колоніальнаго устройства, гдѣ оно было заведено, и не пресѣкалъ путей къ возвратной, такъ сказать, черезполосности, которая имѣла мѣсто во многихъ случаяхъ.

Мѣры борьбы съ черезполосностью, хотя и не исполнѣ дѣйствительныя, предпринимались правительствомъ. По принципиальному характеру правительственнаго воздѣйствія, докладчикъ различаетъ мѣропріятія, имѣвшія мѣсто до и послѣ 1864 года. Въ первый періодъ правительственныя мѣры носили принудительный характеръ, во второй—устраненіе черезполосности предоставлялось всецѣло добровольнымъ сдѣлкамъ самихъ крестьянъ. Послѣдній способъ оказался на практикѣ гораздо менѣе дѣйствительнымъ. Вытекающій отсюда поучительный урокъ докладчикъ принимаетъ въ расчетъ при опредѣленіи тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало бы принять по его мнѣнію.

Проектируемыя мѣры къ устраненію и ограниченію черезполосности докладчикъ дѣлитъ на *предупредительныя* и *мѣры воздѣйствія*. Первые должны пресѣкать пути къ водворенію дальнѣйшей и возвратной черезполосности, вторыя—устранять и ограничивать черезполосность существующую.

Предупредительныя мѣры сводятся къ требованію категорическаго запрещенія закономъ черезполоснаго дробленія наличныхъ крестьянскихъ участковъ. Такой запретъ не ввелъ бы ограниченія принципиально новаго: онъ явился бы лишь дальнѣйшимъ развитіемъ существующей уже законной охраны шестиморговаго надѣла. Практическое осуществленіе предлагаемой мѣры могло бы быть достигнуто слѣдующимъ образомъ: для нотаріальнаго заключенія сдѣлки, дробящей участокъ, необходимо требовать предварительное свидѣтель-

ство комиссара по крестьянским дѣламъ о томъ, что сдѣлка не вводить запретной черезполосицы; если требованія закона въ этомъ отношеніи окажутся все же нарушенными, комиссару предоставляется въ видахъ расторгенія сдѣлки коронный искъ, въ порядкѣ закона отъ 11 іюня 1891 года.

Мѣры воздѣйствія направлены къ заведенію колоніальнаго устройства. Онѣ должны сочетать въ себѣ свободную инициативу крестьянъ съ принудительнымъ воздѣйствіемъ правительства. Такое сочетаніе можетъ быть достигнуто слѣдующимъ образомъ: вопросъ о переходѣ къ колоніальному устройству предоставляется рѣшенію схода, но безповоротное осуществленіе такого рѣшенія беретъ подъ свое прямое и частью принудительное руководство правительство.

Устраненіе и ограниченіе черезполосности достигается путемъ коммассаціи крестьянскихъ земель. Коммассація принимаетъ два вида: 1) отведенія усадебъ къ одному мѣсту, и 2) отведенія ихъ къ нѣсколькимъ мѣстамъ по угодьямъ. Въ первомъ случаѣ результатомъ является т. н. колоніальное (хуторное) устройство, и черезполосность совершенно устраняется; во второмъ случаѣ заводится упорядоченное сельское устройство, и черезполосность существенно ограничивается. Въ виду дробной разнокачественности земли и косности крестьянъ нѣтъ возможности всегда требовать колоніальнаго устройства; въ иныхъ случаяхъ придется довольствоваться и сельскимъ устройствомъ, какъ подготовительнымъ состояніемъ.

За районъ коммассаціи слѣдуетъ принять селеніе; за единицу ея—не усадьбу, имѣющую въ настоящее время только формально-юридическое значеніе, но земельный участокъ, находящійся въ фактическомъ владѣніи одного лица.

Для проведенія коммассаціи необходимо предварительное разрѣшеніе всѣхъ споровъ о границахъ, пріостановка по отношенію къ крестьянскому лѣсу (за исключеніемъ защитныхъ лѣсовъ) закона о лѣсной охранѣ, разверстаніе общихъ между селеніями земель и сервитутовъ. Въ дѣлѣ разрѣшенія споровъ о границахъ докладчикъ считаетъ необходимымъ, въ видахъ ускоренія процесса, расширить компетенцію крестьянскихъ учреждений на счетъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что проведеніе коммассаціи предоставляется вѣдѣнію крестьянскихъ учреждений.

Ближайшій порядокъ устройства докладчикъ предлагаетъ слѣдующій. Для рѣшенія вопроса о приступленіи къ коммассаціи требуется простое большинство, а не единогласіе схода, какъ въ настоящее время. Это большинство голосовъ должно, однако, представлять собою не менѣе половины земельного надѣла всего селенія. Комиссаръ повѣряетъ заявленное ему рѣшеніе схода и разбираетъ споры

о границахъ. Сходъ съ комиссаромъ вырабатываетъ проектъ наръзки земель. Составляются землемѣромъ два плана: одинъ для положенія до устройства, второй для положенія по проектированной новой наръзкѣ земель. Основной принципъ устройства—дать каждому владѣніе, равное бывшему; при недостижимости такой адекватности къ новой наръзкѣ присоединяется денежное вознагражденіе. Классификація и оцѣнка земель производится сторонами при содѣйствіи избранныхъ ими экспертовъ. Если добровольное соглашеніе не наступитъ, то лучше всего примѣнить правила отъ 23 мая 1841 года объ очиншеваніи. При наличности вѣншей черезполосности необходимо для устраненія ея ввести принципъ принудительнаго обмѣна.

Права кредиторовъ, пользовладѣльцевъ и арендаторовъ переносятся на новые участки безъ всякаго особаго вознагражденія для этихъ лицъ.

Въ видахъ поощренія крестьянъ къ колоніальному устройству слѣдуетъ установить рядъ соотвѣтственныхъ льготъ, каковы: 1) даровая землемѣрная помощь; 2) освобожденіе относящихся къ устройству документовъ отъ гербоваго сбора; 3) освобожденіе на три—пять лѣтъ отъ поземельнаго налога и подымной подати; 4) выдача долгосрочныхъ ссудъ изъ казны.

По содержанію доклада происходили пренія, во время которыхъ отдѣльными членами высказано было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

И. Я. Софійскій выразилъ сомнѣніе въ дѣйствительности принудительныхъ мѣръ въ дѣлѣ борьбы съ черезполосностью.

П. П. Вилліамсъ призналъ вполне цѣлесообразными мѣрами какъ сочетаніе принудительности и свободной инициативы, проводимое въ докладѣ, такъ и тѣ матеріальныя затраты, которыя придется понести правительству при такомъ способѣ заведенія колоніальнаго устройства крестьянъ, благосостояніе которыхъ составляетъ прочную основу государственнаго хозяйства Россіи.

Я. Д. Волковъ замѣтилъ, что успѣхъ колоніальнаго устройства въ сѣверныхъ уѣздахъ Сувалкской губерніи находится въ прямой зависимости не отъ принудительныхъ мѣръ со стороны правительства, но отъ крупныхъ размѣровъ надѣла, необычныхъ въ сравненіи съ другими мѣстностями Царства Польскаго.

А. В. Горбуновъ сослался на установившееся въ литературѣ вопроса мнѣніе, что чрезполосность особенно вредна не для мелкихъ хозяйствъ, но для крупныхъ. Того же мнѣнія держатся инстинктивно и крестьяне, косные и равнодушные, какъ указывалось въ докладѣ, къ существующей черезполосности. Проектируемыя докладчикомъ мѣры будутъ не дѣйствительны и безсильны, если не будутъ опираться

на болѣе широкія мѣропріятія, направленныя противъ малоземелья и къ поднятію сельскохозяйственной культуры среди крестьянъ. Въ докладѣ упущенъ послѣдній, но важнѣйшій моментъ процесса коммасаціи, именно—юридическое закрѣпленіе за владѣльцами земельныхъ участковъ новой нарѣзки.

А. К. Сарандо указалъ на вредъ колоніальнаго устройства для малоземельныхъ крестьянъ. Колоніальное устройство лишаетъ ихъ общественнаго пастбища, слѣдовательно, и возможности вести хозяйство, такъ какъ на мелкомъ участкѣ нельзя имѣть всѣхъ угодій. *А. К.* сослался на примѣръ Англіи, въ которой возникшее изъ борьбы съ чрезполосицей принудительное колоніальное устройство превратило малоземельныхъ крестьянъ въ безземельныхъ пролетаріевъ. Оппонентъ осудилъ также обреченіе крестьянскихъ лѣсовъ на гибель, котораго требуетъ референтъ для торжества колоніальнаго устройства.

Бар. А. Ю. Майдель обратилъ вниманіе на Остзейскія губерніи, въ которыхъ устраненіе чрезполосицы содѣйствовало подъему сельскохозяйственной культуры. На это *А. К. Сарандо* замѣтилъ, что выгоду отъ устраненія чрезполосицы извлекали въ Остзейскихъ губерніяхъ крупныя мызы, а мелкія отъ этого исчезли, что вызвало народженіе безземельнаго крестьянскаго пролетаріата.

Л. С. Венгеровъ высказался въ пользу того, что чрезполосица безусловно вредна, вредна и для мелкаго землевладѣнія. При чрезполосицѣ въ Ломжинской губерніи уходятъ на однѣ границы 63,000 морговъ. Если прибавить къ этому большое количество рабочихъ дней, затрачиваемыхъ на веденіе тяжель о границахъ и пропадающихъ такимъ образомъ для производительнаго труда, то вредъ чрезполосицы будетъ для насъ какъ нельзя болѣе очевиденъ. Необходимо бороться съ чрезполосицей, но врядъ ли окажутся дѣйствительными въ данномъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, мѣры, идущія сверху, и не выдвинутыя самимъ обществомъ. Обращаясь къ частностямъ, оппонентъ полагаетъ, что проектируемый докладчикомъ порядокъ коммасаціи не обезпечиваетъ въ должной мѣрѣ интересовъ третьихъ лицъ—кредиторовъ, пользовладѣльцевъ и арендаторовъ.

Ө. К. Горбъ-Ромашкевичъ замѣтилъ, что при разработкѣ технической стороны проектируемыхъ мѣръ докладчикъ не воспользовался соотвѣтственнымъ опытомъ иностранныхъ государствъ и даже другихъ частей нашего государства, напр., Черниговской и Полтавской губерній, гдѣ соотвѣтственныя мѣры были достаточно рационально разработаны. Самымъ главнымъ упущеніемъ доклада *Ө. К.* считаетъ то, что, усиленно рекомендуя колоніальное устройство, докладчикъ не ставитъ вопроса, созрѣли ли въ краѣ всѣ данныя для перехода къ бо-

лѣе интенсивной культурѣ; а вѣдь только такой переходъ можетъ вызывать необходимость колоніальнаго устройства.

Отвѣчая оппонентамъ *М. Д. Скрабинъ* отстаивалъ положенія своего доклада и давалъ необходимыя разьясненія. Въ частности докладчикъ указалъ: 1) что завершающимъ моментомъ процесса коммассаціи должно быть занесеніе новаго распредѣленія земельныхъ участковъ въ ликвидаціонную табель или данную; 2) что колоніальное устройство не влечетъ за собою уничтоженія общественныхъ пастбищъ, сохраненіе которыхъ можетъ быть постановлено сходомъ; 3) что польскіе экономисты признають мелкое землевладѣніе края вполне созрѣвшимъ для интенсивной культуры, и, слѣдовательно, для колоніальнаго устройства.

III.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

8-го февраля 1903 года.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣтельствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовало 27 членовъ Общества.

П. А. Заболотскій прочиталъ докладъ „Гуманные мотивы поэзіи *Н. А. Некрасова*“ ¹⁾.

Докладъ г. Заболотскаго вызвалъ замѣчанія *А. В. Михайлова*, *А. Л. Погодина* и *Н. Н. Любовича*.

А. В. Михайловъ, указавъ на то, что отзывы русской критики о поэзіи Некрасова отличаются большимъ разнообразіемъ, выразилъ сожалѣніе, что докладъ совсѣмъ почти оставилъ въ сторонѣ мнѣнія тѣхъ серьезныхъ критиковъ, которые, сочувствуя литературной дѣятельности Некрасова, находили однако въ ней и разные недостатки. Самъ докладчикъ признаетъ, что среди этихъ критиковъ были люди даровитые и талантливые, а потому умолчаніе объ отзывахъ такихъ писателей, какъ, напримѣръ, *Аполлонъ Григорьевъ* и др., придаетъ докладу одностороннее освѣщеніе. Въ противоположность мнѣнію докладчика, *А. В.* думаетъ, что Некрасова мы можемъ теперь оцѣнивать въ исторической перспективѣ, не увлекаясь ни въ ту, ни въ другую сторону, чего не видно въ докладѣ, по общему тону—только хва-

¹⁾ Докладъ *П. А. Заболотскаго* напечатанъ во 2-мъ выпускѣ Записокъ Общества исторіи, филологіи и права. Варшава 1903, стр. 35—72 (есть и отдѣльные оттиски).

лебномъ. Что касается семейной драмы Алексѣя Некрасова, то о ней мы пока слишкомъ мало знаемъ, чтобы съ рѣшительностью стать на сторону жены его, какъ это сдѣлалъ докладчикъ. Для насъ эта драма—дѣло совсѣмъ темное, но причина ея, надо думать, заключалась въ крайнемъ несходствѣ характеровъ и міросозерцаній дѣйствующихъ лицъ. Нѣкоторое объясненіе даетъ даже самъ поэтъ, назвавшій, напримѣръ, душу матери „не безстрастной, гордой и упорной“ (Родина).

П. А. Заболотскій согласился, что критическія воззрѣнія А. Григорьева и другихъ серьезныхъ и чуждыхъ узкой партійности критиковъ Некрасовской поэзіи въ докладѣ, дѣйствительно, отмѣчены лишь въ общихъ чертахъ. Но такого пробѣла авторъ доклада не можетъ поставить себѣ въ вину, такъ какъ при разсмотрѣніи этого, несомнѣнно, интереснаго вопроса, онъ рисковалъ бы уклониться въ сторону отъ темы—тѣмъ болѣе, что мнѣнія А. Григорьева и другихъ критиковъ, чуждыхъ партійности, по словамъ докладчика, не противорѣчатъ его мнѣніямъ.

А. Л. Погодинъ замѣтилъ, что Некрасовъ такъ близокъ и дорогъ намъ не столько своими отношеніями къ крѣпостному крестьянину и вообще крѣпостному праву—явленію, для насъ давно уже прошедшему—сколько своей безнадежной тоской о людской пошлости, чѣмъ близокъ намъ Грибоѣдовъ и др. писатели. При этомъ А. Л. сослался на слова Головачевой, которая говоритъ, что Н. послѣ трудовъ испытывалъ полное нравственное изнеможеніе и безысходную тоску. Вотъ объ этой тоскѣ Н—а и слѣдовало бы поговорить автору доклада. Что Н—въ былъ очень гуманный человѣкъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: ходившій про поэта рассказъ, будто онъ приказалъ на запяткахъ своихъ саней вбить гвозди, чтобы отучить мальчишекъ садиться, оказывается злостной выдумкой.

П. А. Заболотскій не согласился съ тѣмъ, что указанный А. Л. Погодинымъ фактъ имѣетъ какое либо отношеніе къ гуманнымъ мотивамъ поэзіи Н—ва. Здѣсь авторъ доклада видитъ скорѣе болѣзненное состояніе поэта, реакцію слишкомъ интенсивной дѣятельности, а не „міровую скорбь“, которую у Н—ва, какъ реалиста до мозга костей, нѣтъ основанія находить.

А. В. Михайловъ обратилъ вниманіе А. Л. Погодина на то, что къ воспоминаніямъ Панаевой-Головачевой слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, и въ частности и вообще.

Н. Н. Любавичъ замѣтилъ, что авторъ доклада, называя мать Некрасова Александрой Закревской, аристократкой родомъ изъ Варшавы, повидимому, не обратилъ вниманія на недавно явившуюся въ журналѣ „Кіевская Старина“ статью, въ которой говорится, на основаніи

церковной записи о бракѣ Алексѣя Некрасова, что жена его называлась Еленой, была православная и происходила изъ Подольской губ., Винницкаго уѣзда.

П. А. Заболотскій отвѣтилъ, что, будучи знакомъ со статьею, на которую указываетъ Н. Н. Любавичъ, онъ однако не считаетъ возможнымъ, при наличныхъ біографическихъ матеріалахъ о Некрасовѣ и его родныхъ, недовѣрять яснымъ свидѣтельствамъ самой поэзіи Некрасова. Впрочемъ, указанная статья вовсе не отрицаетъ мнѣнія автора о пребываніи матери поэта въ г. Варшавѣ; вѣдь неваршавское происхожденіе родныхъ матери поэта не исключаетъ возможности пребыванія Закревскихъ въ Варшавѣ, на что прямо указываетъ поэтъ, выставившій на письмѣ въ poemѣ „Мать” дату: „Варшава 1820 г.”

Послѣ небольшого перерыва былъ прочитанъ докладъ *И. П. Созоновичемъ* „Джемсъ Чайльдъ и его изданіе англійскихъ и шотландскихъ народныхъ балладъ” ¹⁾.

IV.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

26-го февраля 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ В. Н. Александренко, присутствовало 26 членовъ Общества.

Слушали докладъ *Ф. П. Будкевича* „Кодификація законовъ и новый проектъ Гражданскаго Уложенія”.

Докладъ содержалъ въ себѣ слѣдующія основныя положенія.

Кодификаціонныя попытки, имѣющія у насъ мѣсто съ первыхъ годовъ XVIII вѣка, не привели къ желанной цѣли: общей кодификаціи всѣхъ законовъ у насъ нѣтъ; имѣется лишь Сводъ Законовъ, который не обнимаетъ собою всего нашего законодательства и не даетъ органической его системы.

Въ прошлое царствованіе положено начало кодификаціи гражданскаго права; въ настоящее время коммиссія, составляющая проектъ гражданскаго уложенія, приближается къ окончанію своихъ трудовъ. Результаты трудовъ коммиссіи нельзя признать удачными; коммиссія не сумѣла уложить нормы гражданскаго права въ стройную, органиче-

---

¹⁾ Докладъ И. П. Созоновича напечатанъ во 2-мъ выпускѣ „Записокъ” Общества (стр. 73—83). Есть и отдѣльные оттиски.

скую систему и сверх того допустила, по мнѣнію докладчика, принципиальную ошибку въ постановкѣ вопроса о защитѣ владѣнія. Эта послѣдняя ошибка заставляетъ докладчика признать дѣятельность комиссіи не только бесполезной, но и прямо вредной.

Главную причину недостиженія цѣли всѣми безъ исключенія кодификаціонными комиссіями докладчикъ видитъ въ отсутствіи правильной системы общей кодификаціи, обнимающей все законодательство. Докладчикъ беретъ на себя задачу восполнить этотъ основной недостатокъ и предлагаетъ свою органическую систему общаго уложенія. Предлагаемая докладчикомъ система общей кодификаціи основывается на дѣйствительности правъ, объемлющихъ и организующихъ нашу жизнь: *государственнаго* права, предоставляющаго лицу власть надъ лицомъ, и гражданскаго или *имущественнаго*, предоставляющаго лицу власть надъ имуществомъ. Все законодательство каждаго государства заключается, по мнѣнію докладчика, въ слѣдующихъ четырехъ категоріяхъ: 1) верховная власть и основные законы; 2) законодательство по государственному праву (отношеніе лица къ лицу); 3) законодательство по имущественному праву (отношеніе лица къ имуществу); 4) охранительные законы (законы, охраняющіе предписанія государственнаго и имущественнаго права). По указаннымъ категоріямъ докладчикъ распредѣляетъ весь законодательный матеріалъ Свода, присоединяя къ нему еще узаконенія по военному вѣдомству, морскому, государственному контролю, по устройству и управленію духовныхъ дѣлъ, и прочія узаконенія, не вошедшія въ Сводъ.

Слѣдуя Кавелину, докладчикъ исключаетъ изъ гражданскаго права семейственныя отношенія и ограничиваетъ его исключительно отношеніями имущественными. Систему гражданскаго уложенія докладчикъ развиваетъ слѣдующую. Все уложеніе дѣлится на двѣ части: общую и особенную. Общая часть подраздѣляется въ свою очередь на двѣ части: 1) законоположенія о имуществахъ, и 2) законоположенія о лицахъ. Особенная часть состоитъ тоже изъ двухъ отдѣловъ: 1) законоположеній о вещныхъ правахъ лицъ на имущество, и 2) законоположеній о личномъ правѣ по имуществу. Отдѣльных самостоятельныхъ вещныхъ правъ на имущество докладчикъ признаетъ два: 1) право собственности на свое имущество, и 2) обладаніе по праву чужимъ имуществомъ. Последнее представляетъ много разновидностей. Личное право по имуществу дѣлится докладчикомъ на два вида: 1) личное право по закону, и 2) личное право по договору.

Законодательную ошибку комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія докладчикъ видитъ въ томъ, что комиссія ввела въ проектъ уложенія порядокъ защиты владѣнія, созданный у насъ Уста-

вомъ Гражданскаго Судопроизводства 1864 года, удлинивъ лишь срокъ для предъявленія поссесорнаго иска съ шести мѣсяцевъ до года. Такой порядокъ, по мнѣнiю докладчика, покровительствуетъ незаконнымъ захватамъ недвижимой собственности и не обезпечиваетъ въ должной мѣрѣ правъ собственника. Въмѣсто существующаго порядка докладчикъ предлагаетъ выработанный имъ институтъ возстановленія владѣнiя и пользованiя; по мысли докладчика, защита владѣнiя собственника должна даваться безсрочно, и при удовлетворенiи просьбъ о возстановленiи должны быть разсматриваемы документы. Въ подтвержденiе своего проекта докладчикъ ссылается на то, что подмѣченная имъ законодательная ошибка уже исправлена въ судахъ, подвѣдомстве нныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ 1893 году и притомъ съ согласiя министерства юстиции. На основанiи циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ волостные судьи уже принимаютъ къ своему разсмотрѣнiю иски о возстановленiи нарушеннаго владѣнiя безъ ограниченiя 6-мѣсячнымъ срокомъ (безсрочно) и при рѣшенiи ихъ разсматриваютъ документы о правѣ ¹⁾.

По выслушанiи доклада предѣдатель обратилъ вниманiе на то, что въ докладѣ подняты вопросы выдающейся трудности и величайшей важности, и предложилъ отложить пренiя до слѣдующаго засѣданiя. Предложенiе было принято собранiемъ.

V.

Засѣданiе историко-филологическаго отдѣленiя.

2-го марта 1903 г.

Въ засѣданiи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовали 18 членовъ Общества.

Въ этомъ засѣданiи были сдѣланы сообщенiя: 1) *А. Л. Погодинымъ* „Изъ психологiи народнаго творчества“ и 2) *И. И. Замотинымъ* „Нѣмецкая романтическая доктрина въ русской журнальной критикѣ 20-хъ годовъ XIX-го столѣтiя“.

---

¹⁾ Высказанные въ докладѣ взгляды подробно развиты *Ф. П. Будкевичемъ* въ слѣдующихъ печатныхъ его трудахъ: Новая теорiя владѣнiя, 1895 г.; Новая система гражданскаго права, 1-е изд. 1897 года; 2-ое, дополн., 1898 года; Частный проектъ Гражданскаго Уложенiя Россiйской Имперiи (съ объяснительной запиской и приложенiями), 1901 г.; Законодательная ошибка, 1902 г.

Содержаніе доклада А. Л. Погодина заключалось въ слѣдующемъ. Терминъ „народная психологія“ до сихъ поръ остается неяснымъ и неопредѣленнымъ, хотя онъ уже давно существуетъ въ обращеніи. Въ прежнее время этимъ терминомъ часто пользовались; но если мы познакомимся съ 20-ю томами журнала Лацаруса и Штейнталя „*Zeitschrift für Völker-Psychologie*“, то увидимъ, что все ихъ содержаніе сводится въ сущности только къ изслѣдованіямъ въ области народнаго быта и языка. То же замѣчается и въ настоящее время. Ученые Vierkandt, Schulze и др. производятъ, напр., изслѣдованія психологіи цѣлыхъ крупныхъ группъ человѣчества, культурныхъ народовъ и дикарей, а между тѣмъ въ этихъ изслѣдованіяхъ нерѣдко обобщаются факты разныхъ категорій. Докладчикъ полагаетъ, что съ довѣріемъ можно относиться только къ такому изученію „психологіи народа“, которое совершается при наблюденіи одного и того же факта у народовъ разныхъ культуръ; только въ этомъ случаѣ можно прійти къ выводамъ, имѣющимъ прямое отношеніе къ психологіи народа. Такимъ матеріаломъ, по мнѣнію докладчика, могутъ служить сказки, большинство которыхъ въ настоящее время можно смѣло назвать интернаціональными, такъ какъ онѣ повторяются, конечно, въ разныхъ измѣненіяхъ почти у всѣхъ народовъ; таковы, напр., сказка объ умномъ и глупомъ, извѣстная уже Езопу; такова также сказка о лисѣ, записанная въ Африкѣ Бликомъ и извѣстная всѣмъ европейскимъ литературамъ и повторяющаяся въ Камбоджи (только тутъ вмѣсто лисы дѣйствуетъ заяцъ).

Вопросъ о путяхъ распространенія и заимствованія сказокъ—вопросъ очень сложный. Только въ единичныхъ случаяхъ можно иногда прослѣдить путь, коимъ та или другая сказка перешла отъ одного народа къ другому. Масперо, извѣстный собиратель египетскихъ сказокъ, былъ однажды пораженъ, услышавъ отъ одного феллаха сказку о двухъ братьяхъ, очень похожую на найденную имъ въ одномъ папирускѣ XIV вѣка до Р. Х. Оказалось, что феллахъ слышалъ эту сказку отъ одного народнаго учителя, который, въ свою очередь, прочиталъ ее въ сборникѣ Масперо. Переработка, сдѣланная феллахомъ, можетъ, конечно, навести на нѣкоторыя заключенія о народной психологіи. Далѣе А. Л. Погодинъ передалъ содержаніе итальянской сказки „О пѣтухѣ и мыши“, которую Кешинъ, собиратель сказокъ американскихъ индѣйцевъ изъ племени „Зуни“, во время путешествія по Америкѣ какъ то на привалѣ прочиталъ изъ сборника своимъ проводникамъ. Годъ спустя Кешинъ ту же сказку услышалъ изъ устъ одного изъ тѣхъ индѣйцевъ, которые были его проводниками въ прошломъ году. Зунійскій вариантъ сказки о пѣтухѣ и мыши, записанный Кешиномъ (*Kiching. Zuni folk's Tales 1901*), отличается отъ своего непосредствен-

наго — по мнѣнію докладчика — оригинала, италіанской сказки, большими подробностями, которыя могутъ служить надежнымъ матеріаломъ для сужденій о психологіи народнаго творчества индѣйцевъ Зуни.

Докладъ вызвалъ обменъ мнѣній между А. В. Михайловымъ, Е. О. Карскимъ, О. О. Базинеромъ, Н. Н. Любавичемъ, А. П. Косминскимъ, Д. В. Туткевичемъ и докладчикомъ.

А. В. Михайловъ выразилъ сомнѣніе въ зависимости зунійской сказки отъ италіанской. Если обыкновенный пѣтухъ родомъ изъ Индостана (джунгли), то въ Америкѣ его могутъ знать очень давно, и сказка Зуни, объясняющая между прочимъ появленіе гребешка и сережекъ у пѣтуха, могла сложиться и самостоятельно.

Е. О. Карскій замѣтилъ, что сюжетъ сказки о пѣтухѣ и мыши международный.

О. О. Базинеръ отнесся совершенно отрицательно къ положенію докладчика, что разныя подробности зунійской сказки даютъ матеріалъ для сужденія о народной психологіи. Индѣецъ зуни, рассказавшій сказку, по мнѣнію О. О., не могъ быть полнымъ дикаремъ. Поэтому въ подробностяхъ его сказки можно видѣть только простую рационализацию болѣе древнихъ мотивовъ. Сказка объ Амурѣ и Пеихеѣ восходитъ къ очень древнимъ временамъ, а въ ея литературной обработкѣ все рационализируется. То же слѣдуетъ сказать и о всякой вообще мифологіи: все въ ней идетъ по пути рационализации. Какъ трудно добывать матеріалъ и дѣлать на основаніи его выводы о народной психологіи, это доказали, по словамъ самого же докладчика, извѣстные Лацарусъ и Штейнталь.

Н. Н. Любавичъ также призналъ, что осложненія въ зунійской сказкѣ даютъ право говорить только о рационализаци, свойственной даже ребенку.

Прежде всего важно знать, откуда индѣецъ взялъ подробности въ своей сказкѣ, неизвѣстныя италіанскому разсказу. Очень возможно, что онъ въ данномъ случаѣ воспользовался только формой чужого разсказа, содержаніе же сказки о пѣтухѣ и мыши было у него готовое. Въдь о культурѣ этихъ индѣйцевъ, въ частности — объ ихъ эпосѣ, мы пока ничего не знаемъ.

А. П. Косминскій замѣтилъ, что одна изъ подробностей сказки индѣйца — *боги не давали дождя за грѣхи людей* вовсе не составляетъ особенности индѣйскаго міровоззрѣнія, какъ предполагаетъ докладчикъ. Идея божескаго возмездія за добрыя дѣла и грѣхи извѣстна библии и вообще связана съ религіознымъ міровоззрѣніемъ всякаго народа.

Д. В. Туткевичъ сказалъ, что онъ не раздѣляетъ увѣренности докладчика въ тождествѣ происхожденія обѣихъ сказокъ. Развѣ у зунійцевъ не могло быть аналогичныхъ сказаній? Въ устномъ пересказѣ содержаніе нерѣдко до того мѣняется, что самъ авторъ разсказа можетъ не узнать его.

Возраженія А. Л. Погодина сводились къ слѣдующему: 1) Въ зависимости зунійской сказки отъ италіанской нельзя сомнѣваться. Кроме обстоятельствъ, предшествовавшихъ появленію сказки индѣйца, на эту зависимость указываетъ также обстановка, при которой совершается дѣйствіе въ сказкѣ зуні: тутъ упомянутъ городъ „большихъ наводненій“ (Венеція), а старуха, хозяйка пѣтуха, названа италіанкой. Во всемъ сборникѣ Кешина нѣтъ больше сказокъ, которыя сколько-нибудь напоминали бы европейскія, кромѣ этой одной. 2) Нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что сказка индѣйца составлена самимъ разсказчикомъ. 3) Осмысленіе, рационализація мотивовъ италіанскаго разсказа въ сказкѣ зуні и есть, по мнѣнію докладчика, одинъ изъ признаковъ, опредѣляющихъ понятіе „психологія народа“. 4) Въ міросозерцаніи племени Зуні преобладаетъ міеологія (космогонія), которая и отразилась въ сказкѣ. Если бы италіанскій разсказъ попалъ, напр., къ бѣлоруссамъ, то онъ не облекся бы въ міеологію. 4) На основаніи зунійской сказки можно говорить о психологіи именно *народнаго* творчества, такъ какъ зунійцы представляютъ въ смыслѣ развитія настолько не дифференцированную массу, что продуктъ творчества одного изъ нихъ является народнымъ достояніемъ.

Послѣ небольшого перерыва былъ прочитанъ докладъ И. И. Замотинъ. Авторъ познакомилъ слушателей съ общимъ характеромъ русской литературы 20-хъ годовъ и отношеніемъ къ нѣмецкой романтической доктринѣ только одного русскаго журнала, именно — Московскаго Вѣстника М. Погодина. Въ сферѣ идей и ихъ практическаго примѣненія русская литература 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія отличается большимъ броженіемъ: идетъ жестокій споръ между романтиками и классиками, высказываются новые взгляды на поэзію и искусство, подводятся итоги прошедшему, рисуются перспективы будущаго и т. п. По этому броженію 20-ые годы прошлаго столѣтія отчасти напоминаютъ нынѣшнее время: и теперь, какъ тогда, въ поэзіи и искусствѣ ищутъ, какъ извѣстно, новыхъ путей, новаго содержанія т. н. символисты и декаденты. Изъ сравненія этихъ двухъ моментовъ выясняется, по мнѣнію докладчика, историческое значеніе романтизма и отношеніе литературной теоріи 20-хъ годовъ къ современнымъ намъ литературнымъ исканіямъ. Въ дальнѣйшемъ И. И. Замотинъ остановился на характеристикѣ романтизма Московскаго Вѣстника. Авторитетомъ и вдохновителемъ этого серьезнаго журнала московскихъ

профессоровъ были братья Шлегели (Августъ и Фридрихъ). Подъ вліяніемъ Шлегелей написаны критическія статьи Шевырева, Камашева и Титова, на разсмотрѣніи которыхъ докладчикъ главнымъ образомъ и остановился.

По этимъ статьямъ романтизмъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. 1) Романтическая поэзія — это самобытная поэзія новой Европы, въ противоположность поэзіи античной и ложноклассицизму. 2) Начало романтизма — средніе вѣка; одинъ изъ основныхъ элементовъ его — христіанство. 3) Внутренняя сущность этой поэзіи — проявленіе самосознающей человѣческой личности. 4) Основной мотивъ романтизма — проповѣдь возвышеннаго идеала, который опредѣляется стремленіемъ человѣческой души къ безконечному. 5) Главное условіе романтическаго творчества — свобода художественной дѣятельности какъ отъ обыденныхъ матеріальныхъ явленій, такъ, въ частности, и отъ обыденной морали. 6) Излюбленная форма романтической поэзіи — романъ, поэтический разсказъ, захватывающій жизнь не только въ ея мелочахъ, но и въ идеальныхъ проявленіяхъ. Матеріалъ для романтическаго творчества — это обширная область всемірной поэзіи но предпочтеніе отдается все-таки своимъ народно-поэтическимъ сокровищамъ.

Съ вопросами о генезисѣ и сущности романтизма Московскій Вѣстникъ, подъ вліяніемъ той же нѣмецкой критики (Шлегель), разрѣшалъ также вопросъ и о разложеніи этого литературнаго направленія. Изъ статьи Шевырева, который раздѣляетъ новѣйшихъ поэтовъ на двѣ группы, можно заключить, что авторъ видитъ въ романтизмъ своего времени двѣ струи: идеалистическую (Шиллеръ, Байронъ, Жуковский) и реалистическую (Гете, Пушкинъ), въ которыя и входятъ всѣ художественныя произведенія и европейской и русской литературы. Струя реалистическая возьметъ верхъ надъ идеалистическимъ направленіемъ. Что касается положенія античной поэзіи, то этотъ вопросъ Московскій Вѣстникъ рѣшаетъ также по Шлегелю, т. е. отвергается ложный классицизмъ и рекомендуется изученіе античной поэзіи въ ея чистомъ видѣ. Такъ какъ обѣ струи романтизма, какъ самобытной поэзіи, должны быть національны, то изученіе русскихъ народныхъ пѣсень „для насажденія древа русской поэзіи“, какъ выражался докладчикъ, становилось, конечно, обязательнымъ. Это признавалъ и Московскій Вѣстникъ, но его наблюденія надъ народной поэзіи оказались недостаточными. Такимъ образомъ въ русской журнальной критикѣ 20-хъ годовъ романтизмъ, по заключенію докладчика, вовсе не какъ туманенъ, какимъ онъ, къ сожалѣнію, изображается въ нашихъ учебникахъ и даже ученыхъ сочиненіяхъ. Изъ двухъ теченій, на которыя разложился романтизмъ, возобладало *реалистическое*.

XIX вѣкъ въ поэзіи — это эпоха созданія реально-художественныхъ образцовъ. Въ своемъ постепенномъ развитіи поэтический реализмъ смѣнился *натурализмомъ*, который дошелъ до крайнихъ предѣловъ, но въ послѣднее время идеалистическая струя романтизма напомнила о себѣ въ мотивахъ поэзіи декадентовъ. Декадентство съ его культомъ личнаго, субъективнаго настроенія, воспроизводитъ, повидимому, ученіе романтиковъ о свободѣ художественнаго творчества, о художественномъ произволѣ. Содержаніе декадентства — призрачная жизнь иллюзій — весьма близко напоминаетъ о томъ художественномъ созерцаніи, свободномъ отъ узкихъ условій вещественности и морали, которое проповѣдали романтики. Декадентство, по словамъ докладчика, имѣетъ значеніе, какъ реакція исключительному натурализму, какъ своевременное напоминаніе о необходимости идеальной стороны въ жизни вообще и въ искусствѣ въ частности. Эти два теченія, реалистическое и идеалистическое, завѣщанныя намъ романтизмомъ 20-хъ годовъ, можетъ быть, долго еще будутъ чередоваться по мѣрѣ крайняго развитія того или другого изъ нихъ. Но романтизмъ 20-хъ годовъ оставилъ намъ еще одинъ великій завѣтъ: въ поискахъ за матеріаломъ творчества обращаться къ своей родной почвѣ, а этотъ завѣтъ остается еще въ полной силѣ. Сокровища нашей народной словесности настолько еще не исчерпаны въ поэзіи, что ихъ надолго хватитъ для нашего художественнаго творчества, все равно — будетъ-ли она развиваться въ реалистическомъ или идеалистическомъ направленіяхъ.

А. В. Михайловъ замѣтилъ, что т. н. новый романтизмъ становится понятенъ и ясенъ только при историческомъ освѣщеніи. Его зарожденіе и его отличительныя черты полностью объясняются политическимъ и социальнымъ положеніемъ Европы въ началѣ XIX-го вѣка. Поэтому романтизмъ въ изложеніи М. В., съ его слишкомъ общими схемами и категоріями, такъ же туманенъ, какъ и въ нашихъ учебникахъ, и съ благопріятнымъ отзывомъ докладчика объ этомъ изложеніи трудно согласиться. Не видитъ оппонентъ также и настоящаго сходства между идеалистической струей романтизма съ одной стороны и современнымъ декадентомъ съ другой.

И. И. Замотинъ возразилъ, что своего собственнаго взгляда на происхожденіе романтизма онъ въ докладѣ не излагалъ, а русская журнальная критика 20-хъ годовъ XIX-го столѣтія, по его мнѣнію, не могла судить объ этомъ литературномъ направленіи такъ, какъ мы о немъ теперь судимъ: для нея оно не было еще историческимъ прошлымъ.

VI.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

12-го марта 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 30 членовъ Общества.

Въ этомъ засѣданіи происходили пренія по поводу доложеннаго въ предшествовавшемъ засѣданіи реферата *Ф. П. Будкевича* „Кодификація законовъ и новый проектъ Гражданскаго Уложенія Россійской Имперіи“.

Ходъ и содержаніе преній были слѣдующіе.

И. Н. Трепичкинъ указалъ прежде всего на то, что докладчикъ придалъ вопросу о системѣ преувеличенное значеніе. Достоинства и недостатки кодексовъ зависятъ не отъ системы. По институціонной системѣ составлены французскій Гражданскій Кодексъ и I ч. X т. Св. Зак., между тѣмъ по внутреннимъ достоинствамъ эти кодексы существенно различны. Общегерманское Гражданское Уложеніе составлено по пандектной системѣ и представляетъ собою весьма хорошій кодексъ; достоинства его не зависятъ отъ системы: первый его проектъ, составленный по той же системѣ, былъ неудовлетворителенъ и отвергнутъ рейхстагомъ. У насъ нѣтъ кодекса, но лишь Сводъ гражданскихъ законовъ не потому, что Сперанскій не зналъ правильной системы, какъ полагаетъ докладчикъ, а потому, что Императоръ Николай I не желалъ новаго Уложенія и повелѣлъ лишь свести законы существовавшіе.

Обратившись къ системѣ докладчика, *И. Н.* призналъ ее неудовлетворительной. Докладчикъ слѣдуетъ Кавелину не до конца: ограничиваетъ гражданское право правомъ имущественнымъ, но не включаетъ въ него имущественныхъ отношеній съ государствомъ (по уплатѣ податей, полученію жалованья и т. п.) Спрашивается, каковъ же тотъ критерій, по которому докладчикъ отдѣляетъ публично-правную сферу отъ частно-правной. Критерій этотъ, къ сожалѣнію, не указанъ, между тѣмъ онъ, очевидно, необходимъ для построенія системы гражданскаго права. Цѣлесообразность требуетъ внесенія въ систему гражданскаго права и личныхъ отношеній, потому что имущественныя отношенія разсматриваются въ неразрывной связи съ ними.

По вопросу о защитѣ владѣнія *И. Н.* находитъ болѣе правильнымъ порядокъ существующій. Въ основѣ его лежитъ идея общественнаго порядка, не допускающаго самоуправства. Во имя идеи,

а не въ видахъ охраны захвата, какъ неточно рисуетъ положеніе дѣла докладчикъ, возстановляется всякое нарушенное владѣніе, а для вопроса о правѣ существуетъ обычный тяжёбный порядокъ. Порядокъ этотъ сложенъ и медлителенъ; интересы общественнаго спокойствія требуютъ болѣе скораго удовлетворенія и находятъ его въ самостоятельномъ поссессорномъ искѣ.

Въ отвѣтъ на замѣчанія И. Н. Трепицына Ф. П. Будневичъ сказалъ слѣдующее.

Система есть существеннѣйшее условіе для достиженія цѣли—составленія правильнаго гражданскаго уложенія; это достаточно доказывается тѣмъ, что до настоящаго времени въ уложеніи нѣтъ надлежащаго мѣста для авторскаго права и потому оно въ проектѣ комиссіи ошибочно отнесено къ вотчиннымъ правамъ, а въ германскомъ уложеніи и вовсе пропущено; между тѣмъ въ частномъ проектѣ гражданскаго уложенія, составленномъ по новой системѣ, для него есть мѣсто, присущее природѣ этого права, именно,—оно помѣщено мною во второй книгѣ („Личное право”), такъ какъ авторское право и есть именно личное право, а не вотчинное.

Мнѣніе, будто новое германское уложеніе прекрасно, ошибочно; объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ въ рядѣ статей проф. Покровский, и даже нѣмецкіе ученые.

Ни въ какомъ случаѣ нельзя оставить существующій порядокъ защиты владѣнія. Возстановленіе всякаго бывшаго обладанія противорѣчитъ жизненной правдѣ и практическимъ потребностямъ. Должно возстановлять *владѣніе* и *пользовладѣніе*, т. е. недвижимую собственность и обладаніе чужимъ недвижимымъ имуществомъ по праву отъ завладѣнія, а слѣдовательно *не должно* возстановлять всякое обладаніе; въ брошюрѣ „Законодательная ошибка” съ очевидною ясностью указана сущность этой ошибки, причины ея, тяжкія послѣдствія ея въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ и единственный способъ исправленія ошибки.

П. П. Вилліамсъ остановился на важнѣйшей части доклада, — на вопросѣ о защитѣ владѣнія. Становясь на сторону существующаго въ этомъ отношеніи порядка, П. П. указалъ, что институтъ поссессорныхъ исковъ относится къ публичному праву. Природа поссессорнаго иска выясняется въ исторіи его развитія. Въ древнемъ римскомъ правѣ большое значеніе принадлежало самозащитѣ. Послѣдняя примѣнялась и для возстановленія нарушеннаго владѣнія. Съ ростомъ правового порядка самозащита постепенно устранялась вмѣшательствомъ публичной власти. Въ дѣла о нарушеніи владѣнія вступилъ преторъ не какъ судья, но какъ носитель *imperium*'а. Изъ преторскаго интердикта развился съ теченіемъ времени поссессорный искъ.

Устраненіе самозащиты и сохраненіе общественнаго спокойствія составляетъ внутренній разумъ (*ratio legis*) поссессионаго иска. Въ осуществленіи этого иска есть нѣкоторые диссонансы, но основная цѣль его сохраняетъ свое практическое значеніе и въ настоящее время. Поэтому существующій порядокъ защиты владѣнія долженъ быть въ основѣ своей сохраненъ. Могутъ быть сдѣланы частичныя измѣненія; такъ, добросовѣстнымъ владѣльцамъ противъ недобросовѣстныхъ могъ бы быть представленъ виндикаціонный искъ.

Противъ сказаннаго П. П. Вилліамсомъ *Ф. П. Будкевичъ* возразилъ слѣдующимъ образомъ.

Возстановлять всякое обладаніе для предотвращенія насилій совершенно безцѣльно, потому что такое возстановленіе происходитъ *послѣ* совершеннаго насилія, т. е. тогда, когда насиліе уже не можетъ быть предотвращено. Предотвращеніе проступковъ и преступленій достигается исключительно полицейскими мѣрами (до совершенія проступковъ), но не судебными рѣшеніями и притомъ послѣ совершенія проступковъ; отнятіе же судебнымъ рѣшеніемъ имущества у лица, имѣющаго права, и передача лицу, обладавшему, но не имѣющему права (что неизбѣжно при возстановленіи всякаго бывшаго обладанія и воспрещеніи разсматривать документы и вообще доказательства о правѣ), приводитъ къ совершенію большаго числа проступковъ и преступленій. Такимъ образомъ, возстановленіе всякаго обладанія не можетъ охранить общественный порядокъ, т. е. предотвращать насилія и самоуправства, а, наоборотъ, приводитъ къ нарушенію его совершеніемъ цѣлаго ряда проступковъ и преступленій, которыхъ безъ этой ошибки не было бы.

О. В. Тарановскій указалъ на то, что освобожденіе семейныхъ отношеній отъ прямого воздѣйствія и непосредственнаго вмѣшательства государственной власти является продуктомъ долгаго историческаго развитія. Въ виду этого предполагаемое докладчикомъ исключеніе изъ системы частнаго права правъ семейственныхъ было бы шагомъ назадъ и ухудшеніемъ.

На замѣчаніе *О. В. Тарановскаго* *Ф. П. Будкевичъ* возразилъ ниже слѣдующее.

Семейственное право, опредѣляющее *личныя* отношенія членовъ семьи, по существу своему относится къ области государственнаго права и имѣетъ надлежащее мѣсто въ IX томѣ — о состояніяхъ, *имущественныя* же отношенія членовъ семьи помѣщены въ частномъ проектѣ.

Въ заключеніе всѣхъ своихъ возраженій *Ф. П. Будкевичъ* сказалъ слѣдующее.

Существенно необходимо подвергнуть обстоятельному разбору проект Комиссии и „Частный проект“, и только тогда, т. е. послѣ сравненія ихъ, дѣлать выводы и заключенія.

Слушали докладъ В. А. Францева „Новая реформа управленія и суда въ Черногоріи (утвержденная 6 декабря 1902 г.)“.

Докладчикъ познакомилъ собраніе съ важной реформой государственнаго управленія Черногоріи, послѣдовавшей въ концѣ минувшаго года. Въ Николинъ день (6 декабря 1902 г.), день тезоименитства князя, объявлены новые законы, обеспечивающіе государственное развитіе черногорскаго народа. Со времени изданія въ 1888 г. гражданскаго уложенія („Обшти имовински законникъ“) не было ни одного столь выдающагося момента въ жизни Черной Горы, какъ обнародованіе реформъ 6 декабря 1902 года. Въ рѣчи, обращенной въ этотъ день къ чинамъ черногорскаго правительства, князь указалъ на необходимость преобразованій въ государственномъ управленіи и прежде всего отмѣтилъ настоятельную потребность въ реорганизации княжескаго правительства и государственнаго совѣта (државни савѣт). Новый законъ о княжескомъ правительствѣ и государственномъ совѣтѣ есть въ сущности результатъ исправленія, переработки и дополненія прежняго закона. Далѣе обнародованы были законы: 1) о судебной власти, 2) объ устройствѣ судовъ въ княжествѣ, 3) о компетенціи гражданскаго суда и 4) объ уголовномъ судѣ. Предстоитъ еще опубликованіе „законника о судекомъ поступку“ (о судопроизводствѣ) и нѣкоторыхъ другихъ законовъ, каковы: объ административномъ раздѣленіи государства, объ устройствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и подчиненныхъ ему органовъ, о преобразованіи податной системы и таможеннаго дѣла. Одновременно съ обнародованными законами князь подписалъ и законъ о престолонаслѣдіи („закон о наследствѣ престола Черногорскаго“), потому что, — какъ выразился князь въ своей рѣчи, — необходимо было волю народную, освященную исторіей, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ, подтвердить письменно и точнѣе опредѣлить порядокъ наслѣдованія, дабы избѣжать возможныхъ въ будущемъ сомнѣній и неизвѣстности въ этомъ отношеніи“.

Этотъ законъ въ двухъ экземплярахъ, подписанныхъ княземъ, хранится въ государственномъ и въ придворномъ архивахъ. Самъ князь высказалъ увѣренность, что съ дополненіемъ и исправленіемъ основныхъ законовъ, объявленныхъ 6 декабря 1902 г., наступили новые времена для черногорскаго народа. И дѣйствительно, законы эти были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ, какъ въ самой Черной горѣ, такъ и вообще на славянскомъ югѣ, относящемся съ любовью къ успѣхамъ „сербскаго Пьемонта“. Въ русской печати, кромѣ незначи-

тельныхъ замѣтокъ о совершившемся фактѣ, не было до сихъ поръ никакихъ болѣе обширныхъ сообщеній о черногорской реформѣ.

Докладчикъ подробно изложилъ устройство учрежденныхъ новымъ закономъ шести черногорскихъ министерствъ (внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ, юстиціи, финансовъ, военнаго, народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ) и государственнаго совѣта. Последний имѣетъ значеніе совѣщательнаго при князѣ учрежденія по дѣламъ законодательства и верховнаго управленія. Въ составъ государственнаго совѣта входятъ: наслѣдникъ престола, митрополитъ черногорскій, министры и предсѣдатель государственнаго контроля — по должности, а затѣмъ всѣ тѣ, кому князь пожалуетъ званіе государственнаго совѣтника (државни савѣтник). Докладчикъ изложилъ также законъ о чиновникахъ гражданскаго вѣдомства, изданный въ связи съ общей реформой государственнаго управленія Черногоріи. Въ докладѣ приведены были также отзывы сербскихъ юристовъ о произведенномъ въ Черногоріи преобразованіи.

Сербскіе юристы отнеслись весьма сочувственно къ упорядоченію внутренняго управленія княжества, но не одобряли его бюрократическихъ тенденцій, особенно въ учрежденіи государственнаго совѣта, находя, что бюрократическій режимъ не соответствуетъ демократическому духу черногорцевъ, всѣ симпатіи которыхъ на сторонѣ исконнаго участія народа во власти.

VII.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

23-го марта 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 19 членовъ Общества.

В. В. Власовъ прочиталъ докладъ „Къ вопросу о постановкѣ преподаванія географіи съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій“ ¹⁾.

По поводу доклада произошелъ обмѣнъ мнѣній между А. В. Михайловымъ, И. Г. Швачкомъ, А. П. Соколовымъ, Е. О. Карскимъ съ одной стороны и докладчикомъ — съ другой.

---

¹⁾ Докладъ г. Власова напечатанъ во 2-мъ выпускѣ „Записокъ“ Общества (Варш., 1903, стр. 84—112) и отдѣльными оттисками.

А. В. Михайловъ замѣтилъ, что программа по географіи какъ принятая въ средней школѣ, такъ въ особенности рекомендуемая докладчикомъ, представляетъ большое разнообразіе свѣдѣній, взятыхъ изъ разныхъ отраслей знанія (по географіи физической, политической, по этнографіи, языкознанію, промышленности, искусствамъ, образованію, судостроительству, благотворительности и т. п.). Такое разнообразіе, по мнѣнію *А. В. Михайлова*, едва ли можно одобрить. Докладчикъ не согласился съ такимъ заключеніемъ, сказавъ, что все, входящее въ курсъ школьной географіи, тѣсно связано между собою. На ту же пестроту программы обратилъ вниманіе и *И. Г. Швачко*, который замѣтилъ, что учитель географіи, если онъ естественникъ по специальности, какъ того нѣкоторые желаютъ, едва ли могъ бы стоять на высотѣ своего призванія, рассказывая ученикамъ, положимъ, о судостроительствѣ, искусствахъ или благотворительности въ той или другой странѣ. *В. В. Власовъ* призналъ справедливость этого замѣчанія и сослался на рѣшеніе недавняго съѣзда естествоиспытателей въ Петербургѣ, большинство которыхъ высказалось противъ естественника, какъ преподавателя географіи въ средней школѣ (докладъ Семицкаго). Далѣе *И. Г. Швачко* выразилъ сожалѣніе, что методики по географіи (напр., Соколова, Ральскаго) слишкомъ теоретичны и вообще мало пригодны для преподавателя. Будь онъ проще, тогда, можетъ быть, и современное преподаваніе географіи не вызывало бы большихъ нареканій. Съ другой стороны, хорошей постановкѣ преподаванія географіи въ средней школѣ немало препятствуетъ также и отсутствіе въ нашихъ школахъ разныхъ пособій, необходимыхъ для нагляднаго изложенія предмета, напр., коллекцій, моделей и т. п.

В. В. Власовъ замѣтилъ, что географическія коллекціи можно составить постепенно — при помощи самихъ учениковъ. Докладчикъ поручалъ своимъ ученикамъ собирать во время каникулъ образцы почвъ, растений и т. п., и тѣ охотно это дѣлали, каждый разъ доставляя въ гимназію много разнаго рода предметовъ. Большой матеріалъ могутъ въ послѣдствіи дать и организуемая въ настоящее время экскурсіи учениковъ для изученія естественной исторіи. Далѣе, для увеличенія коллекцій по естествознанію, слѣдовало бы, по мнѣнію докладчика, разнымъ школамъ обмѣниваться своими коллекціями, конечно — дублетами тѣхъ или другихъ предметовъ. Что касается разныхъ географическихъ приборовъ, то онъ, докладчикъ, рекомендуетъ лучше всего выписывать ихъ черезъ Вятское земство отъ тамошнихъ кустарей. Кромѣ этого *В. В. Власовъ* выразилъ также пожеланіе, чтобы въ каждомъ округѣ были устроены для учебныхъ цѣлей общіе естественно-историческіе музеи, конечно, на общія средства многихъ или всѣхъ среднихъ школъ округа.

Е. О. Карскій замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ средней школъ могли бы оказать содѣйствіе университеты.

Послѣ этого, по просьбѣ одного изъ присутствовавшихъ (г. Скринникова), *В. В. Власовъ* познакомилъ гг. членовъ Общества съ приемами и сущностью методовъ, которымъ онъ слѣдуетъ при обученіи географіи въ низшихъ классахъ гимназій. Иллюстраціей этихъ приемовъ служилъ изданный имъ атласъ (Пособіе къ наглядному изученію географіи въ низшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ. 1902), которымъ авторъ и пользовался при своихъ поясненіяхъ. Въ заключеніе докладчикъ сказалъ, что успѣхъ преподаванія географіи зависитъ не столько отъ метода, сколько отъ самого преподавателя: въ рукахъ хорошаго преподавателя всякій методъ хорошъ. Важно только, чтобы обученіе географіи въ низшихъ классахъ всегда шло нагляднымъ путемъ. Пособіями для этой цѣли служатъ: во 1-хъ) географическія карты (лучшія — Кипперта), во 2-хъ) картины разнаго рода: а) идеальныхъ ландшафтовъ, б) типовъ человѣческихъ расъ, в) картины бытовыхъ, г) картины обработки растений и минераловъ и т. п.; въ 3-хъ) глобусы, теллуріи, разные модели, манекены и т. п. и въ 4-хъ) коллекціи по естественной исторіи.

А. П. Соколовъ замѣтилъ, что ограничиваться при обученіи географіи въ 1-мъ классѣ одними только пособіями (картинами, моделями и т. п.), безъ учебниковъ, не всегда можно и удобно, во 1-хъ потому, что не всѣ дѣти обладаютъ въ достаточной степени зрительною памятью, и во 2-хъ еще потому, что уроки нерѣдко пропускаются учащимися. Учебникъ, по словамъ *А. П.*, въ данномъ случаѣ вполнѣ необходимъ.

В. В. Власовъ пояснилъ, что то идеальное пособіе или руководство, о которомъ онъ говорилъ въ своемъ докладѣ, не представляетъ однихъ только картъ и картинъ, оно должно быть непременно снабжено и *текстомъ*, которымъ можетъ пользоваться ученикъ. Что касается современныхъ учебниковъ, то значеніе ихъ, по мнѣнію докладчика, въ данномъ случаѣ очень сомнительно. На вопросъ, предложенный *И. Г. Швачкомъ*, слѣдуетъ ли учениковъ заставлять чертить карты, *В. В. Власовъ* отвѣтилъ, что хотя объ этомъ онъ пока не составилъ себѣ еще опредѣленнаго мнѣнія, но въ общемъ—онъ все-таки противъ черченія, такъ какъ на послѣднее уходитъ много времени. *А. В. Михайловъ* назвалъ черченіе картъ бесполезнымъ занятіемъ.

Е. О. Карскій замѣтилъ, что постановка преподаванія географіи, рекомендуемая г. Власовымъ, во многомъ сходна съ постановкой преподаванія того же предмета въ Германіи, какъ можно заключить изъ статьи *П. П. Фридолина*, Ж. М. Н. Пр. 1903 г., № 3: „Нѣсколько словъ по поводу преподаванія географіи въ Германіи и у насъ“.

VIII.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

4-го мая 1903 года.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 16 членовъ Общества.

Слушали доклады *П. А. Заболотскаго* „О желательности основанія 8-хъ педагогическихъ классовъ при женскихъ гимназіяхъ Варшавскаго Учебнаго Округа“ и *В. А. Мошкова* „Нерѣшенная загадка этнографіи“. Послѣдній докладъ, за отсутствіемъ автора, былъ прочитанъ И. П. Созоновичемъ.

Содержаніе доклада П. А. Заболотскаго заключалось въ слѣдующемъ.

Отмѣтивъ въ началѣ доклада исполнившееся недавно 45-лѣтіе учрежденія открытыхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и указавъ на то почетное мѣсто, какое занимаетъ Россія среди государствъ Европы по постановкѣ въ ней женскаго образованія, авторъ высказалъ увѣренность, что въ настоящее время реформы школьнаго дѣла у насъ не будетъ обойдено и образованіе женское, имѣющее огромное значеніе въ жизни семьи, общества и государства и обратившее на себя серьезное вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ и передовыхъ слоевъ русскаго общества еще въ началѣ эпохи великихъ реформъ. Увѣренность свою въ предстоящихъ свѣтлыхъ дняхъ для русской женской школы докладчикъ основываетъ на тѣхъ знаменательныхъ явленіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ послѣднее время; таковы: признаніе главою Министерства Народнаго Просвѣщенія заслугъ русской женщины на отведенномъ ей поприщѣ — признаніе, высказанное въ рѣчи г. Министра на торжествѣ 1-го выпуска курсистокъ С.-Петербургскаго медицинскаго Института; учрежденіе при Ученомъ Комитетѣ М. Н. Пр. особаго отдѣла по профессиональному женскому образованію; преобразование Варшавскихъ временныхъ курсовъ новыхъ языковъ въ постоянные; запросъ Мин. Нар. Просв. о желательности учрежденія при женскихъ гимназіяхъ Варшавскаго Учебнаго Округа специальныхъ педагогическихъ курсовъ и т. п. Остановливаясь затѣмъ специально на послѣднемъ отмѣченномъ запросѣ г. Министра, докладчикъ опредѣлилъ задачу своего чтенія разсмотрѣніемъ вопроса о современной подготовкѣ ученицъ 8-го класса женскихъ гимназій Варшавскаго Учебнаго Округа къ педагогической дѣятельности, выясненіемъ недочетовъ въ постановкѣ этого дѣла и признаніемъ не только

желательности, но и необходимости приведения въ исполнение министерскаго предложенія.

Разсматривая указанный вопросъ, докладчикъ сдѣлалъ краткій историческій очеркъ женскаго образованія въ предѣлахъ бывшаго Царства Польскаго и остановился на характеристикѣ современной постановки женскаго образованія въ Варшавскомъ Учебномъ Округѣ. Главное вниманіе обратилъ онъ на постановку: а) преподаванія педагогики, методики и дидактики и б) веденія пробныхъ уроковъ въ VII-мъ классѣ женскихъ гимназій Варшавскаго Уч. Округа.

По его мнѣнію, при современной постановкѣ дѣла, преподаваніе педагогики имѣетъ исключительно общеобразовательное, а не практическое значеніе, пробные же уроки въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ ведутся въ женскихъ гимназіяхъ, оставляютъ желать многого и вообще бесполезны. Указавъ на важность ознакомленія учащихся женщннъ, съ одной стороны — съ вопросами физиологіи, психологіи, логики, этики, а съ другой — съ практическими приѣмами обученія дѣтей и руководства ихъ играми, занятіями и т. п., докладчикъ призналъ необходимость, во-первыхъ, основательнаго прохожденія теоретической части педагогики въ VII и отчасти въ VIII-мъ классахъ и, во-вторыхъ, практическихъ занятій по педагогикѣ въ спеціальномъ педагогическомъ VIII-мъ классѣ.

Теоретическія занятія ученицъ VIII-го педагогическаго класса должны, по мнѣнію докладчика, состоять, во-первыхъ, въ изученіи предметовъ общихъ для всѣхъ ученицъ этого класса (напр., Законъ Божій) во-вторыхъ, въ изученіи спеціально избранныхъ предметовъ, каковы: а) русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и русская литература, б) исторія и географія, в) математика и физика и г) новые языки; въ-третьихъ — въ изученіи педагогики (продолженіе и пополненіе курса VII-го класса), дидактики, методики учебныхъ предметовъ элементарнаго курса вообще и методики спеціально избраннаго предмета въ частности. Что касается практическихъ занятій ученицъ педагогическаго класса, то онѣ, по мнѣнію докладчика, могли бы заключаться въ слѣдующемъ: 1) въ посѣщеніи ученицами уроковъ низшихъ классовъ гимназій; 2) въ веденіи пробныхъ уроковъ въ начальной школѣ или въ младшихъ классахъ гимназій; 3) въ оказаніи помощи класснымъ дамамъ и надзирательницамъ при надзорѣ за младшими ученицами при устройствѣ ихъ игръ, чтеній и т. п.; 4) въ выборѣ одной изъ младшихъ ученицъ для спеціальнаго наблюденія за ней и въ составленіи подробной характеристики послѣдней; 5) въ замѣщеніи преподавателей во время ихъ отсутствія на урокахъ въ младшихъ классахъ; 6) въ оказаніи содѣйствія руководителямъ и руководительницамъ: а) обра-

зовательныхъ экскурсій и б) такъ называемыхъ „министерскихъ“ праздниковъ.

Указавъ на эти виды занятій въ VIII педагогическомъ классѣ, докладчикъ однако замѣтилъ, что успѣха дѣла въ этомъ классѣ можно ожидать все-таки при условіи лишь удачнаго подбора руководителей учащихся и при поднятїи вообще на должную высоту положенія преподавателей въ женской средней школѣ. Осуществить хорошій подборъ этихъ руководителей въ настоящее время, по мнѣнію докладчика, возможно только путемъ специальныхъ командировокъ къ выдающимся заграничнымъ и русскимъ педагогамъ лицъ, окончившихъ курсы въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пожелавшихъ посвятить себя указанному дѣлу. Необходимость этихъ командировокъ обусловливается тѣмъ, что во 1-хъ) изъ всѣхъ учебныхъ заведеній Россіи каѳедры педагогики и ея исторіи имѣются лишь въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ Институтѣ и на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ и во 2-хъ) тѣмъ, что обученіе педагогикѣ даже въ этихъ высшихъ школахъ Россіи нельзя назвать вполне достаточнымъ и вообще удовлетворительнымъ.

Что касается второго отмѣченнаго выше условія, то-есть поднятїя на должную высоту положенія учителя средней женской школы, то г. Заболотскій прежде всего указалъ на существующее неравенство въ положеніи учителей мужскихъ и женскихъ гимназій, дурно отражающееся на постановкѣ самого преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ. Такъ, бросается, напр., въ глаза неравенство въ вознагражденіи за одинъ и тотъ же трудъ: за годовой урокъ учитель мужской гимназіи получаетъ 60 р., женской — только 40 р.; исправленіе письменныхъ работъ въ мужской гимназіи оплачивается, въ женской — нѣтъ и т. п.

Отсюда, по мнѣнію докладчика, вытекаетъ то, что въ женскихъ гимназіяхъ приходится въ большинствѣ случаевъ встрѣчать или временныхъ преподавателей, напр., лицъ, готовящихся къ ученымъ степенямъ, лаборантовъ при университетахъ и т. подобныхъ лицъ, занимающихся въ женскихъ гимназіяхъ лишь между прочимъ, или преподавателей изъ мужскихъ учебныхъ заведеній, или, наконецъ, и неудачниковъ, почему-либо не попавшихъ въ преподаватели мужскихъ гимназій и все время мечтающихъ объ уходѣ изъ женскихъ гимназій. Убѣжденныхъ служителей идеи женскаго образованія, готовыхъ мириться со всѣми невыгодными сторонами службы въ женскихъ гимназіяхъ, найдется, конечно, очень и очень мало.

Помимо матеріальныхъ неудобствъ службы въ женскихъ гимназіяхъ, г. Заболотскій указалъ также и на нравственную неудовлетворенность преподавателей женской школы, которые видятъ, что обще-

ство въ большинствѣ случаевъ требуетъ отъ нихъ лишь снисходительнаго отношенія къ дѣвицамъ, несправедливо и оскорбительно для женщины смотреть на женское образованіе и, наконецъ, считаетъ трудъ преподавателя если не совсѣмъ несерьезнымъ дѣломъ, то во всякомъ случаѣ менѣе серьезнымъ, чѣмъ дѣло преподавателей мужской школы.

Доказательствами полной неосновательности послѣдняго мнѣнія и важности для женщинъ такого же серьезнаго образованія, какъ и для мужчинъ, докладчикъ и закончилъ свое чтеніе, высказавъ въ заключеніе надежду, что предполагаемые имъ педагогическіе классы внесутъ болѣе правильный взглядъ на женское образованіе и послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ переходной ступенью къ основанію въ г. Варшавѣ высшихъ женскихъ курсовъ, о чемъ профессора Варшавскаго Университета хлопотали еще въ 1881 году.

Докладъ вызвалъ обмѣнъ мнѣній между *И. П. Филевичемъ*, *И. П. Добровольскимъ* и авторомъ доклада.

И. П. Филевичъ замѣтилъ, что онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ докладчика, будто русское общество относится равнодушно къ женскому образованію. Русское общество, по мнѣнію *И. П.*, напротивъ, всегда очень сочувствовало и сочувствуетъ женскому образованію и въ этомъ оно, можно сказать, даже опередило и опережаетъ западно-европейское общество, въ средѣ котораго есть много убѣжденныхъ противниковъ женскаго образованія. Если наше общество въ послѣднее время какъ будто мало обращаетъ вниманія на образованіе женщинъ, то причина этого кроется не въ равнодушіи и не въ отсутствіи у русскихъ серьезнаго взгляда на женское образованіе, а въ разныхъ перемѣнахъ въ нашей общественности.

И. П. Добровольскій, сославшись на свой педагогическій опытъ, поставилъ на видъ, что преподаваніе въ VIII-хъ классахъ, существующихъ въ женскихъ гимназіяхъ центральной Россіи, нуждается въ коренныхъ улучшеніяхъ. Преподаватель педагогики, онъ же учитель и русскаго языка, въ настоящее время поставленъ въ необходимость не только читать курсы педагогики и вести съ ученицами практическія занятія по этому предмету, но также много заботиться и о расширеніи и укрѣпленіи знаній учащихся по русской литературѣ и языку. Трехъ уроковъ, отведенныхъ на этотъ предметъ, по мнѣнію *И. П.*, слишкомъ недостаточно, вслѣдствіе чего, при самой дружной работѣ, результатъ занятій получается неважный. И практическая сторона дѣла — ознакомленіе съ методами преподаванія (въ данномъ случаѣ — на урокахъ въ приготовительномъ классѣ) также оставляетъ желать многого. При недостаткѣ отведеннаго времени для изученія теоріи, ученицы не желаютъ жертвовать имъ для практическихъ занятій и

весьма неохотно посѣщаютъ уроки въ приготовительномъ классѣ; часто ихъ приходится прямо уговаривать. Обсужденіе вынесенныхъ наблюдений и пробныхъ уроковъ носить характеръ вообще случайный. Въ виду всего этого И. П. полагаетъ, что прежде всего слѣдуетъ позаботиться о расширеніи программы преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ вообще; курсъ наукъ въ этихъ гимназіяхъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, довести до курса мужскихъ. Что касается собственно VIII-хъ педагогическихъ классовъ, введенію коихъ при женскихъ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго Округа нельзя не сочувствовать, то въ нихъ необходимо, по мнѣнію И. П., во 1-хъ) строго разграничить части теоретическую и практическую и во 2-хъ) выяснить и точно опредѣлить составъ и объемъ тѣхъ общеобразовательныхъ знаній, какія докладчикъ только въ общихъ чертахъ предлагаетъ ввести въ дополненіе къ курсу педагогики. И. П. думаетъ, что одного года для подготовленія знающихъ и болѣе или менѣе опытныхъ учительницъ мало.

П. А. Заболотскій отвѣтилъ, что педагогику, по его мнѣнію, въ VIII-мъ классѣ женскихъ гимназій слѣдуетъ преподавать такъ, какъ она изучается въ институтахъ, недостатки же ея преподаванія, указанные И. П., при организаціи VIII-хъ педагогическихъ классовъ въ Варшавскомъ Учебномъ Округѣ, понятно, должны быть приняты во вниманіе и устранены.

И. П. Филевичъ высказался противъ расширенія курса наукъ въ женскихъ гимназіяхъ, рекомендуемаго докладчикомъ и г. Добровольскимъ. Сославшись на циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія, г. Филевичъ замѣтилъ, что у насъ курсы среднихъ школъ и безъ того очень растянуты, чтобы думать объ ихъ расширеніи: всему вѣдь, по словамъ оппонента, все равно не научить. Если сокращеніе курса возможно было сдѣлать въ Политехническихъ институтахъ, отъ чего, по словамъ г. Филевича, слѣдуетъ ожидать хорошихъ результатовъ, то тѣмъ болѣе сокращеніе возможно и желательно въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

П. А. Заболотскій возразилъ, что обученіе въ предполагаемыхъ имъ VIII-хъ классахъ женскихъ гимназій имѣетъ въ виду главнымъ образомъ специальную подготовку къ педагогической дѣятельности, а потому можетъ и не быть обязательнымъ для всѣхъ воспитанницъ, такъ что послѣднія могутъ завершать свое образованіе въ VII-мъ классѣ.

Послѣ небольшого перерыва *И. П. Созоновичъ* прочиталъ докладъ *В. А. Мошкова* „Нерѣшенная загадка этнографіи“.

Въ предисловіи къ своему докладу авторъ рассказываетъ, что, изучая небольшой турецкій народецъ, живущій въ Бендерскомъ и Измаильскомъ уѣздахъ Бессарабской губерніи и извѣстный подъ име-

немъ *галузювъ*, онъ постепенно былъ вовлеченъ въ область научной этнографіи, которая должна была дать ему отвѣтъ на вопросъ: какъ объяснить то поразительное сходство, какое наблюдается у весьма многихъ, притомъ очень отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ, въ области религіозныхъ вѣрованій, обычаевъ, суевѣрій, сказаній и т. п. Высказанные по этому поводу разными учеными взгляды авторъ и приводитъ въ своемъ докладѣ, начиная со стараго писателя — патера Лафито, писавшаго въ первой четверти XVIII в. Тутъ авторъ отмѣчаетъ труды многихъ ученыхъ, какъ Причардъ, Гернесъ, Каторажъ, Бастіонъ, Пешель, Герляндъ, Вайцтъ, Ратцель, Ахелисъ, Гельвальдъ, Лёббокъ, Тейлоръ и др. Все разнообразіе высказанныхъ ими мнѣній о причинѣ сродства международныхъ воззрѣній, какъ извѣстно, сводится къ тремъ главнымъ гипотезамъ (изложенію которыхъ и посвящаетъ авторъ весь свой докладъ). По первой изъ нихъ международныя вѣрованія, обычаи и мѣны возникли совершенно самостоятельно въ каждомъ племени и сходны между собою вслѣдствіе единообразія психической природы людей; вторая гипотеза допускаетъ возможность передачи обычаевъ и мѣновъ отъ одного народа къ другому и распространеніе ихъ по разнымъ странамъ путемъ заимствованія; наконецъ, третья гипотеза объясняетъ сходство международныхъ вѣрованій тѣмъ, что таковыя возникли будто бы въ ту пору, когда человечество составляло еще единый народъ, единое племя. Распространившись потомъ по земному шару, оно разнесло съ собою повсюду и свои первобытныя вѣрованія.

Приведенныя гипотезы не могутъ, по мнѣнію автора, вполне удовлетворительно объяснить причины сродства международныхъ понятій, вѣрованій и учреждений. Вслѣдствіе этого онъ считаетъ себя въ правѣ высказать свою собственную теорію, которая, какъ ему кажется, устранить многія слабыя стороны существующихъ гипотезъ. Изложеніе своей теоріи о происхожденіи международныхъ вѣрованій авторъ отложилъ до одного изъ слѣдующихъ засѣданій Общества.

IX.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

14-го мая 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ В. Н. Александренко, присутствовало 17 членовъ Общества.

Слушали докладъ Г. Д. Мозолеваго „Древнѣйшій въ мірѣ кодексъ — законы царя вавилонскаго Хаммураби“.

Содержаніе этого доклада слѣдующее.

Въ 1899 г. французскимъ ученымъ де-Морганомъ среди руинъ города Сузы была найдена каменная плита съ текстомъ законовъ паря вавилонскаго Хаммураби, правившаго Вавилономъ, а потомъ и всей Месопотаміей съ 2300 по 2250 г. до Р. Хр. Законы эти являются древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ законодательныхъ памятниковъ, и, благодаря богатству своего содержанія, они проливаютъ яркій свѣтъ на современную имъ дѣйствительность: на право уголовное, гражданское и частное международное.

Что касается права уголовного, то законы Хаммураби отличаются значительной жестокостью: за болѣе или менѣе значительныя преступленія законъ почти всегда угрожаетъ смертной казнью въ различныхъ ея видахъ: сожженіе, посаженіе на колъ и т. п. Примѣнялся здѣсь и такъ называемый „судъ божій“: заподозрѣннаго бросали въ рѣку и т. п. Во многихъ случаяхъ предписываются наказанія членовредительныя, напр., отсѣченіе руки у сына, который бьетъ отца, или у врача, который, сдѣлавши операцію, не вылѣчитъ больного. Такимъ же строгимъ является законъ и по отношенію къ архитекторамъ и инженерамъ въ случаѣ ихъ небрежности.

Отношенія гражданского права регулируются во многихъ случаяхъ очень подробно. Такъ, напр., здѣсь мы находимъ много нормъ, опредѣляющихъ взаимныя права и обязанности земельныхъ собственниковъ и арендаторовъ; законъ весьма пространно говоритъ о наймѣ скота, причемъ съ большими подробностями опредѣляется наемная плата. Также очень подробно опредѣляются отношенія супруговъ, родителей и дѣтей по имуществу. Наслѣдственные права на имущество, оставшіяся послѣ отца, принадлежали только сыновьямъ; дочери же еще при жизни отца получали „подарокъ“, которымъ онѣ и распорядились вполнѣ самостоятельно даже и по выходѣ замужъ, что придавало замужней женщинѣ значительную независимость. Да и вообще въ тѣ отдаленныя времена женщина стояла довольно высоко по своей самостоятельности, и законодатель относился къ ней сравнительно гуманно: такъ, если жена, въ случаѣ бездѣтнаго брака, давала своему мужу служанку-рабу, и эта послѣдняя дѣйствительно рождала дѣтей, то владѣлецъ-мужъ не имѣетъ права ни продать эту рабу, ни отпустить ее съ пустыми руками: онъ долженъ былъ дать ей садъ, поле или другое имущество, чтобы она могла надлежащимъ образомъ воспитать своихъ дѣтей. Затѣмъ законъ останавливается еще на такихъ институтахъ, какъ опека, опредѣляются формы и порядокъ заключенія сдѣлокъ и т. п.

Наконецъ, тутъ затрогиваются и вопросы частнаго международного права, *jus postliminii* и др.

Вообще разбираемый кодексъ обнаруживаетъ довольно высокую степень культуры своего времени.

По прочтеніи доклада произошелъ обмѣнъ мнѣній.

А. Л. Блокъ отмѣтилъ, что обыкновенно изслѣдователи старины какъ бы пренебрегаютъ изученіемъ Востока и все свое вниманіе обращаютъ на исторію Рима. Таковъ, напр., извѣстный ученый Менъ, который говорить, что на Востокѣ, правда, умѣли собирать налоги и содержать великія арміи, но писать законы не умѣли,—такъ же точно, какъ и въ древней Греціи: совершенное законодательство впервые возникло только въ Римѣ. Однако въ прочитанномъ докладѣ А. Л. Блокъ видитъ полное опроверженіе теоріи Мена, такъ какъ описанное законодательство Хаммураби стоитъ высоко и оно несомнѣнно подготовило развитіе права у евреевъ. Но даже и въ самомъ Римѣ высокую степень развитія права, при общемъ паденіи нравовъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что лучшіе римскіе юристы, Папиніанъ и Ульпіанъ, пришли съ Востока. Такимъ образомъ правовой свѣтъ пришелъ въ Римъ съ Востока, какъ и христіанство; въ описанномъ въ докладѣ кодексѣ есть прототипъ будущаго права въ Римѣ: *ex oriente lux!*

П. П. Вилліамсъ констатируетъ отсутствіе въ кодексѣ Хаммураби нормъ, опредѣляющихъ судопроизводство, и заключаетъ на основаніи этого, что кодексъ этотъ есть сборникъ обычнаго права, а не продуктъ законодательной работы. А если это такъ, то отсюда надо заключить, что народная масса, создавшая эти обычаи, была очень развита и культурна. Если же эта высокая культура имѣла мѣсто и затѣмъ пала, то этимъ фактомъ подрывается теорія эволюціи и преемственность въ развитіи права, на которую указываетъ А. Л. Блокъ.

Въ защиту этой преемственности между Востокомъ и Римомъ въ развитіи права выступилъ съ другой стороны *Θ. Θ. Зигель*, сославшись на сочиненіе *Revilloux*. Кромѣ того, *Θ. Θ. Зигель* далъ объясненіе сравнительно высокаго положенія женщины въ Вавилонѣ; объясняется это банкирскимъ и меркантильнымъ характеромъ всей вавилонской культуры, тогда какъ, наоборотъ, военный бытъ и строй государства, установившійся, напр., въ Ассиріи, отодвинулъ женщину совершенно на задній планъ и поставилъ ее низко. Что касается далѣе права уголовного въ кодексѣ Хаммураби, то *Θ. Θ. Зигель* обратилъ вниманіе на ясное понятіе преступленія, какъ дѣйствія, подрывающаго основы общежитія, хотя на ряду съ этимъ выдѣляется и частный характеръ въ преступленіи — уплата виры. Такимъ образомъ нельзя утверждать, какъ это многіе дѣлаютъ, что въ древнее время всякое преступленіе носило исключительно частный характеръ.

П. В. Волотниковъ, *Θ. Θ. Зигель* и *М. Д. Скрѣбинъ* возбудили вопросъ о роли „старцевъ“, упоминаемыхъ въ кодексѣ Хаммураби.

По ихъ мнѣнію, это не простые свидѣтели; это скорѣе — вѣщатели права (зерно будущихъ присяжныхъ засѣдателей).

А. К. Сарандо указалъ на признаки феодальной системы въ Месопотаміи.

Наконецъ *В. Н. Александренко* особенно подчеркнул огромное значеніе изученія Востока. Напримѣръ, Лессепсъ именно на Востокъ изъ преданій восходящихъ ко временамъ фараоновъ почерпнулъ идею Суэзскаго канала, который извѣстенъ былъ еще въ древности. То же самое и съ багдадской дорогой; она пройдетъ по тѣмъ великимъ путямъ, которые были извѣстны въ древности. И еще: черезъ Босфоръ предполагается устроить мостъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за 513 лѣтъ до Р. Хр. переправлялись въ Европу персы.

Х.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

21-го сентября 1903 года.

Въ засѣданіи, происходившемъ подѣ председательствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовало 22 члена Общества.

Слушали доклады *Н. Н. Любовича* „Международный историческій конгрессъ въ Римѣ“ и *Е. А. Боброва* „Жизнь и труды *Б. И. Ордынскаго*, переводчика древнихъ авторовъ“.

Докладъ *Н. Н. Любовича* напечатанъ въ „Запискахъ“ Общества ¹⁾. Содержаніе доклада *Е. А. Боброва* заключалось въ слѣдующемъ.

Борисъ Ивановичъ Ордынскій, сынъ военнаго врача, родился 23 августа 1823 года въ Волынской губерніи. Съ младшихъ классовъ гимназіи, сначала Ярославской, гдѣ товарищемъ его былъ между прочими и поэтъ Некрасовъ, потомъ—Тульской, *Б. И.* усиленно занимался древними языками, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе даже попечителя Московскаго Учебнаго Округа, извѣстнаго любителя классической древности, графа *С. Г. Строгонова*.

По окончаніи курса въ Тульской гимназіи (1840 г.), наградившей его при выпускѣ золотою медалью, Ордынскій, противъ воли отца, не сочувствовавшаго его занятіямъ классической филологіей, поступилъ въ Московскій Университетъ на словесный факультетъ, блестяще про-

¹⁾ „Записки Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ, выпускъ 2-й. Варш., 1903, стр. 170—179.

шелъ въ немъ курсъ и окончилъ его въ 1844 г. Изъ своихъ учителей онъ съ особеннымъ уваженіемъ вспоминалъ проф. Крюкова. Обязанный службою, какъ казеннокоштный стипендіатъ, Ордынскій былъ назначенъ преподавателемъ греческаго языка въ Ярославскую гимназію и тамъ сразу показалъ себя, какъ отличный преподаватель. Составленное имъ по особой, оригинальной методѣ руководство къ изученію греческаго языка было рекомендовано Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Въ 1847 году Ордынскаго перевели преподавателемъ греческаго языка въ III Московскую гимназію. И тутъ въ одинъ годъ обученія ученики его оказали такіе успѣхи, что министръ С. С. Уваровъ, лично экзаменовавшій ихъ, разрѣшилъ всѣмъ имъ поступить на словесный факультетъ безъ дальнѣйшаго испытанія.

Періодъ службы въ Московской III гимназіи былъ самымъ свѣтлымъ временемъ въ жизни Ордынскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ производительнымъ въ его литературной дѣятельности. Изъ подъ его пера въ это время вышло много статей и ученыхъ изслѣдованій, которыя имъ и печатались въ двухъ лучшихъ журналахъ того времени — въ „Современныхъ и Отечественныхъ Запискахъ“. Самымъ важнымъ произведеніемъ его за этотъ періодъ слѣдуетъ считать монографію объ Аристофанѣ, котораго онъ началъ изучать еще со временъ студенчества. Въ 1852 г. новый министръ Народнаго Просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ упразднилъ въ гимназіяхъ преподаваніе греческаго языка; Ордынскій внезапно оказался за штатомъ и остался безъ всякихъ средствъ.

За этимъ огорченіемъ въ скоромъ времени послѣдовало новое: его многолѣтній и любимый трудъ — переводъ Иліады, половина котораго была напечатана имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1853 годъ, былъ встрѣченъ ученымъ міромъ и публикой крайне неодобрительно и вообще потерпѣлъ полную неудачу. Исходя изъ той мысли, что Иліада есть произведеніе народнаго творчества, Ордынскій считалъ необходимымъ перевести ее простонародною русскою рѣчью, притомъ не стихами, а прозой. Недостающіе въ литературномъ русскомъ языкѣ слова и обороты, которые вполнѣ соотвѣтствовали бы греческимъ реченіямъ, Ордынскій заимствовалъ изъ областныхъ русскихъ говоровъ; это потребовало отъ него огромнаго предварительнаго труда по ознакомленію съ русскимъ фольклоромъ, въ то время къ тому же еще мало извѣстнымъ въ печатныхъ изданіяхъ, которыя почти всѣ явились послѣ 1853 г. Уснащенный провинциализмами (въ родѣ ступни вм. сандалии, сурасть вм. побочный сынъ, глядень вм. возвышенное мѣсто и т. п.) переводъ вышелъ тяжелымъ и, главное, неудобопонятнымъ для обыкновеннаго читателя, хотя переводчикъ и снабдилъ его подстрочными примѣчаніями; единственнымъ достоинствомъ этого пе-

ревода была однако строгая выдержанность въ этомъ стилѣ, чего, по мнѣнію докладчика, нельзя сказать про новѣйшій переводъ Иліады Минскаго. Раздраженный неудачею, Ордынскій уничтожилъ вторую половину перевода (12 рапсодій). Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ за штатомъ, Ордынскій однако написалъ и защитилъ магистерскую диссертацию о поэтикѣ Аристотеля; по ходатайству М. П. Погодина, въ „Москвитинѣ“ котораго Борисъ Ивановичъ сотрудничалъ, Ордынскій получилъ мѣсто адъюнкта въ Казанскомъ университетѣ по кафедрѣ латинскаго языка (греческая кафедра въ Московскомъ университетѣ, которую еще въ 1844 году графъ Строгоновъ назначалъ для Ордынскаго, была въ то время занята латинистомъ Пѣховскимъ).

Жизнь въ Казани, гдѣ Ордынскій прослужилъ шесть лѣтъ, не принесла ему радости. Въ своихъ ближайшихъ товарищахъ по преподаванію, нѣмцахъ Фатеръ и Струве, людяхъ бездарныхъ, плохихъ преподавателей, не знавшихъ русскаго языка и къ русскимъ относившихся недружелюбно, Ордынскій встрѣтилъ отчужденіе и недоброежелательство. Но за то ему удалось близко сойтись съ другими коллегами: В. И. Григоровичемъ и Буlichemъ. Подъ вліяніемъ послѣдняго. Ордынскій началъ увлекаться новогреческимъ языкомъ и вопросомъ объ его отношеніи къ древне-греческому. По уходѣ Фатера кафедра греческаго языка была отдана мѣстному нѣмцу Шарбе, и Ордынскій по прежнему остался въ зависимомъ положеніи адъюнкта, несмотря на то, что уже имѣлъ полное нравственное право занять эту кафедру. Эта неудача вмѣстѣ съ разстроеннымъ здоровьемъ заставили Ордынскаго выйти въ отставку. Въ 1860 году онъ переселился въ Москву и занялся литературною дѣятельностью. Изъ его сочиненій за это время особенно любопытна одна статья, напечатанная въ „Московскомъ Вѣстникѣ“¹⁾: въ ней онъ рѣшительно высказался противъ классицизма, несмотря на то, что всей душой былъ преданъ Элладѣ, куда — кстати сказать — въ послѣдніе годы своей жизни онъ страстно мечталъ съѣздить, чтобы на мѣстѣ изучать новыхъ грековъ, ихъ жизнь и языкъ. Незадолго передъ смертью судьба порадовала усталаго и больного труженика. Его почти одновременно избрали въ профессора два университета: Харьковскій — на кафедру римской словесности и Казанскій — на греческую кафедру, на мѣсто Шарбе, который былъ назначенъ директоромъ Пензенской гимназіи. Ордынскій предпочелъ Харьковъ. Но ему уже не было суждено увидѣть новыя мѣста. Спустя нѣсколько дней послѣ полученія приказа о назначеніи въ Харьковъ, 20-го мая 1861 г., Б. И. Ордынскій скончался на 38-мъ году жизни¹⁾.

---

¹⁾ Докладъ Е. А. Боброва напечатанъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1903, № 8 и 9 (есть и отдѣльные оттиски).

Э. С. Вехтерштейнъ въ дополненіе къ сказанному докладчикомъ замѣтилъ, что покойнаго Шарбе онъ зналъ лично, какъ человѣка въ высшей степени порядочнаго и очень хорошаго директора. Къ воспитанникамъ онъ относился всегда внимательно и исполнѣ сердечно, за что они его очень любили.

И. И. Замотинъ обратилъ вниманіе докладчика на то, что мысль перевести *Иліаду* народнымъ русскимъ языкомъ нельзя назвать оригинальной мыслью Ордынскаго, такъ какъ ее высказывалъ уже Капнистъ и сдѣлалъ даже попытку въ этомъ направленіи.

Е. А. Бобровъ возразилъ, что указаніе на Капниста ни въ коемъ случаѣ не отнимаетъ у труда Ордынскаго значенія оригинальности: Ордынскій воспользовался просторѣчіемъ, и притомъ на научныхъ основаніяхъ, чего до него никто не дѣлалъ: ни Капнистъ, ни первый переводчикъ *Иліады* Костровъ.

XI.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

4-го октября 1903 года.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 26 членовъ Общества.

Е. А. Бобровъ, съ разрѣшенія г. предсѣдателя и собранія, сдѣлалъ слѣдующее дополненіе къ словамъ, сказаннымъ имъ въ отвѣтъ И. И. Замотину въ засѣданіи 4-го октября. „Г. Замотинъ рѣшительнымъ тономъ внесъ поправку въ мой докладъ, а именно, что замыселъ Ордынскаго касательно способа, какъ переводить Гомера, будто бы не былъ оригинальнымъ, такъ какъ простонароднымъ языкомъ задолго до него переводилъ *Иліаду* Капнистъ. Я навелъ справку, и оказалось, что рѣшительность заявленія г. Замотина не соответствуетъ его основательности. Капнистъ и не думалъ переводить Гомера простонародною прозою, созданною на основаніи научнаго изученія русской народности, какъ это сдѣлалъ Ордынскій. Въ 1815 г. Капнистъ напечаталъ переводъ отрывковъ изъ *Иліады* *размѣромъ* простонародной пѣсни. Такимъ образомъ попытку Капниста никакъ нельзя приводить въ соотношеніе съ переводомъ Ордынскаго; опытъ Капниста относится къ длинному ряду попытокъ примѣнять въ переводахъ Гомера различные *размѣры*. Костровъ, на котораго я указалъ въ прошлый разъ, еще въ XVIII в. переводилъ Гомера шестистопнымъ ямбомъ, Гнѣдичъ—гекзаметромъ, въ наше время Янчевецкій примѣнялъ пятистопный амфибрахій и т. д. Поэтому поправка г. Замотина не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и не относится къ дѣлу.“

Послѣ этого собраніе слушало докладъ *Н. И. Новосадскаго* „Педагогическіе идеалы Платона“. ¹⁾

Послѣ общихъ замѣчаній о взглядахъ Платона на воспитаніе, докладчикъ перешелъ къ болѣе подробному разбору этого вопроса.

Слѣдя за развитіемъ ребенка со времени появленія его на свѣтъ, Платонъ устанавливаетъ нѣсколько періодовъ, соотвѣтственно которымъ онъ разграничиваетъ педагогическія задачи и кругъ наукъ, подлежащихъ въ данное время изученію.

Первый періодъ продолжается до 3-лѣтняго возраста ребенка. Въ этотъ періодъ, конечно, болѣе всего проходится наблюдать за проявленіями физической жизни: ребенка нужно поставить въ такія условія, чтобы онъ могъ хорошо питаться и развиваться, чтобы его члены не подвергались случайнымъ поврежденіямъ и т. п.

По достиженіи 3-лѣтняго возраста начинается второй періодъ воспитанія. Тутъ ребенка необходимо понемногу приучать къ умственной дѣятельности. Дѣтей этого возраста слѣдуетъ собирать въ кружки (*ἀγέλαι*). Мальчики и дѣвочки этого періода собираются вмѣстѣ и вмѣстѣ играютъ, подъ наблюденіемъ нянекъ, за которыми слѣдятъ назначаемыя государствомъ заслуживающія уваженія женщины. По достиженіи 6 лѣтъ дѣти продолжаютъ собираться въ кружкахъ и учатся тамъ среди игръ и забавъ, но отдѣльно мальчики и дѣвочки. Въ это время, по мнѣнію Платона, въ дѣтяхъ слѣдуетъ, между прочимъ, развивать уже такія понятія, какъ уваженіе къ законамъ, посредствомъ строгаго исполненія правилъ игры. Съ 10-лѣтняго возраста дѣтей нужно обучать наукамъ; тутъ начинается, такъ сказать, курсъ средней школы, продолжающійся до 20 лѣтъ. Отъ 10 до 13 лѣтъ дѣти должны учиться грамотѣ—читать и писать. Въ то же время слѣдуетъ изучать также поэтическія произведенія, выборъ которыхъ Платонъ предлагаетъ подчинить строгому контролю. Отъ 13 до 16 лѣтъ должно идти обученіе музыкѣ, совмѣстно съ которой изучаются и лирическія стихотворенія родныхъ поэтовъ. Музыка, по Платону, имѣетъ важное воспитательное значеніе: для него она была не только искусствомъ владѣть инструментомъ, но и могучимъ средствомъ для развитія души и укрѣпленія добродѣтели. Платонъ указываетъ, какія мелодіи слѣдуетъ изучать и на какихъ инструментахъ можно учиться играть. Въ число наукъ, которыя должно изучать, входитъ также математика. Математика у Платона дѣлится на ариметику, геометрію и астрономію. Изученіе математики во всемъ объемѣ предназначается лишь болѣе даровитымъ. Первоначальное обученіе математикѣ слѣ-

---

¹⁾ Докладъ *Н. И. Новосадскаго* напечатанъ въ *Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*, 1904, № I (есть и отдѣльные оттиски).

дуетъ вести по египетской системѣ, напоминающей современную систему нагляднаго обученія арифметикѣ. Основные начала математики, по Платону, необходимы всѣмъ; ихъ долженъ знать и полководецъ и философъ, болѣе того, — ихъ долженъ знать всякій, „кто хочетъ быть человѣкомъ”.

Послѣ наступленія 16 лѣтъ начинается обученіе гимнастикѣ, которая у Платона имѣетъ военный характеръ, а послѣдніе 2—3 года до наступленія 20-лѣтняго возраста посвящаются практическому ознакомленію съ военной службой.

По окончаніи этого курса, обязательнаго для гражданъ (*ἀναγκαῖα γυμνάσια*, RP VII 537 B), болѣе даровитые и избранные молодые люди должны въ теченіе 10 лѣтъ заниматься математикой, какъ пропедевтикой философій, а затѣмъ 5 лѣтъ они изучаютъ философію и тогда только лучшимъ изъ нихъ открывается путь къ должностямъ. Спустя 15 лѣтъ, болѣе достойные назначаются на высшія государственныя должности, но и тутъ они не должны оставлять занятій философіей. Такимъ образомъ, по Платону, вся жизнь лучшихъ людей должна быть постояннымъ подвигомъ самоусовершенствованія.

Нельзя не замѣтить, что въ педагогическихъ идеалахъ Платона есть слабыя стороны и рѣзкія противорѣчія, но эти недостатки не уменьшаютъ положительныхъ сторонъ ученія Платона. Болѣе 22 вѣковъ назадъ Платонъ высказалъ мысль о необходимости обязательнаго обученія и указалъ между прочимъ на то, что слѣдуетъ обращать вниманіе на индивидуальныя различія учащихся. Педагогическіе идеалы Платона не оторваны отъ жизни: они находятся въ связи съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ этическихъ и общественныхъ. Но всего тѣснѣе Платонъ соединилъ свои педагогическіе идеалы съ идеаломъ государственнаго устройства. Онъ старался доказать, что на воспитаніи и образованіи покоятся основы жизни государства: прочность государственнаго строя, незыблемость законовъ, уваженіе къ чужимъ правамъ и даже побѣда надъ внѣшними врагами — все это, по Платону, можетъ быть достигнуто подъ условіемъ надлежащаго воспитанія и образованія.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній между А. П. Косминскимъ, Д. В. Туткевичемъ, Е. А. Бобровымъ, Н. Н. Любимичемъ, О. О. Базинеромъ, С. И. Вѣховымъ, А. Л. Блокомъ и докладчикомъ.

А. П. Косминскій обратилъ вниманіе докладчика на то, что въ *Πολιτεία* Платона мать совершенно устраняется отъ воспитанія дѣтей. Далѣе, нельзя говорить объ общеобязательности воспитанія и обученія по Платону. То и другое у Платона очень относительно, такъ какъ распространяется на дѣтей только „стражей”; о дѣтяхъ низшихъ классовъ населенія у Платона ничего не говорится. Въ заключеніе А. П.

не согласился также съ мнѣніемъ докладчика, что Платонъ требуетъ, чтобы въ воспитаніи проводился принципъ индивидуализаціи, особенно если понимать его въ современномъ смыслѣ слова, какъ, по видимому, можно заключить изъ доклада. Конечно, воспитаніе у него основывается на изученіи психологіи ребенка, но въдѣ Платонъ — древній грекъ, и личности человѣка, какъ отдѣльнаго индивидуума, онъ не признавалъ. Идеаль греческаго философа всецѣло государственный и съ этой исключительно точки зрѣнія онъ смотритъ на отдѣльнаго человѣка. Поэтому при воспитаніи и обученіи дѣтей Платонъ требуетъ развитія тѣхъ способностей и тѣхъ знаній въ ребенкѣ, которыя въ будущемъ должны быть полезны ему, какъ государственному дѣятелю.

Н. И. Новосадскій, признавая вообще тотъ фактъ, что далеко не со всѣми мыслями Платона о воспитаніи можно въ настоящее время согласиться, замѣтилъ, что онъ тѣмъ не менѣе не считаетъ возраженій *А. П. Косминскаго* вполне убѣдительными. Говоритъ рѣшительно, что Платонъ отрываетъ ребенка отъ матери, по мнѣнію докладчика, никакъ нельзя: въдѣ, по Платону, дѣтей только съ 3-хъ лѣтняго возраста переводятъ въ т. н. „кружки“, тогда какъ до этого времени они растутъ въ семьѣ. И въ настоящее время мы видимъ нѣчто подобное въ такъ называемыхъ дѣтскихъ ясляхъ, садахъ и т. п. Далѣе, нельзя также съ увѣренностью утверждать, что Платона интересуютъ воспитаніе дѣтей только аристократическаго происхожденія. Если Платонъ дѣлаетъ выборъ, то его слѣдуетъ понимать въ смыслѣ здоровыхъ и способныхъ дѣтей. Замѣчаніе оппонента, что при воспитаніи дѣтей Платонъ болѣе всего обращаетъ вниманіе на интересы государства, вполне справедливо; но въ докладѣ на эту сторону дѣла было указано. Что касается индивидуализаціи въ воспитаніи дѣтей, то объ этомъ Платонъ упоминаетъ только мимоходомъ.

Д. В. Туткевичъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу доклада. Педагогическіе идеалы Платона, по словамъ *Д. В.*, „поражаютъ своею свѣжестью и вообще весьма поучительны“. Поэтому современнымъ воспитателямъ не мѣшало бы всегда помнить ихъ и стараться осуществлять въ своей практикѣ. Въ высшей степени симпатично, напр., стремленіе Платона къ индивидуализаціи въ воспитаніи. У насъ господствуетъ иной взглядъ на этотъ предметъ — нивелировка въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Такая нивелировка, являясь результатомъ разлада между семьей и школой, повела, какъ извѣстно, къ очень грустнымъ послѣдствіямъ въ жизни. Но Платона, конечно, нужно брать въ примѣръ не цѣликомъ, а съ извѣстными ограниченіями. Жизнь ушла далеко впередъ, и мы теперь на нѣкоторыя стороны воспитанія должны смотреть иначе, чѣмъ Платонъ. Далѣе, едва ли

можно согласиться съ требованіемъ Платона, чтобы изученіе математики было обязательно для всѣхъ. Математика въ настоящее время, какъ извѣстно, многимъ учащимся мѣшаетъ и продолжать и заканчивать среднее образованіе, что, между прочимъ, — полагаетъ Д. В. — зависитъ отъ характера математическихъ задачъ, большинство которыхъ теперь составляется такъ, какъ будто бы ихъ придумываютъ нарочно, съ цѣлью затруднить учащагося. Поэтому и школу безъ математики, по его мнѣнію, нельзя назвать школой съ дефектомъ. Д. С. Милль, великій мыслитель и нашъ наставникъ, съ 5-ти лѣтняго возраста свободно переводившій Гомера, въ математикѣ не дошелъ однако до десятичныхъ дробей.

Е. А. Бобровъ обратилъ вниманіе на различіе во взглядахъ А. П. Косминскаго и докладчика и объяснилъ это различіе на одни и тѣже предметы тѣмъ, что оба собесѣдника стоятъ, такъ сказать, на разныхъ берегахъ: одинъ имѣетъ въ виду только Πολιτεία Платона, другой — и его Νόμοι. Въ Πολιτεία Платонъ является идеалистомъ государственнымъ, въ Νόμοι — практикомъ, примѣнявшимся въ своихъ взглядахъ къ установленіямъ и жизни Лакедемона. Поэтому, если руководствоваться только Πολιτεία, то замѣчанія А. П. Косминскаго вполнѣ правильны. Платонъ тутъ государственный. Его мысли объ индивидуализаціи въ воспитаніи — частныя мысли: индивидуализація имѣетъ право на существованіе лишь постольку, поскольку она не противорѣчитъ общей идеѣ государственности. Платонъ не даетъ общей схемы воспитанія для всѣхъ гражданъ, но держится въ педагогикѣ начала сословности, причемъ главное вниманіе обращается имъ на воспитаніе сословія „стражей“ государства. Вотъ почему, прежде чѣмъ говорить о педагогическихъ идеалахъ Платона, необходимо было бы предпослать введеніе о различіи между Πολιτεία и Νόμοι. Что касается математики, то она у Платона понимается въ иномъ смыслѣ, чѣмъ думаетъ Д. В. Туткевичъ. Она является обязательной только для лицъ высшаго сословія, какъ пропедевтика философій.

Н. Н. Любавичъ замѣтилъ, что понятіе „математики“ у Платона, конечно, иное, чѣмъ полагаетъ Д. В. Туткевичъ.

Н. И. Новосадскій относительно мнѣнія Д. В. Туткевича о математикѣ сказалъ, что Д. В. обратилъ вниманіе скорѣе на неудовлетворительную постановку современнаго преподаванія, чѣмъ на значеніе предмета въ дѣлѣ образованія и развитія учащагося. Далѣе, если необходимо, по мнѣнію *Е. А. Боброва*, показать различіе между Πολιτεία и Νόμοι, то почему не отмѣтить тогда различія между мыслями Платона о воспитаніи, высказанными философомъ и въ другихъ діалогахъ, напр., въ Протагорѣ и т. д.? Но хронологія Платоновскихъ діалоговъ, столь необходимая въ данномъ случаѣ, намъ точно неизвѣстна.

Н. И. Новосадскій не согласился также съ замѣчаніемъ Е. А. Боброва, что математика по Платону является обязательной только для лицъ высшаго сословія, какъ пропедевтика философiи. По словамъ самого Платона, математика необходима каждому, кто — какъ онъ говоритъ — „хочетъ быть человѣкомъ“, а не одному философу.

О. Θ. Базинеръ сказалъ, что говорить о педагогическихъ идеалахъ Платона очень трудно; еще затруднительнѣе излагать ихъ въ системѣ, что однако сдѣлано докладчикомъ. Такой системы у Платона не было. Когда Платонъ излагаетъ свои мысли о воспитаніи въ діалогахъ Протагоръ, Продикъ и др., онъ имѣетъ въ виду реальную жизнь, въ *Πολιτεία* же представлены идеалы совершенно несуществующіе. Поэтому историку прежде всего необходимо выяснитъ свое отношеніе къ даннымъ у Платона, а также прослѣдить внимательно умственное развитіе философа. Но этого въ докладѣ нѣтъ. Далѣе, нельзя, по мнѣнію оппонента, сопоставлять педагогическіе идеалы Платона съ тѣми же идеалами современной жизни и выводить изъ этого какъ бы поученіе. Платонъ — чистый аристократъ по рожденію, духу и стремленіямъ, жилъ и дѣйствовалъ въ обстановкѣ также строго-аристократической; мы же живемъ въ иное, демократическое время и руководствуемся другими идеалами. Оппонентъ далекъ отъ мысли какъ-нибудь унижать Платона. Нисколько. Но время идетъ, и человѣчество развивается. Вообще слѣдуетъ сказать, что идеалы древнихъ были во многихъ отношеніяхъ не похожи на наши. Въ докладѣ нѣтъ, по мнѣнію оппонента, достаточнаго историческаго освѣщенія фактовъ. О Платонѣ и его педагогическихъ идеалахъ существуетъ огромная литература, причемъ имѣютъ значеніе только тѣ труды, которые, какъ книга Танери, излагаютъ педагогическіе взгляды Платона въ связи съ условіями мѣста и времени.

Е. А. Бобровъ, отмѣтивъ полноту и ясность доводовъ О. Θ. Базинера, въ дополненіе къ своимъ предыдущимъ словамъ сказалъ, что рѣзкая разница во взглядахъ Платона на воспитаніе въ *Πολιτίи* и *Законахъ* заставила его, въ бытность въ Казани, читать педагогику по Платону въ двухъ отдѣльныхъ главахъ: одну — по *Πολιτεία*, другую по — *Νόμοι*. Въ *Πολιτεία* — полная утопія, причемъ совсѣмъ неизвѣстно, насколько вѣрилъ самъ Платонъ въ возможность осуществленія его идеальнаго государства. Что касается его *Νόμοι*, произведенія старческаго возраста, то въ немъ Платонъ имѣетъ въ виду лишь подновить старые спартанскіе идеалы.

Д. В. Туткевичъ полагаетъ, что въ словахъ О. Θ. Базинера много ригоризма въ отношеніи къ Платону. По Платону воспитаніе должно быть не аристократическимъ, въ нашемъ смыслѣ слова, а государ-

ственнымъ, служебнымъ. Какъ ни велико время, отдѣляющее насъ отъ эпохи Платона, основы государственной жизни остаются однако прежними, и разница заключается лишь въ подробностяхъ: какъ тогда, такъ и теперь, защита государства и улучшеніе внутренняго быта стояли и стоятъ на первомъ планѣ. Поэтому, если задача воспитанія — служеніе государству, то вполне естественно, что Платонъ рекомендуетъ воспитывать дѣятелей, которые оберегали бы государство во всѣхъ проявленіяхъ его жизни. Въ этомъ отношеніи Платонъ для насъ поучителенъ. Гдѣ народность одна, тамъ воспитаніе ео ipso будетъ патріотическимъ. Такимъ оно, дѣйствительно, и было въ древней Греціи.

Н. И. Новосадскій, въ отвѣтъ О. Θ. Базинеру, заявилъ, что въ докладѣ онъ ничего не говорилъ о педагогической системѣ Платона. Утвержденіе О. Θ., что современные идеалы не таковы, какъ у древнихъ грековъ, высказанное въ такой общей формѣ, требуетъ доказательствъ. Что касается историческаго освѣщенія, о которомъ говоритъ О. Θ., то докладчикъ не считалъ возможнымъ задаваться этимъ вопросомъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, пришлось бы прослѣдить всю литературную дѣятельность Платона, а это не соответствовало бы цѣли доклада — представить въ сжатомъ изложеніи мысли Платона о воспитаніи.

Н. Н. Любавичъ замѣтилъ, что Танери задался цѣлю прослѣдить исторію науки въ данной странѣ, а потому историческое освѣщеніе фактовъ и идей для него являлось безусловно необходимымъ. Докладъ же имѣетъ въ виду, очевидно, иную цѣль.

С. И. Выховъ высказалъ мнѣніе, что при оцѣнкѣ доклада слѣдуетъ имѣть въ виду только то, что онъ даетъ, а не то, чего въ немъ нѣтъ. Конечно, было бы очень интересно предпослать докладу введеніе, въ которомъ можно было бы выяснитъ отношеніе Платона къ предшественникамъ, къ его эпохѣ и къ нашему времени, но все это потребовало бы уже особаго изслѣдованія и усложнило бы задачу. Цѣль доклада была — собрать и представить въ болѣе или менѣе систематическомъ изложеніи взгляды Платона на воспитаніе, разсѣянные въ разныхъ діалогахъ, выдѣливъ основное и существенное въ воззрѣніяхъ Платона.

А. Л. Блокъ нашелъ, что въ докладѣ и въ словахъ нѣкоторыхъ оппонентовъ слишкомъ подчеркнуто и преувеличено значеніе математики у Платона. Въдѣ Платонъ только въ молодости былъ пифагорейцемъ, причѣмъ даже въ это время математика у него носила мистическій характеръ. Впослѣдствіи значеніе математики у него отодвинулось на задній планъ: „для обоснованія государства не много, по правдѣ, требуется геометріи и вычисленій“, говоритъ Платонъ въ По-

литіи. Подъ вліяніємъ Сократа первенствующее значеніе въ его главахъ пріобрѣтаетъ діалектика, которую онъ называетъ „царственной наукой“. Пифагорейское ученіе и сократическій методъ оппоненту представляются несомѣстимыми, съ чѣмъ однако не согласился докладчикъ, сказавъ, что оба явленія, по его мнѣнію, не исключаютъ другъ друга.

XII.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

8-го октября 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ В. Н. Александренко, присутствовало 33 члена Общества.

Слушали докладъ *В. В. Есипова* „Краткая характеристика новаго уголовного уложенія“.

Въ этомъ докладѣ были развиты слѣдующія положенія.

Послѣ краткой исторіи созданія новаго уголовного уложенія, Высочайше утвержденнаго 22 марта 1903 года, докладчикъ обрисовалъ сначала общую часть новаго уложенія.

Такъ, прежде всего, что касается преступныхъ дѣяній, то уложеніе дѣлитъ ихъ на три группы: тяжкія преступленія, преступленія и проступки. Это трехчленное дѣленіе преступленій, будучи само по себѣ важнымъ шагомъ впередъ въ техническомъ отношеніи, не принесетъ однако у насъ ожидаемой отъ него пользы, пока не будетъ установлено правильное соотношеніе между этимъ дѣленіемъ и подсудностью, — соотношеніе, которое имѣетъ мѣсто на Западѣ и отсутствуетъ у насъ въ Россіи.

Въ своихъ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ касательно значенія преступныхъ дѣяній вообще, новый кодексъ сдѣлалъ также не мало успѣховъ. Такъ, вполне точно опредѣляются общіе признаки и отдѣльныя состоянія невмѣняемости. Затѣмъ совершенно правильно различается два момента совмѣстной преступной дѣятельности, соглашеніе и соучастіе. Далѣе, мастерски опредѣляются различныя формы неоднократной преступной дѣятельности, совокупность, рецидивъ, кумуляція. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и новое уложеніе оказывается безсильнымъ устранить прежніе недостатки уголовного законодательства. Таковъ вопросъ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, нормируемый закономъ 1897 года.

Новое уложеніе въ общемъ сохраняетъ классификацію уложенія

о наказаніяхъ въ самыхъ рѣзкихъ ея штрихахъ: сперва поставлены преступленія противъ государства и общества, а затѣмъ идутъ преступленія противъ личности и имущества. Но прежніе одиннадцать раздѣловъ особенной части стараго уложенія замѣнены въ новомъ кодексѣ тридцатью шестью главами, посвященными тѣмъ же вопросамъ особенной части.

Система наказаній въ новомъ уложеніи значительно проще старой. Новый кодексъ различаетъ только восемь родовъ главныхъ наказаній и столько же родовъ дополнительныхъ наказаній. Замѣняющія наказанія примѣняются крайне рѣдко. Дисциплинарныя наказанія выдѣлены въ особый уставъ о служебныхъ провинностяхъ. Исключительныхъ наказаній, которыя не стояли бы въ общей лѣстницѣ наказаній, болѣе не имѣется. Не имѣется также и отжившаго дѣленія наказаній на наказанія для привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Для равномернаго опредѣленія наказаній въ отношеніи всѣхъ преступленій установлены широкіе предѣлы между высшей и низшей мѣрой наказаній за эти преступныя дѣянія, при чемъ нерѣдко наказанія опредѣляются безъ указанія сроковъ ихъ продолжительности, которые всякій „разумный судья самъ опредѣлить можетъ“, сообразуясь съ особенностями каждаго отдѣльнаго случая. Такимъ образомъ въ новомъ кодексѣ, насколько возможно, проводится серьезное начало индивидуализаціи наказаній.

Что касается отдѣльныхъ наказаній, то смертная казнь хотя и не устранена совершенно, однако ограничена лишь тягчайшими изъ государственныхъ преступленій. Тѣлесныя наказанія совершенно вычеркнуты изъ общей лѣстницы наказаній; они сохранены только для ссыльныхъ, заключенныхъ и въ волостныхъ судахъ.

По вопросу о ссылкѣ новое уложеніе идетъ уже по готовому пути, проложенному закономъ 1900 года объ отмѣнѣ и ограниченіи ея.

Въ высшей степени подробно опредѣлена въ уложеніи 1903 г. система различныхъ правопораженій, каковы пораженія правъ публичныхъ и пораженія правъ частныхъ.

О надзорѣ полиціи новое уложеніе совершенно основательно не упоминаетъ, но зато подробно опредѣляетъ различныя ограниченія въ правѣ избранія и перемѣны мѣста жительства.

Въ области имущественныхъ наказаній, между прочимъ, уничтожена полная конфискація и сохранена только частная.

Наконецъ, что касается тюремнаго лишенія свободы, то въ новомъ уложеніи различаются четыре формы такового: заключеніе въ исправительномъ домѣ, заключеніе въ крѣпости, заключеніе въ тюрьмѣ и арестъ. Съ ограниченіемъ ссылки, теперь оказывается особенно не-

обходимой реформа и реорганизация мѣстъ заключенія, которыхъ понадобится очень много.

Въ общемъ можно сказать, что новое уложеніе осталось на почвѣ прежней чисто-классической юриспруденціи и не восприняло тѣхъ новыхъ идей, которыя выдвинуты новымъ направленіемъ въ уголовномъ правѣ. Такъ, уложеніемъ не приняты ни условное освобожденіе, ни условное осужденіе, ни т. н. неопредѣленные приговоры.

Таковы основныя черты общей части новаго уголовного уложенія.

Что же касается его особенной части, то здѣсь оно иногда остается на почвѣ нашего стараго права, а иногда вводитъ и новыя понятія, развившіяся за послѣднія 50 лѣтъ.

Такъ, прежде всего глава о преступленіяхъ противъ религіи заняла подобающее ей мѣсто въ системѣ уложенія; изъ этой главы исключено святотатство, какъ преступленіе, не имѣющее антирелигіознаго характера, и вообще вся эта глава проникнута началомъ широкой вѣротерпимости.

Болѣе правильная система проведена и въ группѣ преступленій политическихъ. Здѣсь же появляются и новые законы, напр., о шпионствѣ въ мирное время, о смутѣ и неповиновеніи власти.

Изъ преступныхъ дѣяній по службѣ государственной и общественной выдѣлены въ особый уставъ провинности чисто-дисциплинарныя; ограничена власть единоличныхъ начальствъ; служебное состояніе преступника признано обстоятельствомъ, повышающимъ наказаніе.

Изъ преступленій монетныхъ, признанныхъ нарушающими государственныя, а не частныя интересы, между прочимъ, исключена такъ наз. переплавка денегъ, въ виду отсутствія юридическаго основанія для наказуемости случаевъ этого рода.

Среди преступленій противъ общественнаго благоустройства и благочинія, съ одной стороны, впервые предусматривается американская дуэль, обращеніе женщинъ на промыселъ разврата; съ другой стороны, отвергается наказуемость такихъ дѣяній, какъ скотоложество, кликушество, разглашеніе ложныхъ чудесъ и т. п.

Среди преступленій противъ личности расширено понятіе объ отцеубійствѣ; упоминаются особо случаи убійства по согласію — по настоянью убитаго и изъ состраданія къ нему; особо предусматривается убійство посредствомъ отравленія и т. п.

Также весьма существенны улучшенія въ главѣ о преступленіяхъ противъ тѣлесной неприкосновенности, въ главѣ о преступныхъ дѣяніяхъ противъ личной свободы и противъ чести; всюду здѣсь ясность и опредѣленность отдѣльныхъ видовъ преступленій.

То же самое относится и къ главамъ о посягательствахъ имущественныхъ; здѣсь, между прочимъ, отвергнуто понятіе грабежа, какъ неясное и неточное.

Въ заключеніе докладчикомъ выражено было пожеланіе, чтобы уголовное уложеніе, обнаруживающее высокое довѣріе законодателя къ суду, поскорѣе сдѣлалось закономъ дѣйствующимъ, приобрѣло значеніе закона жизненнаго.

По прочтеніи этого доклада *А. В. Горбуновъ* замѣтилъ, что характеристика новаго уложенія, сдѣланная референтомъ, далеко не полна. Референтъ охарактеризовалъ лишь юридическую внѣшность и технику новаго кодекса, выяснивши съ этой точки зрѣнія его значительныя преимущества въ сравненіи съ дѣйствующимъ Уложеніемъ о наказаніяхъ. Въ этомъ отношеніи референтъ, конечно, правъ. Но вѣдь при оцѣнкѣ законодательнаго памятника главное, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это то, соотвѣтствуютъ ли его положенія общепризнаннымъ положеніямъ науки и назрѣвшимъ потребностямъ общественной жизни; по отношенію же къ уголовному кодексу необходимо принять во вниманіе, что онъ считаетъ преступленіемъ и какъ онъ относится къ совершившимъ его лицамъ. Если стать на эту точку зрѣнія, то не трудно убѣдиться, что новое уложеніе отнюдь не сдѣлало грандіознаго шага впередъ, какъ это утверждаетъ референтъ. Оно до сихъ поръ еще считаетъ преступными такіа дѣянія, какихъ ни наука, ни другіе европейскіе кодексы таковыми не считаютъ; объ этомъ свидѣлствуетъ, прежде всего, глава о нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій. Правда, референтъ въ своемъ сочиненіи, посвященномъ новому уложенію, утверждаетъ, что вся эта глава „проникнута началомъ широкой вѣротерпимости“. Но достаточно бросить бѣглый взглядъ на содержаніе названной главы, чтобы убѣдиться въ полной несостоятельности подобнаго утвержденія. Затѣмъ, новое уложеніе, подобно старому, считаетъ преступленіемъ стачку и подвергаетъ уголовному наказанію нѣкоторыя чисто гражданскія правонарушенія, совершаемыя рабочими, хотя тѣ же самыя правонарушенія, но совершенныя работодателями, влекутъ за собою только гражданско-правную отвѣтственность; такимъ образомъ новое уложеніе относится далеко не одинаково къ различнымъ общественнымъ классамъ, становясь на сторону при томъ не болѣе слабого, а болѣе сильнаго общественнаго класса. Обращаясь затѣмъ къ области наказаній, не трудно замѣтить и здѣсь нѣкоторыя весьма серьезные дефекты, не отмѣченные референтомъ.

Новый кодексъ удержалъ, напр., тѣ правоограниченія, которыя въ нынѣ дѣйствующемъ уложеніи и въ другихъ уголовныхъ кодексахъ подводятся обыкновенно подъ названіе полицейскаго надзора, при чемъ придалъ этимъ добавочнымъ наказаніямъ ту примитивную конструк-

цію, которая ведетъ начало со времени изданія уголовного кодекса Наполеона и которая стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчїи съ принципомъ индивидуализаціи наказаній. Въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемому наказанію подвергаются въ силу одного только закона, помимо постановленія суда, всѣ лица, приговоренныя къ наиболѣе тяжкимъ наказаніямъ; такимъ образомъ роль суда сводится къ автоматическому шаблонному провозглашенію наказанія, установленнаго заранѣе закономъ. Врядъ ли нужно доказывать, что все это отнюдь не свидѣтельствуетъ о довѣріи законодателя къ суду и противорѣчитъ общепризнаннымъ началамъ разумной уголовной политики. Подобная несовершенная конструкція полицейскаго надзора еще болѣе усиливаетъ то роковое вліяніе его на поднадзорныхъ, о которомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ европейскихъ странъ, не исключая и Россіи, и которое состоитъ въ томъ, что полицейскій надзоръ ставитъ поднадзорныхъ въ безвыходное положеніе, толкая ихъ тѣмъ самымъ на путь преступленія и бродяжничества. Это роковое вліяніе полицейскаго надзора повело къ тому, что, напр., во Франціи онъ уже отмѣненъ, а въ другихъ странахъ онъ постепенно вымираетъ; у насъ же эта мѣра примѣняется очень широко: ежегодно подъ надзоромъ находится около 30 тысячъ человѣкъ, искупившихъ вину свою наказаніемъ и тѣмъ не менѣе лишаемыхъ возможности обратиться къ честному труду. Новое уголовное уложеніе сохраняетъ эту мѣру и на будущее время.

Ограничиваясь сказаннымъ, оппонентъ полагаетъ, что новое уголовное уложеніе, изданное въ XX в., по тѣмъ принципамъ, которые положены въ основу его, мало отличается отъ Уложенія о наказаніяхъ, изданнаго въ первой половинѣ XIX вѣка, но за то существенно отличается отъ уголовныхъ кодексовъ Западной Европы. Поэтому во имя принципа вѣротерпимости, равноправія разныхъ общественныхъ классовъ и гуманности къ тѣмъ лицамъ, которыя наказаніемъ искупили вину свою, нельзя не пожелать, чтобы отмѣченные дефекты были устранены возможно скорѣе.

В. В. Есиповъ, несмотря на представленныя возраженія, настаивалъ на индивидуализаціи наказаній въ новомъ уложеніи, на широкихъ границахъ свободы судьи, на гуманности и вѣротерпимости новаго кодекса.

Затѣмъ предсѣдатель отдѣленія *В. Н. Александренко* заявилъ, что 30 августа с. г. имъ отправлено было привѣтствіе Демидовскому Юридическому Лицею, праздновавшему столѣтіе своего учрежденія, и по этому поводу докладчикъ сдѣлалъ краткое сообщеніе объ основаніи и дѣятельности этого высшаго учебнаго заведенія. Въ 1803 году въ Ярославлѣ было учреждено „Вышнихъ наукъ училище“ по благород-

ной инициативѣ русскаго помѣщика П. Г. Демидова ¹⁾, подъ эгидой старѣйшаго русскаго университета — Московскаго. На первомъ уставѣ училища (28 янв. 1805 г.) отразилось вліяніе идей и духа университетскаго устава 1804 г., который, какъ извѣстно, съ уваженіемъ относился къ наукѣ, надѣлялъ университеты автономіей и открывалъ имъ разносторонніе способы просвѣтительнаго вліянія на русское общество. По второму уставу (2 авг. 1844 г.) Демидовское училище было преобразовано въ Демидовскій Лицей; управленіе имъ ввѣрялось директору и совѣту, курсъ наукъ полагался 3-лѣтній, число юридическихъ предметовъ было сокращено и введены нѣкоторые новые предметы (Законъ Божій, русское публичное, гражданское и уголовное право), по прежнему удерживались общеобразовательныя науки (математика, физика, химія, словесность латинская и русская, философія), но скоро было предписано и ихъ считать второстепенными. Автономія совѣта была ограничена и еще болѣе стѣснена съ учрежденіемъ Правленія и введеніемъ начала назначенія профессоровъ министромъ нар. просв. (по уст. 1845 года). Послѣдній уставъ прямо указывалъ (§ 32), что директоръ—начальникъ по всемъ частямъ управленія онаго. Къ поступленію въ Лицей допускались (какъ и по уставу 1833 года) окончившіе съ успѣхомъ гимназическій курсъ. По примѣру лицеевъ Нѣжинскаго и Рижскаго, введена была плата за слушаніе лекцій (30 р., съ 1852 г.—40 р.). Надзоръ за преподаваніемъ былъ усиленъ, и обращено вниманіе на ношеніе студентами форменной одежды. Число кафедръ увеличено, но главною цѣлью Лицея поставлено распространеніе „основательныхъ свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ въ связи съ отечественнымъ законодѣніемъ“. Но въ общемъ преподаваніе въ Лицеѣ, даже преобразованномъ, не стояло на должной высотѣ; число слушателей уменьшалось; многія кафедры пустовали, и нерѣдко возбуждался вопросъ о коренномъ преобразованіи Лицея и необходимости его существованія. Въ 1832 г. Ярославское дворянство хлопотало передъ министромъ нар. просв. (кн. Ливеномъ) о преобразованіи Демидовскаго училища въ кадетскій корпусъ, но министръ не согласился съ этимъ проектомъ и нашелъ его даже противорѣчащимъ волѣ завѣщателя. Другіе предлагали (въ 1859 г.) закрыть Лицей и образовать въ Московскомъ университетѣ факультетъ камеральныхъ и

---

¹⁾ Пав. Григ. Демидовъ (род. въ 1738, ум. въ 1821 году) пожертвовалъ 3578 душъ и 100 тысячъ руб. ассигнаціями. Кромѣ того, онъ выразилъ желаніе принести въ даръ 100 тысячъ въ пользу университета Московскаго и 100 тысячъ для предназначившихся къ открытію университетовъ Кіевскаго и Тобольскаго. Послѣдній капиталъ съ 50 тысячъ возросъ затѣмъ къ 80-мъ годамъ до 150 тысячъ и пошелъ на учрежденіе университета въ Томскѣ.

технических наук, или же преобразовать Лицей въ техническое училище. Особенно важное значеніе имѣлъ проектъ проф. Кавелина (1862 г.). Кавелинъ предлагалъ преобразовать Лицей въ специальную юридическую школу, преимущественно для изученія права гражданского и уголовного. Онъ указывалъ, что всѣ юридическіе факультеты (вмѣстѣ съ Училищемъ Правовѣдѣнія) не въ состояніи дать и $\frac{1}{3}$ всего числа юристовъ, какое потребуется съ введеніемъ судебной реформы. Со всей силой своего ума и искренностью своего убѣжденія Кавелинъ отстаивалъ необходимость полной реформы юридическаго образованія, сближенія теоріи съ практикой, ученыхъ теоретиковъ съ практическими юристами для того, чтобы юридическое преподаваніе перестало быть жертвой схоластики. Въ срединѣ 1868 г. Демидовскій Лицей былъ преобразованъ въ юридическій (откр. съ 1870—71 учебн. года), а въ концѣ 1874 года былъ утвержденъ и Уставъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, предоставляющій Лицею права юридическаго факультета (Др. подробности см. въ интересной работѣ проф. В. Г. Щеглова „Выс. учеб. зав. въ Ярославѣ“. Ярославль, 1903).

XIII.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

26-го октября 1903 года.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карекаго, присутствовало 14 членовъ Общества.

Слушали докладъ *А. В. Михайлова* — Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Меѳодія въ хорватскихъ глаголическихъ миссалахъ и бревіаріяхъ. Содержаніе доклада ¹⁾ въ главномъ было слѣдующее.

Въ первой части доклада авторъ сдѣлалъ историческій очеркъ хорватской народной церкви, со времени ея возникновенія до XV в. включительно. Богослуженіе на ц.-славянскомъ языкѣ введено было впервые у хорватовъ частью самими Первоучителями славянства, свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ, частью ихъ ближайшими учениками и послѣдователями, послѣ смерти св. Меѳодія († 885). Безпрепятственное и мирное развитіе народной церкви продолжалось однако очень короткое время—до первой четверти X в. Непримирымъ врагомъ

¹⁾ Докладъ г. Михайлова напечатанъ въ дополненномъ видѣ въ „Русскомъ Филол. Вѣстникѣ“, т. LI (1904), стр. 1—145; вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ. Варш., 1904.

этой церкви оказалось латино-итальянское духовенство Далмаціи и приморских городов, дѣйствовавшее изъ корыстныхъ побужденій— изъ боязни лишиться крупныхъ доходовъ и утратить навсегда свою гегемонію въ краѣ, до сихъ поръ нигѣмъ не оспаривавшуюся. Въ союзѣ съ ороманившеюся свѣтскою властью хорватовъ, ихъ королями и магнатами, которые въ своихъ отношеніяхъ къ народной церкви руководствовались только ближайшими политическими видами (примирить и сблизить хорватовъ съ романскимъ населеніемъ Далмаціи, чтобы властвовать надъ послѣдней), латинники добиваются у Римской куріи запрещенія славянскаго языка въ церквахъ Хорватіи. Впервые этотъ запретъ былъ провозглашенъ на 1-мъ Сплѣтскомъ соборѣ 925 г., а затѣмъ послѣдовательно подтверждался церковными соборами (въ г. Сплѣтѣ) въ 1059, 1064 и 1075 гг. Но гоненія латинянъ и папскіе interdикты не уничтожили однако богослуженія на славянскомъ языкѣ въ Хорватіи. Гдѣ тайно, а гдѣ явно оно продолжало существовать какъ въ церквахъ приходскихъ, такъ особенно въ монастыряхъ, г. о. бенедиктинскихъ. Съ особенною силою его живучесть обнаруживается съ 1248 г., когда папа Иннокентій IV снялъ запретъ и разрѣшилъ хорватамъ пользоваться славянскимъ языкомъ въ богослуженіи въ тѣхъ церквахъ, гдѣ онъ раньше употреблялся. Тогда богослуженіе на славянскомъ языкѣ распространилось по всей почти Хорватіи, захватило большую часть Далмаціи и перешло на близъ лежащіе острова. До половины XIII в. народная церковь хорватовъ пользовалась, надо полагать, тѣми же богослужебными книгами, которыя были и у православныхъ сербовъ, болгаръ и русскихъ, т. е. Евангеліемъ и Апостоломъ-апракосами, Псалтирю, Паримейникомъ и т. п., переведенными съ греческаго и расположенными по уставу восточной, византійской церкви. Съ 1248 г., а по мѣстамъ и раньше, съ конца XI или начала XII в., у нихъ введенъ былъ обрядъ западной, римско-католической церкви; вмѣстѣ съ этимъ обрядомъ въ ихъ народной церкви появились и соотвѣтствующія богослужебныя книги *миссалъ* и *бreviарій* (часословъ). Хотя исторія возникновенія хорватскихъ глаголическихъ миссаловъ и breviаріевъ совершенно неизвѣстна, но по нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что они были переведены съ латинскихъ богослужебныхъ книгъ тѣхъ же наименованій не цѣликомъ и сплошь, а лишь въ главныхъ частяхъ; что кое-что по части молитвъ, пѣснопѣній и особенно чтеній св. Писанія хорваты внесли сюда и изъ готовыхъ переводовъ кирилло-меоодіевскаго происхожденія. Чтобы подтвердить такое предположеніе фактами, авторъ доклада подвергъ анализу текстъ кн. Бытія пр. Моисея, заключающійся въ глаголическихъ миссалахъ и breviаріяхъ XIII — XV в. Сравненіе этого текста, съ одной стороны съ греческимъ и латинскимъ, съ другой — съ кирилловскими текстами

кн. Бытія, паримейнымъ и четымъ, показало слѣдующее: 1) одна часть текста глаголическаго Бытія хорватскихъ миссаловъ и бревіаріевъ переведена съ греческаго, другая — съ латинской вульгаты; 2) объемъ текста кн. Бытія, восходящаго къ греческому подлиннику, вполне совпадаетъ съ объемомъ того же текста кирилловскихъ паримейниковъ: и здѣсь и тамъ пропуски противъ полнаго (четьяго) текста кн. Бытія одни и тѣ же; 3) древне-славянскій переводъ этой „греческой“ части хорватскихъ миссаловъ и бревіаріевъ — тотъ же, что и въ кирилловскихъ паримейникахъ XII — XIV в., а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже древнѣе паримейнаго; 4) восходя къ греческому оригиналу, этотъ переводъ однако отразилъ на себѣ и вліяніе латинской вульгаты, по которой былъ, неизвѣстно кѣмъ и когда, исправленъ; 5) что касается той части хорватскаго Бытія, которая цѣликомъ переведена съ латинскаго, то переводъ ея — сравнительно новый, довольно своеобразный, а главное — не имѣющій ничего общаго съ переводомъ кирилловскихъ текстовъ четьяго (полнаго) Бытія, сохранившихся въ рукописяхъ XIV — XVI в. в. Такимъ образомъ составитель хорватскихъ миссаловъ и бревіаріевъ, несомнѣнно, воспользовался кирилло-меоодіевскимъ паримейникомъ, т. е. взялъ оттуда готовый древне-славянскій текстъ кн. Бытія и дополнилъ его собственнымъ переводомъ съ латинской вульгаты тѣхъ отдѣловъ этой библейской книги, которые читались только въ римско-католической церкви и не входили въ древне-славянскій паримейникъ, богослужебную книгу восточнаго обряда. Кирилло-меоодіевское наслѣдіе глаголическихъ миссаловъ и бревіаріевъ, объясняя и дополняя наши историческія свѣдѣнія о хорватской народной церкви, въ то же время является новымъ и весьма цѣннымъ матеріаломъ для исторіи перевода св. Писанія на ц.-славянскій языкъ вообще. Дальнѣйшая, заключительная часть доклада и была посвящена авторомъ выясненію важности этого матеріала для указанной цѣли.

По поводу доклада произошелъ обмѣнъ между Н. К. Свѣчинскимъ и докладчикомъ.

Н. К. Свѣчинскій сказалъ, что онъ на дняхъ только возвратился изъ Далмаціи и находится еще подъ живымъ впечатлѣніемъ всего тамъ видѣннаго и слышаннаго. Оказывается, что враги кирилло-меоодіевскихъ традицій въ Хорватіи и въ настоящее время тѣ же, что были и въ старину. Впрочемъ, теперь явился и новый врагъ, къ стыду сказать — изъ ученыхъ славянъ, г. Брикнеръ, который недавно (въ газетѣ *Slowo* 6—9 октября ¹⁾) съ такою непринужденностью и непонятнымъ

¹⁾ Въ полномъ видѣ статья А. Брикнера напечатана въ журналѣ *Przegląd Polski w Krakowie* 1903 г., *Wrzesień*: *Cyryl i Metody*.

озлобленіемъ очернилъ дорогую каждому славянину память свв. Кирилла и Меодія. Далѣе г. Свѣчинскій замѣтилъ, что его поражаетъ удивительное сходство богослужебнаго языка нынѣшнихъ хорватовъ со славянскимъ языкомъ, употребляющимся въ русскихъ церквахъ, и онъ недоумѣваетъ, чѣмъ объясняется такое сходство.

А. В. Михайловъ сказалъ, что интересующее его собесѣдника сходство можетъ объясняться отчасти идущей издавна традиціей, а еще болѣе — позднѣйшими исправленіями хорватскихъ глаголическихъ миссала и часослова, совершенными по порученію Римской куріи съ XVII в.—Рафаиломъ Леваковичемъ (1631 — 1648) и въ XVIII в.—Матвѣемъ Караманомъ (1741). Въ обоихъ случаяхъ исправленіе происходило при содѣйствіи русскихъ людей (уніатовъ) и по русскому изводу церковно-славянскихъ книгъ, вслѣдствіе чего въ глаголическія миссалъ и часословъ и вошло много руссизмовъ въ словарь и формахъ.

XIV.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

6-го ноября 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ В. Н. Александренко, присутствовало 23 члена Общества.

Слушали докладъ Е. А. Боброва о жизни и дѣятельности барона Розенкампа. Содержаніе доклада въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Густавъ Адольфъ (Густавъ Андреевичъ) Розенкамппъ (Rosenkampp) родился въ Лифляндіи въ имѣніи Kersel 6 января 1762 года. Образованіе получилъ подъ руководствомъ магистра Финдейзена, а въ 1782 г. уѣхалъ за границу для занятій въ Лейпцигскомъ университетѣ, который тогда особенно славился профессорами права. Въ Лейпцигѣ Р. получилъ прекрасное юридическое образованіе, которое ему потомъ очень пригодилося. Уже студентомъ Р. издалъ двѣ книжки научнаго содержанія. За границей онъ рассчитывалъ остаться совѣмъ, тѣмъ болѣе, что успѣлъ получить себѣ *пребанду*. Но Высочайшее повелѣніе вытребовало всѣхъ русскихъ подданныхъ въ отечество. Р. прибылъ въ С.-Петербургъ и зачислился по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ — въ 1785 г. Здѣсь завязалъ онъ сношенія съ О. П. Козодавлевымъ, однимъ изъ сотоварищей Радищева по Лейпцигскому Университету. Козодавлевъ сыгралъ громадную роль въ жизни Розенкамппа.

Въ 1789 году Лифляндское дворянство избрало Р. въ засѣдатели уѣзднаго суда въ Дерптъ, куда онъ и переехалъ. Здѣсь же онъ по-

томъ повысился до званія уѣзднаго судьи, занимаясь въ то же время адвокатской практикой. Кромѣ того, по порученію дворянства, онъ принималъ участіе въ разработкѣ поднятаго русскимъ правительствомъ вопроса объ улучшеніи положенія крестьянъ.

Звѣзда счастья заблестѣла для Р. въ 1802 г., когда ему было уже 40 лѣтъ. Императоръ Александръ Павловичъ задумывалъ обширныя реформы. Между прочимъ онъ желалъ составить сводное Уложеніе, надѣ чѣмъ безуспѣшно работалъ рядъ комиссій въ теченіе всего XVIII вѣка. Понадобились ученые юристы, и Козодавлевъ, бывшій тогда уже сенаторомъ, указалъ на Розенкампа, котораго и вызвали въ СПб. Н. Г. Новосильцовъ представилъ его Государю, на котораго Р. произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Это видно изъ того, что Государь неоднократно возлагалъ на Р. порученія весьма важнаго и деликатнаго свойства, показывавшія большую степень довѣрія. Служба Р. потекла чрезвычайно успѣшно. Въ СПб онъ прибылъ въ 1802 г. коллежскимъ ассесоромъ, и здѣсь немедленно же, еще ничего не сдѣлавъ, получилъ пожизненный пенсіонъ въ 2000 р. Черезъ 9 лѣтъ онъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а въ 1814 году былъ кавалеромъ Владиміра 2-ой степени. Въ 1817 г. возведенъ въ бароны великаго княжества Финляндскаго, причемъ въ гербъ ему внесены были символъ „закона“ (колонна подъ короной), какъ признаніе его кодификаціонной дѣятельности.

Р. былъ призванъ къ законодательной дѣятельности, не зная ни Россіи, ни ея исторіи, ни ея права, обычаевъ, ни даже языка. По его проекту было совершено преобразование комиссіи, которая номинально считалась въ завѣдываніи министра юстиціи, князя П. И. Лопухина и Н. Н. Новосильцева, но гдѣ полновластнымъ хозяиномъ сталъ Р. въ званіи старшаго докладчика. Первымъ дѣломъ онъ уволилъ русскихъ чиновниковъ изъ комиссіи и замѣнилъ ихъ нѣмцами и французами, прибавивъ къ нимъ цѣлый штатъ переводчиковъ. Работать заставлялъ Р. своихъ подчиненныхъ много. Самъ онъ принялся за изученіе первоисточниковъ русскаго права, сближая ихъ съ римскими и византійскими памятниками. Но толку выходило немного, ибо Р. работалъ безсистемно, то бросаясь въ исторію, то пытаясь сочинять новые законы изъ одной теоріи, то пытаясь заимствовать изъ иностранныхъ законодательствъ. Но впередъ дѣло не подвигалось. Постоянно все передѣлывалось заново. Впрочемъ Р. въ своихъ мѣсячныхъ донесеніяхъ Государю умѣлъ придать нѣкоторый видъ движенія и успѣха работамъ своей комиссіи.

Такъ дѣло шло до 1808 г., когда въ комиссіи появилось новое лицо, Сперанскій, поступившій туда по собственному желанію. Вскорѣ его назначили товарищемъ министра юстиціи со специальнымъ пору-

ченіемъ въ его вѣдѣніе именно законодательной комиссіи. Такимъ образомъ хозяиномъ сталъ теперь Сперанскій, и Р. пришлось занять второе мѣсто. При преобразованіи комиссіи въ 1810 г. по мысли Сперанскаго, Р. сталъ однимъ изъ начальниковъ отдѣленія — по гражданскому праву.

Р-фу было уже около 50 лѣтъ. Онъ, хотя и ничего не произвелъ, сумѣлъ составить себѣ авторитетъ знатока права. Александръ I, когда Бентамъ предложилъ ему свои услуги составить законы для Россіи, пославъ ему подарокъ, адресовалъ его именно къ Р. Бентамъ этимъ оскорбился и возвратилъ Высочайшій подарокъ нераспечатаннымъ. Бентамъ считалъ Р. совершенно непригоднымъ для кодификаціи. Р. былъ образованъ, начитанъ, но не обладалъ систематическимъ умомъ и не понималъ своей задачи. Притомъ ему сильно вредило его громадное самолюбіе, препятствовавшее ему ссылаться на другихъ и побуждавшее либо пытаться творить свое (хотя онъ лишенъ былъ творчества), либо выдавать труды своихъ подчиненныхъ за свои, чтобы получать самому почести и награды.

Энергичный и даровитый Сперанскій, ставшій начальникомъ Р., возбудилъ его непримиримую ненависть. А Р. былъ опасѣйшимъ врагомъ, ибо былъ весьма злопамятенъ и мстителенъ и имѣлъ на своей сторонѣ всѣ иноземные элементы. Помимо всего прочаго, Р. оскорблялся и тѣмъ, что Сперанскій призналъ его работы непригодными. Сп. хотѣлъ ускорить дѣло кодификаціи, перерабатывая французскій кодексъ. Сначала онъ пытался привлечь къ этому дѣлу Р. Но такъ какъ тотъ, быть можетъ, неохотно работалъ по чужой указкѣ, да вдобавокъ и оказался непригоднымъ къ ускоренной работѣ, Сперанскій повелъ дѣло самъ, съ помощью русскихъ секретарей, оставивъ Р. въ покоѣ, но испрашивая ему отъ Императора щедрыя награды. Но этимъ онъ не могъ смягчить своего врага. И тотъ не дремалъ. Онъ явился невидимымъ, но главнымъ орудіемъ паденія Сперанскаго. Благородный дерптскій профессоръ *Парротъ* напрасно пытался раскрыть глаза Императору, который считался его другомъ, на интриги Р. Характеризуя Р., Парротъ не щадилъ эпитетовъ.

Р. сблизился съ извѣстнымъ финляндскимъ дѣятелемъ *Армфельдтомъ*, которому черезъ Сперанскаго удалось стать совѣтникомъ Александра I по финляндскимъ дѣламъ. Въ образованную комиссію этихъ дѣлъ былъ приглашенъ Р. Они вдвоемъ вмѣстѣ съ Балашовымъ и повели интригу противъ Сперанскаго. Въ анонимныхъ доносахъ его называли измѣнникомъ и сравнивали съ Кромвелемъ. Когда Сперанскаго благодаря доносамъ сослали, Р. продолжалъ подавать новыя обвинительныя записки противъ него, увѣряя между прочимъ, что своими финансовыми мѣрами онъ хотѣлъ разорить Россію. Р-фу сочувство-

валь дворъ, завидовавшій вліянiю Сперанскаго, и дворянство, недовольное его указомъ объ экзаменахъ. За участіе въ паденіи Сп. Р. былъ щедро награжденъ. Онъ получилъ званіе помощника статс-секретаря, право доклада въ Государственномъ совѣтѣ и сталъ опять хозяйничать въ законодательной комисіи. Дѣятельность его по кодификаціи продолжалась 20 лѣтъ, но успѣха не имѣла, и выполнить эту работу пришлось впоследствии все-таки Сперанскому.

Р. оказалъ еще содѣйствіе остзейскому дворянству въ его сопротивленіи намѣренію Александра I освободить эстляндскихъ крестьянъ. Когда ему удалось добиться освобожденія безъ земли, Р., по волѣ Государя, сталъ вырабатывать положеніе объ освобожденныхъ крестьянахъ. А. И. Тургеневъ сообщаетъ, что Р. былъ подкупленъ и провелъ принципъ обезземеленія крестьянъ во всей строгости. Крестьяне получили личную свободу, но остались въ полной экономической и полицейской зависимости отъ помѣщиковъ.

До возвращенія Сперанскаго Р. былъ на высотѣ своей славы. Но съ возвращеніемъ его въ СПБ. началось его паденіе, тѣмъ болѣе, что онъ поссорился и съ Лопухинымъ. Съ 1822 г. онъ не служитъ болѣе въ законодательной комисіи. Съ восшествіемъ на престолъ Николая I онъ попалъ въ полную опалу. Тогда онъ погрузился въ ученые занятія и написалъ классическую книгу объ источникахъ Кормчей книги. Это его произведеніе показываетъ, что онъ могъ бы оставить большое имя въ наукѣ, если бы предался ей всецѣло. По поводу Кормчей онъ входилъ въ разнообразныя сношенія съ русскими археологами, какъ то А. Х. Востоковымъ, П. М. Строевымъ, И. Г. Анастасевичемъ. Изслѣдованіе его имѣло два изданія. Второе завершено уже послѣ его смерти Анастасевичемъ на средства митрополита Евгенія.

Послѣдніе годы жизни Р. провелъ въ уединеніи и матеріальной нуждѣ. Это время его жизни описано въ мемуарахъ В. С. Печорина, бывшаго потомъ профессоромъ московскаго университета и умершаго эмигрантомъ въ рясахъ католическаго монаха. Печоринъ, тогда еще студентъ-филологъ петербургскаго университета, былъ командированъ въ помощь Р. для прочтенія греческой рукописи XI в., и составилъ VIII приложеніе его книги. Общеніе съ Р., радовавшимся всякимъ неудачамъ Россіи, не осталось безъ вліянія на дальнѣйшую жизнь Печорина. — Послѣ смерти барона Р. въ 1832 г. въ его домѣ не нашлось и ста рублей ассигнаціями. Его похоронили на пособіе отъ министерства народнаго просвѣщенія. Вдова его, блиставшая нѣкогда красотою при дворѣ Александра I, черезъ два года умерла въ нуждѣ. А второе изданіе его книги о Кормчей, хранившееся въ листахъ у Анастасевича, по смерти послѣдняго, было въ качествѣ макулатуры продано

на толкучку, почему и представляет теперь большую библиографическую рѣдкость.

По поводу доклада *В. Н. Александренко* замѣтилъ между прочимъ, что было бы интересно провести параллель съ дѣятельностью Полѣнова въ виду того, что обоихъ занимали одни и тѣ же вопросы (напр., освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости). Кромѣ того, успѣхъ Розенкампа нельзя объяснить случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. То было время навѣянныхъ Бентамомъ кодификаціонныхъ увлеченій.

Е. А. Бобровъ согласился, что параллель съ Полѣновымъ была бы, дѣйствительно, полезна, хотя онъ и Розенкампъ — это люди совсѣмъ различныхъ характеровъ. По поводу же Бентама очень любопытные матеріалы можно найти въ статьѣ Пыпина, помѣщенной въ Вѣстникъ Европы за 1869 г. Отказъ свой поступить въ вѣдомство Розенкампа Бентамъ мотивировалъ тѣмъ, что если покидать вообще историческую почву и брать чужого человѣка для чисто теоретическихъ законовъ, то слѣдуетъ отказаться отъ комиссіоннаго пути и уполномочить одного составителя: отъ этого выиграло бы хоть единство и планомѣрность законодательства. О Розенкампѣ Бентамъ отзывался чрезвычайно рѣзко. Онъ называлъ его бездарнымъ и неспособнымъ человѣкомъ. Въ письмѣ къ Мордвинову онъ привѣтствовалъ его удаленіе. Не только Карамзинъ и Шишковъ, которыхъ можно было бы заподозрить въ предвзятой антипатіи къ нерусскому человѣку, но и Трошинскій высказываются очень неодобрительно о Розенкампѣ.

Д. В. Туткевичъ выразилъ недоумѣніе по поводу попытки докладчика, какъ бы лишить всякаго національнаго отпечатка образъ мыслей не только Трошинскаго, но даже Карамзина и Шишкова.

Е. А. Бобровъ объяснилъ, что о національныхъ воззрѣніяхъ упомянутыхъ лицъ онъ высказался мимоходомъ только какъ о возможномъ поводѣ упрекнуть въ пристрастіи ихъ отзывы о Розенкампѣ. Если же онъ что-нибудь и осуждаетъ, такъ это только то, что въ эпоху составленія „Записки о древней и новой Россіи“ Карамзинъ увлекался скорѣе крѣпостническими и ретроградными, чѣмъ прогрессивно-національными идеями, въ чемъ не отставалъ отъ него и Шишковъ въ роли министра народнаго просвѣщенія и члена государственнаго совѣта.

Затѣмъ *Д. В. Туткевичъ* отмѣтилъ, какъ своеобразно понимались задачи законодательнаго творчества въ началѣ XIX столѣтія въ Россіи. Пожалуй, слѣдуетъ благодарить судьбу за то, что дѣло, задуманное на почвѣ отвлеченныхъ доктринъ безъ всякаго вниманія къ наличнымъ даннымъ русскаго правового быта, попало въ руки такого,

пользуясь однимъ выраженіемъ П. П. Цитовича, „промыслового“ кодификатора, какимъ былъ Розенкампфъ. Достанься оно Бенхаму съ его яснымъ умомъ и свѣтлыми идеями, оно, чего добраго, было бы доведено до конца. У Россіи могло бы тогда оказаться очень стройное, но также и очень далекое отъ ея дѣйствительной жизни и посему непримѣнимое законодательство. Правда, и Сперанскій дѣлалъ заимствованія изъ Кодекса Наполеона. Но главной его цѣлью было подвести историческій фундаментъ подъ наше законодательство.

Е. А. Бобровъ согласился, что дѣятельность законодательной комиссіи (счетомъ десятой послѣ Петра Великаго) была весьма своеобразна. Несмотря на то, что она ни къ чему не привела, Розенкампфъ отпечаталъ 23 тома матеріаловъ съ неправильными ссылками на источники. Даже Сперанскій сталъ дѣйствительно собирать источники русскаго права только во второмъ періодѣ своей дѣятельности, который увѣнчался Полнымъ Собраніемъ Законовъ Россійской Имперіи. Въ первомъ же періодѣ къ нему ѣздили по понедѣльникамъ секретари, читали по-французски Наполеоновъ Кодексъ, наскоро пердѣлывали его и препровождали работу въ государственный совѣтъ.

Д. В. Тютчевичъ обратилъ вниманіе на то, что Сперанскій не только связалъ наше законодательство съ прошлымъ Россіи, но открылъ пути и для его послѣдующаго развитія. Можно сказать, что безъ подготовительной работы Сперанскаго у насъ были бы немыслимы судебные уставы 20 ноября 1864 г. Поэтому мы не можемъ не гордиться и не дорожить его дѣятельностью.

XV.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

23 го ноября 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 29 членовъ Общества.

Слушали докладъ *О. О. Базинера* „Древній римскій форумъ въ свѣтѣ новѣйшихъ раскопокъ“ ¹⁾. Вкратцѣ охарактеризовавъ современное возрожденіе Рима, столицы соединеннаго съ 1870 г. италіанскаго королевства, обнаруживающееся какъ въ матеріальномъ (строительномъ), такъ и въ духовно-культурномъ развитіи этого города, и ука-

¹⁾ Докладъ О. О. Базинера напечатанъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1904 г., №. 1.

завъ на заботы новаго италіанскаго правительства о научномъ изученіи прошлыхъ судебъ Италіи и особенно ея столицы, г. Базинеръ подробно изложилъ исторію систематическихъ раскопокъ, производившихся съ этой цѣлью съ 1870 по 1884г., и особенно съ 1898 по 1903 г., на мѣстѣ древне римскаго форума, служившаго центромъ религіозной, политической, административной и обыденно-общественной жизни древняго Рима. Разсмотрѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ исторію раскопокъ, произведенныхъ въ этомъ мѣстѣ еще въ первую половину прошлаго столѣтія, О. Θ. Базинеръ далъ очеркъ того постепеннаго разрушенія и опустѣнія, которому форумъ подвергался въ теченіе всѣхъ вѣковъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ римской имперіи до новаго времени. Послѣ этого докладчикъ изложилъ исторію постепеннаго застроенія центральной площади древняго Рима какъ въ древнѣйшій царскій, такъ въ особенности въ ресубликанскій и императорскій періоды, и остановился преимущественно на перестройкѣ ея важнѣйшихъ зданій, произведенной въ эпоху Цезаря и Августа. Перейдя послѣ этихъ общихъ историческихъ очерковъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ сооружений форума, болѣе или менѣе сохранившихся до нынѣшняго времени въ раскопанныхъ до сихъ поръ развалинахъ, докладчикъ сдѣлалъ детальное описаніе тѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ его, которые найдены были въ послѣдніе годы, а именно такъ наз. *tomba di Romulo*, т. е. „могилы Ромула“ вблизи комиція, и архаическаго некрополя, вблизи храма Фаустины. Первый изъ этихъ памятниковъ представляетъ цѣлую группу сооружений, помѣщавшихся на глубинѣ почти полутора метра подъ находящимся на уровнѣ императорской местовой четырехугольникомъ изъ большихъ черныхъ мраморныхъ плитъ, отождествляемыхъ большинствомъ ученыхъ съ упоминаемымъ у древняго грамматика Феста *Niger lapis*, т. е. съ предполагавшейся древними могилою Ромула, или Фаустула, или Тулла Гостилія. Одно изъ сооружений этой группы, состоящее изъ соединенныхъ между собой стѣною двухъ большихъ постаментовъ съ базами и находящагося между ними отдѣльнаго камня, несомнѣнно служило когда-то святилищемъ, такъ какъ въ покрывавшей его землѣ было найдено весьма большое количество жертвенныхъ, обѣтныхъ приношеній (т. наз. *stips votiva*), указывающихъ на существовавшій здѣсь въ весьма древнее время культъ. Но бывшее значеніе этого святилища до сихъ поръ еще загадочно, и всѣ высказанія учеными по этому предмету предположенія, согласно которымъ данное сооруженіе служило или древнѣйшей ораторской трибуною комиція, или хтоническимъ алтаремъ, въ родѣ алтаря Гіакинаеа въ Амиклахъ, или *hegoon*’омъ, т. е. святилищемъ-могилою героя, или же *mundus*’омъ, т. е. подземной ямой, посвященной душамъ умершихъ, являются до сихъ поръ неубѣдительными и недостоверными. Столь

же загадочными, по своему значенію, представляются и другія соору-
женія указанной группы, главнымъ образомъ, находящіеся вблизи свя-
тилища: коническая колонна и пирамидальная стела съ архаической
бустрофедонной латинской надписью. Всѣ объясненія послѣдней произ-
вольны, такъ какъ изъ немногихъ вполнѣ сохранившихся въ надписи
словъ только три — *resei*, *kalatorem* и *iouxmenta* — могутъ считаться
почти несомнѣнными по своему значенію. Такимъ образомъ изученіе
всѣхъ указанныхъ памятниковъ привело пока только къ одному до-
стовѣрному результату, а именно — что уже въ VI вѣкѣ до Р. Хр.
форумъ и комицій служили центромъ общественной жизни древняго
Рима.

Послѣ этого докладчикъ перешелъ къ описанію другихъ сохра-
нившихся въ остаткахъ памятниковъ этой площади, въ особенности
„*regii*“, или жилища царя и верховнаго понтифика, храма Весты и
атріума весталокъ, священнаго участка нимфы Ютурны, храма Ка-
сторовъ и храма Цезаря. Г. Базинеръ закончилъ свой рефератъ, иллю-
стрированный множествомъ фотографій, плановъ и картъ, указаніемъ
на то общее впечатлѣніе, которое форумъ производитъ на нынѣшняго
посѣтителя его и которое снѣ, вѣкогда находясь въ полномъ блескѣ и
величіи, производилъ на другихъ посѣтителей, восхвалившихъ его не
однимъ восторженнымъ стихотвореніемъ.

XVI.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

7-го декабря 1903 года.

Въ засѣданіи, происходившемъ подѣ председательствомъ Е. Ѳ.
Карскаго, присутствовало 22 члена Общества.

Слушали докладъ П. А. Заболотскаго „Поэтъ гуманности и свѣт-
лыхъ идеаловъ (памяти А. Н. Плещеева)“¹⁾.

По поводу доклада И. П. Селиверстовъ замѣтилъ, что насколько
хорошо содержаніе стихотвореній Плещеева, настолько, по его мнѣнію,
неудовлетворительна вообще ихъ художественная форма. Между
тѣмъ въ докладѣ о формѣ ничего не сказано и И. П. желалъ бы знать
мнѣніе о ней докладчика.

¹⁾ Докладъ П. А. Заболотскаго помѣщенъ со значительными дополненіями въ
настоящемъ выпускѣ „Записокъ Общества“, стр. 1 — 58.

П. А. Заболотскій согласился съ замѣчаніемъ И. П. Селиверстова, такъ какъ форма Плещеевскихъ стихотвореній, дѣйствительно, оставляетъ желать очень многого: поэтъ вовсе не принадлежалъ, по словамъ докладчика, къ сторонникамъ теоріи „искусство для искусства“. Это видно даже изъ тѣхъ цитатъ Плещеевскихъ стихотвореній, которыя приведены въ докладѣ. Если докладчикъ не остановился на разсмотрѣніи художественной стороны стихотвореній поэта, то исключительно потому, что это не входило въ его прямую задачу.

XVII.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

10-го декабря 1903 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовало 15 членовъ Общества.

Слушали докладъ *Ө. Ө. Зимеля* „Періодизація славянскаго права“.

Въ предварительномъ словѣ докладчикъ обратилъ вниманіе на значеніе періодизаціи славянскаго права. При появленіи своемъ славяне считали себя однимъ этнографическимъ цѣлымъ; сосѣдніе народы также видѣли въ нихъ единое цѣлое. Однако съ теченіемъ времени славянство проявило большое разнообразіе политическихъ и общественныхъ формъ. Въ Россіи чрезвычайно сильна государственная идея, и слабо общество. За то въ Польшѣ и въ Чехіи общество, или какъ одно полноправное сословіе поземельныхъ собственниковъ (въ Польшѣ), или расчлененное на пановъ, рыцарей и горожанъ, какъ болѣе или менѣе привилегированныя сословія (въ Чехіи), превращаетъ государство въ простого исполнителя велѣній наиболѣе могучихъ общественныхъ слоевъ. Въ Болгаріи и Сербіи чрезвычайно сильна государственная идея въ теоріи, но на практикѣ цари и короли не разъ являлись игрушками въ рукахъ могущественныхъ вельможъ. Хорватія по своему политическому строю очень напоминаетъ Польшу, а въ Приморьѣ и Далмаціи городскія общины устраиваются по образцу Венеціи. Спрашивается теперь, были ли эти громадныя перевороты слѣдствіемъ однихъ и тѣхъ же причинъ?

Докладчикъ убѣжденъ, что силы, производящія измѣненія, заключались во вліяніи культурныхъ идей, проникавшихъ съ Запада или Востока и вліявшихъ на умы только высшихъ, сравнительно малочисленныхъ славянскихъ слоевъ. Этимъ и объясняется громадное раз-

личіе политическихъ и общественныхъ формаций при неподвижности славянскихъ массъ, сохранившихъ міросозерцаніе чуть ли не VI и VII вѣковъ.

Въ самомъ докладѣ прежде всего было установлено положеніе, что періоды должны соотвѣтствовать перемѣнамъ въ міросозерцаніи народа или его руководящихъ круговъ. На этомъ основаніи необходимо отдѣлить языческое славянство болѣе или менѣе до X в., какъ всецѣло самостоятельно сложившее свои представленія о вселенной. Дальнѣйшее, съ X в., тысячелѣтіе проходитъ въ усвоеніи и приспособленіи міросозерцаній Запада славянствомъ католическимъ, а міросозерцанія Востока — славянствомъ православнымъ. Только въ новѣйшее время, и при томъ преимущественно въ литературѣ, замѣчается стремленіе отнестись критически къ идеямъ, внесеннымъ извнѣ въ славянскую среду. Продолжительность времени, нужнаго для такого усвоенія, всецѣло объясняется чрезвычайнымъ богатствомъ идей, подлежащихъ усвоенію. Тѣмъ не менѣе Славянство можетъ надѣяться и на возможность образованія самостоятельныхъ идей о правѣ, обществѣ и государствѣ, ибо условія, въ которыя поставлены славяне, весьма благопріятны (обширность, богатство, разнообразіе славянскихъ странъ) и существенно отличны отъ условій, въ которыхъ развивалась западная Европа. Такъ какъ въ Европѣ рѣзко отличаются средніе вѣка съ владычествомъ церкви и первенствомъ церковныхъ интересовъ отъ новыхъ временъ съ владычествомъ государства и свѣтскихъ интересовъ, то и въ славянскихъ государствахъ проявляется то же различіе, а именно въ Болгаріи — второе болгарское царство, въ Сербіи — сербское королевство и царство, въ Россіи — періодъ съ половины XV вѣка до начала XVIII в., въ Чехіи — съ 1253 до 1434 г., въ Польшѣ — съ 1300 до 1505 г. и въ Хорватіи съ Далматіей — съ 1102 г. по XVI в. должны быть отнесены къ періоду среднихъ вѣковъ. Новыя времена охватываютъ въ Россіи XVIII и XIX в., въ Чехіи — съ 1434 по 1627 г., въ Польшѣ — съ 1505 по 1795 г. Но и въ средневѣковыя мы видимъ въ отдѣльныхъ славянскихъ государствахъ одинъ весьма существенный переворотъ. Дѣло въ томъ, что процессъ ознакомленія съ культурными идеями Запада или Востока и претворенія ихъ въ свои даже обезпеченными славянскими кругами подъ руководствомъ церкви и духовенства длился весьма долго. Уже образованіе славянскихъ государствъ произвело такія сильныя измѣненія во всѣхъ сферахъ, что общество не могло скоро привыкнуть къ новымъ устоямъ общественной жизни. Къ этому нужно еще присоединить тотъ умственный переворотъ, который былъ вызванъ принятіемъ христіанства. Вѣка должны были протечь, пока чрезвычайныя перемѣны во всѣхъ руководящихъ жизни началахъ будутъ окончательно приняты и ста-

рые порядки позабыты. Таким образом первый периодъ (первое болгарское царство, Сербія до Нешаничей, Россія съ X до половины XV в., Чехія съ X в. по 1253 г., Польша съ X в. по 1300 г., Хорватія съ X в. по 1102 г.) представляетъ собою периодъ борьбы началъ языческо-славянскихъ, таящихся въ народныхъ массахъ, и началъ внесенныхъ христіанствомъ и проявляющихъ свою силу въ образованныхъ кругахъ. Поэтому трудно, пожалуй даже невозможно, установить въ этомъ первомъ периодѣ точно опредѣленные начала; они только слагаются къ самому концу перваго періода и представляютъ изъ себя какъ бы спайку двухъ составныхъ элементовъ—одного, ведущаго свою родословную изъ праславянской старины, и другого, заимствованнаго изъ европейскаго Запада или Востока.

Послѣ доклада между присутствовавшими членами Общества произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній.

А. Л. Блокъ проводилъ ту мысль, что периодизація славянскаго права по смѣнѣ міровоззрѣній, религіознаго и свѣтскаго, вообще къ славянству не примѣнима, потому что здѣсь наблюдается слишкомъ глубокая разница въ міровоззрѣніяхъ между классами высшими и низшими; институты же права, какъ созданіе всего народа, не могутъ быть разсчитываемы и относимы къ однимъ высшимъ классамъ. Кроме того, А. Л. Блокъ сомнѣвается въ правильности проведенія докладчикомъ основной своей идеи и въ частностяхъ. Такъ, въ Чехіи, по утверженію докладчика, съ XV в. начинается новый периодъ государственныхъ и свѣтскихъ интересовъ, а между тѣмъ именно въ это время тамъ жилъ и дѣйствовалъ Гусъ, представитель духовныхъ интересовъ и религіознаго движенія. Что касается затѣмъ Россіи, то здѣсь докладчикъ начало новаго періода относитъ къ XVIII в.; однако XVIII в., при Петрѣ Великомъ, характеризуется лишь внѣшними реформами, не вытекавшими изъ народнаго міровоззрѣнія. Міровоззрѣніе же въ Россіи измѣнилось гораздо раньше, можетъ быть, еще въ эпоху Іоанна III, такъ какъ уже въ тѣ времена появляются на Руси разнаго рода ереси и секты рационалистическаго характера. Наконецъ, дѣятельность Минина въ смутную эпоху служитъ доказательствомъ развитія у насъ городского сословія съ его свѣтскими интересами задолго до начала XVIII вѣка, какъ это показываетъ и Платоновъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ.

Ө. Ө. Зинель съ своей стороны замѣтилъ, что разрывъ между высшими и низшими классами славянства имѣ въ докладѣ совершенно опредѣленно констатированъ; что вся исторія славянъ, за исключеніемъ однихъ только чеховъ, двигалась высшими слоями народа, а потому только на нихъ и слѣдуетъ обращать вниманіе; поэтому же только къ нимъ и приурочивается периодизація права. Что же касается

Гуса, то въ немъ проявилась реакція противъ среднихъ вѣковъ вообще. Недовольство было уже во всѣхъ слояхъ народа и только свое выраженіе оно нашло въ религіозномъ движеніи. По охлажденіи же религіозныхъ интересовъ и въ Чехіи сейчасъ же выступили на сцену интересы свѣтскіе. Относительно Россіи *О. О. Зигель* настаиваетъ на правильности своей періодизаціи, такъ какъ весь Московскій періодъ имѣетъ сплошь религіозный характеръ въ своей литературѣ.

А. К. Сарандо высказался противъ возможности положить смѣну религіозныхъ воззрѣній въ основу періодизаціи права. Такія явленія, какъ крестовые походы, движеніе альбигойцевъ и даже само папство, въ которыхъ прежде видѣли воплощеніе религіозныхъ стремленій и интересовъ, имѣютъ, какъ теперь оказывается, свѣтскій и политическій характеръ. Исторія Англіи также двигалась не религіей. И реформація представляетъ изъ себя главнымъ образомъ, кажется, эмансипацію отъ политической власти папъ. Не пригодна религія, наконецъ, и для періодизаціи русскаго права.

О. О. Зигель обратилъ вниманіе на то, что онъ и самъ не видитъ въ религіи единственнаго и исключительнаго фактора историческаго развитія; въ докладѣ устанавливается трилогія въ исторіи славянскаго права: хаосъ, объединеніе и новыя вѣянія Западной Европы (гуманизмъ, реформація, новыя открытія); при этомъ обращается вниманіе на главные признаки каждой эпохи, а не на второстепенные, каковымъ является, напр., экономическій факторъ, служащій только условіемъ для развитія. Но, конечно, при этомъ встрѣчается не мало затрудненій, которыя однако свойственны каждой періодизаціи.

П. П. Вилліамсъ поддерживалъ то положеніе, что исторію двигаютъ идеалы, а идеалы были именно въ религіи. Въ Россіи вплоть до Петра Великаго религія господствовала надъ всемъ; тогда и звѣрства Іоанна IV переносились только потому, что они считались основанными на требованіяхъ религіи.

Е. В. Спекторскій призналъ возможность періодизаціи сообразно со смѣною религіозныхъ воззрѣній. Это подтверждается исторіей Рима, который былъ представителемъ права *par excellence*: 1-й періодъ тамъ — жреческій, понтификальный; 2-й періодъ — республиканскій и свѣтскій; 3-й періодъ — императорскій съ обоготвореніемъ верховной власти.

В. В. Есиповъ поддерживалъ основное положеніе докладчика. Тогда какъ *Е. В. Спекторскій* указалъ на Римъ, онъ, *В. В. Есиповъ*, указываетъ на средніе вѣка на Западѣ Европы, а также и въ Россіи (см., напр., Соборное Уложеніе царя Ал. Мих.). Лучшій знатокъ Москвы, Котошихинъ, отождествляетъ волю Государя съ волей Божіей; въ уго-

ловномъ правѣ Москвы то же самое: преступленіе считалось нарушеніемъ не только воли государевой, но и воли Божіей.

На это *А. Л. Блокъ* замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ религіозный періодъ въ Россіи пришлось бы продолжить до нашихъ дней, такъ какъ и теперь еще дѣйствуютъ у насъ прежніе, старинные уголовные законы.

В. Н. Александренко отмѣтилъ игнорированіе докладчикомъ географическаго положенія отдѣльныхъ славянскихъ группъ. Такъ, касательно Россіи, докладчикъ относитъ, напр., XV вѣкъ къ религіозному періоду, но нельзя такъ обобщать это положеніе, такъ какъ Москва жила въ то время далеко не тѣми идеалами, которыми жилъ Великій Новгородъ: въ Новгородѣ очень рано выступилъ на первый планъ экономической факторъ, а религіозные интересы уже давно не занимали первенствующаго мѣста. Да и вообще, по мнѣнію *В. Н. Александренко*, принципъ докладчика не можетъ быть достаточно основанъ историческими данными.

Годи́чное собра́ніе Общества.

25-го января 1904 г.

Годи́чное собра́ніе Общества состоялось подъ предѣдательствомъ товарища предѣдателя Н. Н. Любовича. Въ этомъ собраніи Е. В. Спекторскій произнесъ рѣчь: „Органическая теорія Общества“¹⁾.

Послѣ рѣчи г. Спекторскаго и. о. секретаря Общества В. А. Францевъ прочиталъ слѣдующій отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1903 годъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ за третій годъ существованія Общества, съ 1-го января по 31-ое декабря 1903 г.

I. *Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества.*

Къ 1-му января 1903 года Общество состояло изъ 20 членовъ-учредителей, которые принадлежали къ составу профессоровъ и преподавателей Университета, и изъ 141 дѣйствительнаго члена. Въ теченіе 1903 г. въ Общество вступило новыхъ членовъ 24 и одинъ членъ-сотрудникъ. Выбыло за смертью—2 (В. А. Логановскій и А. А. Плонскій), по собственному желанію—2. Такимъ образомъ, въ настоящее время Общество состоитъ изъ 181 члена и одного члена-сотрудника.

Общество состоитъ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическихъ наукъ и наукъ юридическихъ.

Изъ числа проживающихъ въ Варшавѣ членовъ Общества нѣкоторые по избранію входятъ въ составъ Бюро и Совѣта Общества и заведываютъ текущими дѣлами и имуществомъ его.

---

¹⁾ Рѣчь г. Спекторскаго помѣщена въ настоящемъ выпускѣ „Записокъ“ Общества, отд. II, стр. 59 слѣд.

Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ, избранныхъ въ общихъ собраніяхъ 18 января, 14 и 21 февраля и 16 марта 1901 г.: председателя *Θ. И. Леонтовича*, отказавшагося отъ этой должности 13 марта 1903 года и уволеннаго г. Попечителемъ Округа съ 13 октября; товарища председателя *Н. Н. Любовича*, казначея *О. Θ. Базинера*, секретаря *Г. В. Демченко* и бібліотекаря *С. И. Вѣхова*. Председателемъ отдѣленія историко-филологическихъ наукъ состоялъ *Е. Θ. Карскій*, секретаремъ *А. В. Михайловъ*; въ отдѣленіи юридическихъ наукъ председательствовалъ *В. Н. Александренко* при секретарѣ *Θ. В. Тарановскомъ*, отказавшемся отъ должности 23 ноября 1903 г., и *И. Н. Трепицынъ*, временно принявшемъ эту должность.

Въ Составъ Совѣта Общества, которому принадлежитъ завѣдываніе текущими дѣлами, входили по должности: председатель, товарищъ председателя, председатели обоихъ отдѣленій Общества и секретарь его; кромѣ того, по особому избранію: отъ отдѣленія историко-филологическихъ наукъ *И. П. Созоновичъ*, отъ отдѣленія юридическихъ наукъ *А. К. Сарандо*.

Редакторомъ „Записокъ“ Общества состоялъ *Н. И. Новосадскій*. Въ составъ ревизіонной комиссіи вошли по избранію: *А. А. Бржезинскій*, *А. П. Косминскій* и *А. П. Соколовъ*.

II. Свѣдѣнія о состояніи бібліотеки, имущества и денежныхъ средствъ Общества.

Въ бібліотекѣ Общества къ 1 января 1903 года состояло книгъ и періодическихъ изданій: 113 названій въ 432 томахъ и тетрадяхъ. Въ 1903 году поступило: а) книгъ—25 названій въ 39 т., б) продолженій періодическихъ изданій—61 томъ, в) новыхъ періодическихъ изданій—8 названій въ 51 томѣ. Всего поступило вновь 33 изданія въ 151 томѣ. Къ 1 января 1904 г. состоитъ 146 названій въ 583 т. Наибольше крупный даръ въ бібліотеку Общества сдѣланъ былъ г. Попечителемъ Виленскаго Учебнаго Округа.

Изданія Общества состояли изъ 400 экз. 2-го выпуска „Записокъ“. Изъ нихъ 10 экз. отправлено въ Цензурный Комитетъ, 165 роздано членамъ Общества, 79 выслано другимъ Обществамъ и редакціямъ въ обмѣнъ на изданія, 10 выдано въ распоряженіе г. товарища председателя Общества, 10 отдано на комиссію въ книжный магазинъ *Карбасникова*. Осталось всего 126 экземпляровъ, изъ которыхъ 100 сдано на храненіе въ бібліотеку, а 26 имѣется у редактора для раздачи членамъ Общества.

Движеніе суммъ Общества къ 1 января 1904 года выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Прихода въ 1903 г.	671 р. 09 коп.
Расхода "	567 р. 18½ к.
Остается	103 р. 90½ к.

Къ 1-му января 1904 г. всего въ остаткахъ Общества числится: 685 р. 64½ коп., въ томъ числѣ остатковъ 1901 г. 301 р. 64½ коп., 1902 г. 280 р. 09½ коп., изъ коихъ въ сберегательной кассѣ Государственнаго Банка—600 р. (по книжкѣ Общества за № 33612).

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Ученая дѣятельность Общества выразилась въ собраніяхъ для выслушанія и обсужденія докладовъ и рѣчей и въ изданіи „Записокъ“.

1) Ученыхъ собраній Общества въ теченіе 1903 года состоялось 16.

Отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ имѣло 9 собраній, въ коихъ было сдѣлано 13 докладовъ: П. А. Заболотскаго, Гуманные мотивы поэзіи Н. А. Некрасова; И. П. Созоновича, Франсисъ Джемсъ Чайльдъ и его изданіе англійскихъ и шотландскихъ балладъ; А. Л. Погодина, Изъ психологіи народнаго творчества; И. И. Замотина, Нѣмецкая романтическая доктрина въ русской журнальной критикѣ 20-хъ годовъ XIX ст.; В. В. Власова, Къ вопросу о постановкѣ преподаванія географіи съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій; П. А. Заболотскаго, О желательности основанія VIII-хъ педагогическихъ классовъ при женскихъ гимназіяхъ Варшавскаго Учебнаго Округа; В. А. Мошкова, Нерѣшенная загадка этнографіи; Н. Н. Любовича, Международный историческій конгрессъ въ Римѣ; Е. А. Боброва, Жизнь и труды Б. И. Ордынскаго, переводчика древнихъ авторовъ; Н. И. Новосадскаго, Педагогическіе идеалы Платона; А. В. Михайлова, Къ вопросу о литературномъ наслѣдіи свв. Кирилла и Мефодія въ хорватскихъ глаголическихъ миссалахъ и бревіаріяхъ; О. Ѳ. Базинера, Древній римскій форумъ въ свѣтъ новѣйшихъ раскопокъ и П. А. Заболотскаго, Поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ (памяти А. Н. Плещеева).

Отдѣленіе юридическихъ наукъ имѣло 7 засѣданій, въ коихъ было прочитано 9 докладовъ: И. Я. Софійскаго, О промысловомъ налогѣ; М. Д. Скрыбина, О мѣрахъ къ устраненію и ограниченію чрезполосности крестьянскихъ земель въ губ. Царства Польскаго; Ф. П. Будкевича, Кодификація законовъ и новый проектъ Гражданскаго Уложенія Россійской Имперіи; В. А. Францева, Новая реформа управленія и суда въ Черногоріи (6 декабря 1902 г.); Г. Д. Мозолева, Древнѣй-

шій въ мірѣ кодексъ Хаммураби; В. В. Есипова, Краткая характеристика новаго Уголовнаго Уложенія; В. Н. Александренко, Изъ прошлаго Демидовскаго Лицея (1803 — 1903); Е. А. Боброва, Біографическія свѣдѣнія о баронѣ Г. А. Розенкампе; О. О. Зигеля, Періодизація славянскаго права.

Кромѣ того, въ годичномъ засѣданіи Общества 26 янв. 1903 года О. О. Базинеромъ произнесена была рѣчь: „Идеи древнихъ о прогрессѣ человѣчества“. Для обсужденія текущихъ дѣлъ и избранія новыхъ членовъ Общества устраивались распорядительныя засѣданія, обыкновенно совмѣстно съ засѣданіями отдѣленій. Всѣхъ распорядительныхъ засѣданій въ 1903 году было 7. Совѣтъ Общества собирался въ теченіе истекшаго года 8 разъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе 1903 г. всѣхъ засѣданій Общества было 32, въ томъ числѣ: распорядительныхъ—7; ученыхъ—16; торжественныхъ—1; совѣтскихъ—8. Въ ученыхъ и торжественныхъ собраніяхъ было прочитано 23 рѣчи, реферата и сообщенія, вызывавшихъ оживленный обмѣнъ мнѣній между присутствовавшими въ засѣданіяхъ членами Общества.

2) Въ истекшемъ году Общество издало 2-ой выпускъ своихъ „Записокъ“ (стр. 75+179), заключающій въ I отдѣлѣ сокращенные протоколы засѣданій Общества и во II отдѣлѣ доклады и статьи слѣдующихъ лицъ: О. О. Базинера, Е. О. Карскаго, П. А. Заболотскаго, И. П. Созоновича, В. В. Власова, А. И. Даринскаго и Н. Н. Любовича.

Приложенія къ протоколамъ.

I. Списокъ членовъ Общества къ 1-му октябрю 1904 г.

А. Почетный членъ.

1. Леонтовичъ, Θεодоръ Ивановичъ, (членъ-учредитель, Батумъ).

Б. Дѣйствительные члены.

Адамантовъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
Адріановъ, Александръ Александровичъ.
Акаемовъ, Николай Θεодоровичъ.
Александренко, Василій Никифоровичъ (членъ-учредитель).
Алексѣевъ, Сергѣй Николаевичъ.
Архангельскій, Θεодоръ Ивановичъ (Сѣдлецъ).

- Багговутъ, Александръ Эдуардовичъ (Плоцкъ).
Базинеръ, Оскаръ Θεодоровичъ.
10. Балицкій, Аркадій Николаевичъ.
Барановичъ, Михаилъ Андреевичъ.
Баранъ-Бутовичъ, Михаилъ Гавриловичъ.
Баранъ-Бутовичъ, Петръ Гавриловичъ.
Бекеръ, фонъ, Альфредъ Васильевичъ.
Бенедиктовъ, Петръ Васильевичъ (Сандоміръ).
Блокъ, Александръ Львовичъ.
Бобровъ, Евгеній Александровичъ.
Болотниковъ, Петръ Васильевичъ.
Браиловскій, Сергѣй Николаевичъ.
  20. Бржезинскій, Александръ Алексѣевичъ.
Будкевичъ, Флоръ Павловичъ,

Булашевъ, Василій Маврикіевичъ.

Бѣловъ, Григорій Васильевичъ.

Бѣлоруссовъ, Алексѣй Ивановичъ.

Василевскій, Николай Александровичъ.

Венгеровъ, Леонъ Соломоновичъ.

Вехтерштейнъ, Эдуардъ Соломоновичъ.

Вилліамсъ, Петръ Петровичъ.

Владиміровъ, Θεодоръ Николаевичъ.

30. Власовъ, Всеволодъ Васильевичъ.

Возницынъ, Николай Николаевичъ.

Воиновъ, Алексѣй Ивановичъ.

Волковскій, Θεодоръ Константиновичъ.

Волковъ, Яковъ Дмитріевичъ.

Вурцель, Сергѣй Львовичъ.

Вѣховъ, Сергѣй Ивановичъ (членъ-учредитель).

Галабутскій, Юрій Андреевичъ (Згержъ, Петроковской губ.).

Гартманъ, Владиміръ Юльевичъ.

Гаршинъ, Евгеній Михайловичъ (Таганрогъ).

40. Герцогъ, Сергѣй Евгеніевичъ.

Гильченко, Эрастъ Павловичъ.

Голоскевичъ, Константинъ Ивановичъ.

Горбуновъ, Александръ Владиміровичъ.

Горбъ-Ромашкевичъ, Θεодосій Кузьмичъ (членъ-учредитель).

Грановскій, Діодоръ Петровичъ.

Грудининъ, Константинъ Порфиріевичъ.

Гусаковъ, Андрей Георгіевичъ (членъ - учредитель, С.-Петербургъ).

Даниловъ, Петръ Григорьевичъ (Кольно).

Даринскій, Алексѣй Ильичъ.

50. Дегенъ, Евгеній Викторовичъ.

Демченко, Григорій Васильевичъ (членъ-учредитель).

Димитріу, Алексѣй Константиновичъ (Люблинъ).

Долончевъ, Василій Родіоновичъ.

Дорофеевъ, Георгій Кузьмичъ.

Друцкой, князь, Сергѣй Александровичъ (С.-Петербургъ).

Дубровскій, Николай Александровичъ.

Дыдынскій, Θεодоръ Максимиліановичъ.

Дьяконовъ, Лука Григорьевичъ (Люблинъ).

Дьячанъ, Филиппъ Никитичъ (им. Высокое, ст. Межирѣче).

60. Евдокимовъ, Александръ Николаевичъ (Сосновицы).
Егоровъ, Несторъ Евгеніевичъ.
Есиповъ, Владиміръ Владиміровичъ (членъ-учредитель).

Жижинъ, Василій Дмитріевичъ.

Жуковъ, Петръ Николаевичъ.

Заболотскій, Петръ Александровичъ (Австрія).

Замотинъ, Иванъ Ивановичъ.

Засеъ, баронъ, Альфредъ Вильгельмовичъ.

Здановичъ, Паулинъ Паулиновичъ.

Зенгеръ, Григорій Эдуардовичъ (С.-Петербургъ).

70. Зигель, Θεодоръ Θεодоровичъ (членъ-учредитель).

Иванюковъ, Иванъ Ивановичъ (С.-Петербургъ).

Имшенецкій, Митрофанъ Михайловичъ.

Истоминъ, Владиміръ Аввакумовичъ (Москва).

Истринъ, Александръ Михайловичъ.

Калингъ, Александръ Александровичъ.

Карачаровъ, Владиміръ Сергѣевичъ.

Карскій, Евфимій Θεодоровичъ (членъ-учредитель).

Коваленко, Иванъ Петровичъ.

Косминскій, Алексѣй Петровичъ.

80. Костылевъ, Владиміръ Андреевичъ (Калишъ).

Крижановскій, Антонъ Антоновичъ.

Крыловъ, Иванъ Александровичъ.

Кулаковскій, Платонъ Андреевичъ (членъ-учредитель, С.-Петербургъ).

Кулинскій, Георгій Васильевичъ (Москва).

Купріевичъ, Иванъ Петровичъ.

Лебедевъ, Иванъ Васильевичъ.

Леонтьевъ, Андрей Андреевичъ.

Логановъ, Николай Антоновичъ.

Лубенцовъ, Александръ Николаевичъ.

90. Любовичъ, Николай Николаевичъ (членъ-учредитель).

Майдель, баронъ, Артуръ Юльевичъ.

Македонскій, Григорій Ивановичъ.

- Малаевъ, Александръ Николаевичъ.
Мансуй, Амель Александровичъ.
Марковъ, Борисъ Петровичъ.
Мартыновъ, Іоакимъ Яковлевичъ.
Матѣевъ, Антонъ Александровичъ.
Милеантъ, Владиміръ Георгіевичъ (Лодзь).
Михальскій, Андрей Григорьевичъ.
100. Михайловъ, Александръ Васильевичъ (членъ-учредитель).
Мозолевскій, Григорій Дмитріевичъ.
Мошковъ, Валентій Александровичъ.

Невзоровъ, Николай Васильевичъ.
Никольскій, Александръ Александровичъ.
Нимандеръ, Евгенийъ Петровичъ.
Новосадскій, Николай Ивановичъ (членъ-учредитель).
Новосельскій, Николай Аполлинаріевичъ (Ковно).

Овечкинъ, Евсигній Ѳеодоровичъ (Нишава).
Окоемовъ Иванъ Кондратьевичъ.

110. Павловъ, Ѳеодоръ Ивановичъ (Новгородъ).
Пакалнынъ, Павелъ Ивановичъ (Кѣльцы).
Папмель, Павелъ Ѳеодоровичъ (Радомъ).
Паренсовъ, Петръ Дмитріевичъ (С.-Петербургъ).
Песлевичъ, Николай Александровичъ.
Петрушевскій, Дмитрій Моисеевичъ (членъ-учредитель).
Петцъ, фонъ, Константинъ Германовичъ.
Погодинъ, Александръ Львовичъ.
Погодинъ, Петръ Дмитріевичъ.
Потаповъ, Николай Александровичъ.
120. Прозерскій, Александръ Васильевичъ.
Пугунецъ, Евфимій Онуфріевичъ.

Радень, баронъ, Эдмундъ Ѳеодоровичъ.
Рексъ, Николай Карловичъ (Харьковъ).
Родзянко, Сергій Николаевичъ.
Рождественскій, Григорій Григорьевичъ.

Савинковъ, Викторъ Михайловичъ.
Сарандо, Анастасій Константиновичъ.
Свѣчинскій, Николай Кирилловичъ (С.-Петербургъ).

- Севастьяновъ, Иванъ Петровичъ.
130. Селиверстовъ, Иванъ Петровичъ.
Симоненко, Григорій Θεодоровичъ.
Скрябинъ, Михаилъ Дмитріевичъ.
Смирновъ, Александръ Ивановичъ (членъ-учредитель).
Смирновъ, Константинъ Матвѣевичъ.
Созоновичъ, Иванъ Петровичъ (членъ-учредитель).
Соколовъ, Александръ Павловичъ.
Соловскій, Павелъ Николаевичъ.
Соловьевъ, Сергій Львовичъ (Лодзь).
Софійскій, Иванъ Яковлевичъ.
140. Спекторскій, Евгенийъ Васильевичъ.
Срѣтенскій, Олимпій Яковлевичъ.
Стефани, Адрианъ Николаевичъ.
Струве, Генрихъ Юрьевичъ (Лондонъ).
Суловскій, Ромуальдъ Станиславовичъ.
- Тарановскій, Θεодоръ Васильевичъ (членъ-учредитель).
Тарле, Евгенийъ Викторовичъ (С. Петербургъ).
Теодоровичъ, Николай Константиновичъ.
Тимановскій, Андрей Тихоновичъ.
Тиховъ, Николай Захаровичъ.
150. Трепицынъ, Иванъ Николаевичъ.
Троицкій, Василій Флоровичъ.
Туръ, Константинъ Николаевичъ (Вѣла).
Туткевичъ, Дмитрій Васильевичъ (Кіевъ).
- Ульяновъ, Григорій Константиновичъ (членъ-учредитель, Рига).
Устимовичъ, Петръ Митрофановичъ (Воронежъ).
- Филевичъ, Иванъ Порфирьевичъ (членъ-учредитель).
Фляксбергерь, Владиміръ Андреевичъ.
Францевъ, Владиміръ Андреевичъ.
- Харламовъ, Николай Васильевичъ (С.-Петербургъ).
160. Хартенъ, фонъ, Карлъ Германовичъ.
Хичевскій, Миронъ Викентьевичъ.
- Цвѣтаевъ, Дмитрій Владиміровичъ (членъ-учредитель).
Цвѣтковскій, Юрій Юрьевичъ.
Цвѣтковъ, Иванъ Поліевктовичъ.

Чаговецъ, Алексѣй Андреевичъ.

Чижъ, Григорій Прокофьевичъ.

Чичеринъ, Алексѣй Петровичъ (Петроковъ).

Шаблювскій, Павелъ Владиміровичъ.

Швачко, Илья Гавриловичъ.

170. Шейминъ, Петръ Николаевичъ (Новая Александрія).

Шенбергъ, Густавъ Эдуардовичъ.

Шимановскій, Василій Степановичъ (Люблинъ).

Шрейтерфельдъ, Константинъ Николаевичъ.

Штральборнъ, Константинъ Карловичъ (Люблинъ).

Щегловъ, Василій Николаевичъ.

Эйсмонтъ, Николай Семеновичъ.

Эльмановичъ, Спиридонъ Дмитріевичъ (Плоцкъ).

Энманъ, Викторъ Теоодоровичъ.

Юзefовичъ, Яковъ Варeоломеевичъ.

180. Юшкевичъ, Борисъ Адамовичъ (С.-Петербургъ).

Янковскій, Дмитрій Порфирьевичъ.

Ястребовъ, Михаилъ Владиміровичъ.

Ятвинскій, Каллистъ Теофановичъ.

Теооктистовъ, Василій Кондратьевичъ (Гродно).

Теоминъ, Александръ Александровичъ.

В. Члены — сотрудники.

Малиновскій, Иванъ Дмитріевичъ (С.-Петербургъ).

II. Должностныя лица Общества.

Предсѣдатель — Н. Н. Любoвичъ.

Товарищъ предсѣдателя — Т. К. Горбъ-Ромашкевичъ.

И. о. секретаря — Г. В. Демченко.

Библіотекарь — С. И. Вѣховъ.

Казначей — О. Т. Базинеръ.

Редакторъ изданій Общества — Н. И. Новосадскій.

Въ отдѣленіи историко-филологическихъ наукъ — предсѣдатель
Е. Θ. Карскій, секретарь В. А. Погорѣловъ.

Въ отдѣленіи юридическихъ наукъ — предсѣдатель Θ. Θ. Зигель,
секретарь Е. В. Спекторскій.

Члены Совѣта Общества — Н. Н. Любавичъ, Θ. К. Горбъ-Романи-
кевичъ, Е. Θ. Карскій, Θ. Θ. Зигель, Г. В. Демченко. Кромѣ того, по
избранію отъ историко-филологическаго отдѣленія—А. П. Косминскій
и отъ юридическаго — А. К. Сарандо.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ПОЭТЪ ГУМАННОСТИ

и свѣтлыхъ идеаловъ *).

(Памяти А. Н. Плещеева.)

„Homo sum et nihil humani a me alienum esse puto“ —
таковъ былъ эпиграфъ на появившейся въ концѣ 40 годовъ первой книжкѣ стихотвореній юнаго поэта А. Н. Плещеева. Трудно подобрать болѣе мѣткій и подходящий эпиграфъ для характеристики музы и личности поэта, который въ теченіе всей своей богатой превратностями жизни ни разу не понижалъ возвышеннаго тона своей лиры, который всегда былъ горячимъ борцомъ за свѣтлые и высокіе идеалы и былъ „человѣкомъ“ въ самомъ благородномъ значеніи этого слова.

Всего 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ кладбище Новодевичьяго монастыря въ Москвѣ приняло въ свои нѣдра прахъ А. Н. Плещеева, памяти котораго я посвящаю свою настоящую статью.

10-лѣтіе — слишкомъ ничтожный промежутокъ времени для того, чтобы объективно и научно отнестись къ жизни

---

*) Выдержки изъ этой статьи читаны въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 7-го декабря 1903 г.

и дѣятельности чловѣка, такъ недавно еще сошедшаго въ могилу. Строгой объективности оцѣнки не можетъ быть вслѣдствіе близости и жгучести для насъ тѣхъ идей, вопросовъ, интересовъ, которыми жилъ почти современный намъ поэтъ; строгой научности оцѣнки мѣшаетъ отсутствіе необходимыхъ біографическихъ матеріаловъ, отсутствіе снабженныхъ критическимъ комментариемъ собраній сочиненій поэта, отсутствіе свода критики объ его сочиненіяхъ, наконецъ невыясненность вопроса о современныхъ ему теченіяхъ мысли и литературы, о вліяніяхъ на него и т. д.; однимъ словомъ не произведена еще та черновая работа, безъ которой нельзя ручаться за научную точность нашихъ выводовъ.

Принимая во вниманіе указанныя неблагопріятныя условія для научной оцѣнки жизни и поэзіи Плещеева и считая подобную оцѣнку лишь дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, мы зададимся болѣе скромною цѣлью: на основаніи существующихъ изданій сочиненій поэта, на основаніи увидѣвшихъ уже свѣтъ матеріаловъ для его біографіи, постараемся возсоздать образъ поэта и отмѣтимъ характерныя черты его міровоззрѣнія, основные мотивы его поэзіи, а въ заключеніе выскажемъ свое мнѣніе о значеніи поэтической дѣятельности Плещеева. Считаемъ нужнымъ добавить еще, что литературная дѣятельность разсматриваемаго нами поэта выражалась въ оригинальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, имѣющихъ для насъ особенную цѣнность, въ переводахъ изъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и др. западноевропейскихъ поэтовъ, наконецъ въ довольно многочисленныхъ повѣстяхъ ¹⁾.

---

¹⁾ См. Повѣсти и рассказы А. Н. Плещеева, подъ ред. П. В. Быкова, т. I—II. Спб. 1896—7. Отзвы о прозаическихъ произведеніяхъ Плещеева см. Добролюбовъ, Благонамѣренность и дѣятельность. (Повѣсти Плещеева). Соч. III. Быковъ. Біографія Плещеева (при изд. 1898 г., XXIII—VII). Волыинскій: Плещеевъ, какъ беллетристъ. Сѣв. В. 1896, VIII.

Для характеристики Плещеева, какъ оригинальнаго поэта, мы привлечемъ только произведенія перваго рода, имѣя въ виду переводныя и повѣствовательныя произведенія лишь постольку, поскольку это необходимо для пониманія первыхъ.

Матеріалы по біографіи А. Н. Плещеева не отличаются богатствомъ.

Помимо наиболѣе полнаго біографическаго очерка, составленнаго г. П. Быковымъ и помѣщеннаго при 3 изданіи „Стихотвореній“ Плещеева (1898 г.), мы можемъ отмѣтить интересныя воспоминанія г. П. Ю. Юдина „Плещеевъ въ ссылкѣ“ (Ист. Вѣстн. 1897, V, 402—23) и статью въ Молвѣ, 1881 г., № 50, проливающую свѣтъ на роль Плещеева въ кружкѣ Петрашевскаго.

Сжатыми, но цѣнными являются „некрологъ А. Н. Плещеева“, помѣщенный Н. К. Михайловскимъ въ Русск. Бог. 1893, X, и біографія Плещеева, составленная г. П. Вейнбергомъ и помѣщенная въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XXIII. Для полноты отмѣтимъ и краткія біографическія свѣдѣнія объ интересующемъ насъ поэтѣ въ руководствахъ по новѣйшей русской литературѣ гг. Скабичевскаго, Полевого и др.

Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ источниковъ для біографіи Плещеева являются, несомнѣнно, его собственныя произведенія, въ которыхъ разсѣяны въ изобиліи намеки на тѣ или инныя событія его жизни и по которымъ можно судить о міровоззрѣніи, настроеніи, чувствахъ поэта въ различные періоды его жизни. Этотъ источникъ, насколько намъ извѣстно, мало привлекался къ біографіи Плещеева ея составителями, и мы постараемся пополнить нѣсколько этотъ пробѣлъ.

Переписка Плещеева до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не издана, и т. обр. мы лишены возможности привлечь къ разсмотрѣнію этотъ особенно важный для біографіи источникъ. Воспоминанія о поэтѣ, помимо упомянутыхъ выше, надо по-

лагать, тоже еще появятся и тѣмъ облегчать трудъ позднѣйшихъ біографовъ Плещеева, а пока намъ приходится пользоваться лишь крайне немногочисленными и отрывочными свѣдѣніями. А. Н. Плещеевъ родился 22 ноября 1825 г. въ Костромѣ. Фамилія Плещеевыхъ принадлежала къ одному изъ старинныхъ боярскихъ родовъ, насчитывающему среди своихъ членовъ не мало выдающихся русскихъ дѣятелей. Знаменитый митрополитъ Московскій св. Алексій, Алексѣй Львовичъ Плещеевъ, президентъ камеръ-коллегіи при имп. Петрѣ Великомъ, Серг. Ив. Плещеевъ, любимецъ императора Павла I и видный писатель конца XVIII вѣка по географіи и статистикѣ, и др. — вотъ тѣ славныя имена, которыя, несомнѣнно, не разъ раздавались въ ушахъ будущаго поэта и наполняли впечатлительную душу стремленіемъ быть достойнымъ потомкомъ своихъ знаменитыхъ предковъ.

Правда, нигдѣ въ произведеніяхъ Плещеева мы не найдемъ и тѣни родовой кичливости, но проходящее красною нитью черезъ всю его жизнь и творчество стремленіе „не бесполезно жизнь прожить“, принести тѣмъ или инымъ способомъ пользу своей родинѣ, несомнѣнно, находило себѣ пищу въ семейныхъ традиціяхъ.

Родители Алексѣя Николаевича Плещеева вскорѣ послѣ рожденія сына переселились изъ Костромы въ Нижній Новгородъ, гдѣ и протекали дѣтскіе годы поэта. Личности отца и матери Плещеева и степень ихъ вліянія на сына при скудости наличнаго біографическаго матеріала не могутъ еще быть выяснены въ достаточной степени.

Извѣстно, что Николай Серг. Плещеевъ, отецъ поэта, служилъ въ Н. Новгородѣ, былъ человѣкъ занятый, дѣловой, и, быть можетъ, на него дѣлаетъ намекъ поэтъ въ своемъ стих. „Изъ жизни“ ¹⁾, когда, описывая возвращеніе веселыхъ дѣтей домой послѣ школьныхъ занятій, говоритъ:

„Отецъ — угрюмъ; онъ въ кабинетѣ
Все что-то пишетъ....“

---

¹⁾ Стихотворенія А. Н. Плещеева. 3 изд. 1898 г., стр. 204.

Оживленные голоса ребятишекъ, доносящіеся до слуха отца, отвлекаютъ однако его отъ работы.

„Всталъ и отецъ изъ-за работы,
Звеняцій слыша голосокъ.

— „Ну что вы, крошки, хорошо ли
Сегодня знали свой урокъ?“

Спрыгнувъ съ кровати, въ перегонку
Бѣгутъ они обнять отца.....

И грусть мгновенно исчезаетъ
Съ его усталого лица“.

Любовное отношеніе отца къ дѣтямъ, его участіе къ ихъ скорбямъ и невздамъ не разъ находятъ себѣ отраженіе въ творчествѣ поэта-сына, который, напр., описывая посѣщеніе имъ „послѣ лѣтъ волненій безплодныхъ и мукъ“ могилы отца, на которой хотѣлъ онъ излить скорбь наболѣвшей души, восклицаетъ:

И мнилось мнѣ, будто отецъ мой глядитъ
На сына съ тоской и любовью,
Скорбя, что суровымъ онъ горемъ убитъ,
Что сердце исходитъ въ немъ кровью.

Отецъ-труженикъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отзывчивый, любвеобильный человѣкъ могъ оказывать хорошее вліяніе на духовный ростъ своего сына.

И, дѣйствительно, отецъ прилагаетъ заботы къ тому, чтобы дѣтскіе годы сына прошли и весело, и съ пользой для ребенка.

Нервный и впечатлительный мальчикъ, по свидѣтельству біографовъ, А. Н. Плещеевъ до 13 лѣтъ обучается дома и получаетъ здѣсь прекрасное первоначальное образованіе. Игры и развлеченія дѣтства, оставившія свѣтлый слѣдъ въ душѣ поэта, находятъ яркое и трогательное изображеніе въ мно-

---

¹⁾ Стихотворенія, стр. 77.

гихъ стихотворенiяхъ для дѣтей и особенно въ стихъ „Дѣтство“ ¹⁾; здѣсь рисуется поэтъ, какъ въ оградѣ церковной среди березъ и сирени собирались дѣти, оглашая воздухъ веселыми криками и смѣняя одну игру другою; воспоминаетъ поэтъ и товарищей своего дѣтства, среди которыхъ особенно одинъ сильно запечатлѣлся въ его памяти:

Одинъ мнѣ всѣхъ памятенъ. Кротко свѣтились
Глаза его; былъ онъ не смѣлъ:
Когда мы, бывало, шумѣли, рѣзвились,
Онъ, молча, въ сторонѣ сидѣлъ,

И лишь улыбался, но добраго взора
Съ игравшей толпы не спускалъ.
Забитый, больной, онъ дружилъ не скоро,
Зато ужъ друзей не мѣнялъ.

Двухъ лѣтъ сиротой онъ остался. Призрѣла
Чужая семья бѣдняка:

Попреки, толчки онъ терпѣлъ то-и-дѣло,
Безъ слезъ не ѣдалъ онъ куска.

Плохой онъ работникъ былъ въ домѣ, но жадно
Читалъ все и ночью, и днемъ,
И что бы ни вычиталъ въ книжкахъ—такъ складно,
Бывало, расскажетъ потомъ;

Расскажетъ, какія на свѣтѣ есть страны,
Какіе тамъ звѣри въ лѣсахъ,
Какъ тянутся въ знойной степи караваны,
Какъ ловятъ акулу въ моряхъ.

Любили мы слушать его, и казался
Другимъ въ тѣ минуты онъ намъ:
Нежданно огнемъ его взоръ загорался,
И кровь прилиwała къ щекамъ.

---

¹⁾ Стр. 160—161.

Неизвѣстно, имѣеть ли поэтъ въ основѣ созданнаго имъ образа товарища дѣтства какое-либо дѣйствительное лицо или нѣтъ, но съ точки зрѣнія психологической и для объясненія многихъ явленій юности поэта приведенныя строки имѣють важное значеніе.

Изъ всѣхъ впечатлѣній дѣтства, несомнѣнно, самымъ яркимъ является образъ матери, которую, по свидѣтельству біографовъ, сынъ страстно любилъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія и о матери поэта такъ же скудны, какъ и объ отцѣ; благодаря біографамъ извѣстно только о желаніи матери, чтобы сынъ ея выбралъ себѣ военную карьеру и о тепломъ участіи ея въ судьбѣ своего сына во время его ссылки. Что же касается поэзіи Плещеева, то образъ матери рисуется въ ней всегда самыми нѣжными, самыми мягкими и привлекательными красками, мало уступая въ этомъ отношеніи образамъ „пѣвца русскихъ матерей“, Н. А. Некрасова.

Въ самомъ дѣлѣ, въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ Плещеева для дѣтей материнскій образъ возстаетъ во всей чарующей прелести; припомнимъ напр. стихотвореніе „Завтра“, въ которомъ рисуется между прочимъ, какъ нѣжно любящая мать, собиравшаяся распечь шалуна сына, забросившаго свою книжку и убѣжавшаго въ поле, при возвращеніи сынишки веселаго, радостнаго, съ вѣнкомъ на головѣ, не въ состояніи исполнить своего намѣренія:

Замеръ выговоръ невольно
На устахъ ея. Она
Говоритъ себѣ: „Ужъ завтра
Распеку я шалуна!
А сегодня распѣлю.....“
И цѣлуетъ безъ конца,
И свести не можетъ взора
Съ загорѣлаго лица ¹⁾.

---

¹⁾ Стр. 190.

Въ другомъ извѣстномъ стихотвореніи „Изъ жизни“ больная мать при видѣ своихъ оживленныхъ вернувшихся изъ школы дѣтей забываетъ и свои недуги, и страданія, „внимая дѣтской болтовнѣ“.

Упоминаетъ ли поэтъ о материнскихъ выговорахъ, онъ называетъ ихъ „нѣжнымъ упрекомъ“ ¹⁾; рисуетъ ли онъ горе, постигающее сына,—первой вспомнить о немъ мать; материнская молитва всюду сопутствуетъ сыну ²⁾; съ образомъ матери неразрывно представленіе „о теплыхъ дняхъ“ ³⁾ и т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, гдѣ бы ни говорилъ Плещеевъ о матеряхъ, онъ всегда руководится однимъ чувствомъ, передъ нимъ всегда стоитъ одинъ образъ, и, несомнѣнно, этотъ образъ навѣявъ его собственными воспоминаніями о своей матери. Относительно матери Плещеева намъ извѣстно, что она принимала всѣ зависѣвшія отъ нея мѣры, чтобы облегчить положеніе сына, когда его постигло несчастье; стоило сыну только написать матери о своемъ тяжеломъ положеніи во время ссылки, какъ она тотчасъ же ѣдетъ къ сыну, своимъ присутствіемъ она старается облегчить его тяжелое душевное состояніе, различными мѣрами стремится она улучшить его тяжелое положеніе, не щадя ни средствъ, ни хлопотъ, и, дѣйствительно, добивается своей цѣли ⁴⁾.

Немудрено послѣ всего сказаннаго, что въ сознаніи впечатлительнаго, отзывчиваго поэта образъ матери всегда рисовался въ ореолѣ нѣжности, кротости, самоотверженія, и въ этомъ отношеніи, какъ мы сказали, Плещеевъ въ значительной степени напоминаетъ Некрасова; рѣчи о заимствованіи, о подражательности здѣсь не можетъ и быть: сходныя условія жизни породили одинаковые поэтические образы.

¹⁾ Стр. 160.

²⁾ Стр. 202.

³⁾ Стр. 210.

⁴⁾ См. Юдинъ, Плещеевъ въ ссылкѣ, стр. 405—6. (Ист. Вѣсти. 1897, V).

Изъ другихъ впечатлѣній дѣтства сохранились въ поэзіи Плещеева, помимо отмѣченныхъ, картины мирной домашней обстановки, отъ которой такъ и дышитъ тепломъ и уютностью.

Въ своемъ стих. „Былое“, начинающемся словами:

Картины далекаго дѣтства

Порой предо мною встають....

поэтъ рисуетъ намъ картину стараго запущеннаго сада съ прудомъ, покрытымъ бѣлыми кувшинчиками, съ сотнями птичьихъ голосовъ, съ могучими дубами и трепетными бѣлыми березами; среди заглохшаго сада учился будущій поэтъ любить и понимать природу, здѣсь уже съ юныхъ лѣтъ онъ могъ на свободѣ давать пищу и полетъ своей фантазіи; переноситъ насъ поэтъ въ томъ же стихотвореніи и въ другую обстановку: передъ нами дѣтская; въ углу передъ кѣотомъ съ образами теплится лампада, распространяя вокругъ тихое сіяніе; старушка няня, крестясь и вздыхая, кладетъ поклонъ за поклономъ, много называетъ она милыхъ и близкихъ ребенку именъ, и ребенокъ съ вниманіемъ слѣдитъ за ней, вслушивается въ тихія слова ея молитвы, не спитъ, а предается думамъ ¹⁾).

И не разъ этотъ образъ колѣнопреклоненной молящейся няни въ залитой мягкимъ свѣтомъ лампады комнатѣ наполнить впоследствии теплымъ чувствомъ душу поэта, заставитъ его съ нѣжностью и сочувствіемъ рисовать образъ няней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣмена религіозности, посѣянные въ дѣтствѣ, дадутъ свои плоды впоследствии и найдутъ отраженіе въ поэзіи Плещеева.

Но вотъ наступаетъ пора перехода отъ дѣтства къ юности, и поэтъ, въ интересахъ дальнѣйшаго образованія, долженъ покинуть родное гнѣздо.

---

¹⁾ Стихотв., стр. 192.

„По гладкой, какъ, скатерть, дорогѣ“, воспоминаетъ онъ,
Мы ѣдемъ въ кибиткѣ съ отцомъ:
Надолго, быть можетъ, навѣки
Съ роднымъ расстаюсь я гнѣздомъ“ ¹⁾).

Въ 1838 году 13-лѣтняго мальчика отвозятъ въ Петербургъ для опредѣленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ онъ и оставался до перехода своего въ 1843 году въ С.-Петербургскій Университетъ. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, изъ стѣнъ которой вышелъ раньше другой знаменитый поэтъ, М. Ю. Лермонтовъ, оставила въ душѣ Плещеева такое же тяжелое воспоминаніе, какъ и въ душѣ Лермонтова; крайняя распушенность и испорченность нравовъ при строгой фронтальной выправкѣ и внѣшней дисциплинѣ оставили, какъ извѣстно ²⁾, воспоминанія въ душѣ Лермонтова о школьных годахъ, какъ объ „ужасныхъ годахъ“, и побудили Плещеева всѣми силами стремиться къ тому, чтобы поскорѣе разстаться съ этой школой и потомъ никогда не вспоминать о ней въ своей поэзіи.

Пребываніе Плещеева въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ становилось тѣмъ тяжелѣе для него, что за стѣнами этой школы юному поэту приходилось наблюдать новую жизнь, ту идейную, полную благородныхъ стремленій, юношескаго энтузіазма жизнь, которая характеризуется словами „40-е годы“ и которая такъ захватывала своимъ мощнымъ теченіемъ всякаго развитого и даровитаго юношу. Увлеченіе западно-европейскими философскими теченіями, давшими толчокъ славянофильскому и западническому направленіямъ, пышный расцвѣтъ русской литературы, принесшей свою дань романтизму и все опредѣленнѣе и увѣреннѣе выступавшей на путь реализма и самобытности, изученіе экономическихъ и социальныхъ ученій, однимъ словомъ пробужденіе обществен-

---

¹⁾ Стр. 193.

²⁾ См. Полевой, Ист. русск. слов.

наго самосознанія и работа мысли, подготовившая эпоху великих реформъ, вотъ тѣ стороны движенія 40-хъ годовъ, которыя оказали могучее воздѣйствіе на юнаго поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣли для него рядъ роковыхъ послѣдствій.

Не надо забывать, что время для развитія мысли и самодѣятельности было далеко неблагоприятное: стѣсненіе университетскаго преподаванія, цензурныя строгости, господство бюрократизма, развитіе милитаризма шли „crescendo“ по мѣрѣ приближенія къ 48 году, а западноевропейскія событія и революціонное движеніе, охватывавшее мало-по-малу весь материкъ Европы, вызывали усиленіе репрессивныхъ мѣръ въ Россіи по отношенію къ всякаго рода кружкамъ и организаціямъ, хотя бы и самымъ безобиднымъ.

Число же кружковъ всякаго рода, при упомянутыхъ стѣсненіяхъ литературы, прессы и университетовъ, быстро росло, и въ этихъ то кружкахъ сосредоточивался въ большинствѣ случаевъ цвѣтъ русской молодежи; вспомнимъ хотя бы знаменитый кружокъ Станкевича, съ именами Грановскаго, Бѣлинскаго и др., кружокъ московскихъ славянофиловъ съ Аксаковыми, Кирѣевскими, Хомяковымъ и Погодинымъ, отмѣтимъ чудную обрисовку кружковъ, какъ типическаго явленія 40-хъ годовъ, въ Тургеневскомъ романѣ „Рудинъ“, упомянемъ наконецъ о кружкахъ Буташевича-Петрашевскаго, Ир. Введенскаго, С. Дурова и др., сыгравшихъ печальную роль въ судьбѣ Плещеева.

Знакомство Плещеева съ однимъ изъ петербургскихъ кружковъ опредѣлило окончательно дальнѣйшую судьбу поэта: онъ оставляетъ военную школу и поступаетъ въ С.-Петербургскій университетъ въ 1843 году, когда ему исполнилось лишь 18 лѣтъ. Черезъ годъ послѣ поступленія въ университетъ Плещеевъ выступаетъ впервые на литературное поприще, представивъ на судъ ректора университета, извѣстнаго редактора Современника и покровителя даровитой молодежи, П. А. Плетнева, 3 своихъ стихотворенія: „Дездемонъ“, „Безотчетная грусть“, „Дачи“ и переводъ изъ Рюккертъ „Пѣснь странника“. Какъ отнесся П. А. Плетневъ въ первому дѣтищу Пле-

Щеевской музы и какъ поощрилъ начинающаго поэта, видно изъ того, что на страницахъ XXXIII т. Современника появились всѣ указанныя стихотворенія за подписью „А. П—въ“, и Плетневъ писалъ Я. К. Гроту:

„Видѣлъ ты въ Современникѣ стихи съ подписью А. П—въ? Я узналъ, что это нашъ студентъ перваго курса, Плещеевъ. У него виденъ талантъ. Я его призывалъ къ себѣ и обласкалъ его. Онъ идетъ во восточному отдѣленію, живетъ съ матерью, у которой онъ — единственный сынъ, и въ университетъ перешелъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, не чувствуя расположенія къ ратной жизни“.

Пребываніе Плещеева въ университетѣ было однакоже не продолжительно; полного курса онъ не прошелъ и оставилъ университетъ по не вполне еще выясненнымъ причинамъ: университетская ли наука эпохи конца 40-хъ годовъ его мало удовлетворяла, факультетъ ли имъ былъ выбранъ неудачно или увлеченіе поэзіей было несовмѣстимо съ научной работой, наконецъ, б. м., участіе въ кружкахъ, о которыхъ рѣчь ниже, отвлекало его мысль отъ лекцій—вотъ догадки о причинахъ оставленія Плещеевымъ университета. Какъ бы то ни было, но въ поэзіи Плещеева мы не находимъ отголосковъ университетской, спеціально студенческой жизни, тогда какъ отголосковъ кружковой жизни мы найдемъ массу въ творчествѣ нашего поэта.

Что же были за кружки, которые сыграли видную роль и въ міровоззрѣніи, и въ направленіи поэзіи, и наконецъ въ обстоятельствахъ жизни Плещеева?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы прежде всего должны остановиться хоть въ нѣсколькихъ словахъ на кружкѣ Петрашевскаго, который сыгралъ такую печальную роль въ судьбѣ двухъ великихъ русскихъ писателей Ф. М. Достоевскаго и А. Н. Плещеева.

Какъ извѣстно, у насъ и въ обществѣ, и въ литературѣ долгое время былъ взглядъ на петрашевцевъ, какъ на членовъ тайнаго общества съ революціонной окраской; изученіе документовъ слѣдственной комиссіи, изслѣдованіе біографій петра-

шевцевъ и т. д. доказали однако, что кружокъ петрашевцевъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ передовыхъ русскихъ кружковъ 40-хъ годовъ, появленію которыхъ содѣйствовали упомянутыя нами выше обстоятельства, при чемъ этотъ кружокъ явился лишь, какъ говорится, козломъ отпущенія за другіе подобные кружки.

Къ кружку петрашевцевъ изъ болѣе видныхъ лицъ принадлежали: О. М. и М. М. Достоевскіе, А. Н. Плещеевъ, Буташевичъ-Петрашевскій, Дуровъ, Головинскій и др. изъ отданныхъ подъ судъ и Ир. Введенскій, хим. Львовъ, докторъ Ахшарумовъ, Бѣлинскій, В. Майковъ, Чернышевскій, А. Милуковъ, Щедринъ, А. Майковъ и мн. другіе, такъ или иначе избѣжавшіе печальной участи первыхъ. За очень немногими исключеніями лица, собиравшіяся на вечеринкахъ Петрашевскаго, были молодые еще люди отъ 20—30 лѣтъ, люди, отлично образованные, даровитые, горячіе энтузіасты и идеалисты; многіе изъ нихъ, какъ и нашъ поэтъ, были отлично знакомы съ языками, и вотъ среди этой молодежи съ жаромъ и увлеченіемъ читались и разбирались сочиненія Кабе, Фурье, Прудона, шли толки о цензурныхъ стѣсненіяхъ, о злоупотребленіяхъ и продажности чиновничества, о жестокостяхъ помѣщиковъ и безобразіи крѣпостного права; характеръ бесѣдъ былъ платоническій, какъ доказываетъ, на основаніи изученія источниковъ, изслѣдователь вопроса о петрашевцахъ, и изъ социальныхъ системъ заимствовалась по преимуществу общегуманная подкладка, стремленіе положить въ основу общественной жизни общее благо, правду, справедливость и т. д.; о какой-либо опредѣленной программѣ дѣйствій, какъ это показываютъ и протоколы слѣдственной комиссіи, и извѣстная судьба проекта Львова, не можетъ быть и рѣчи.

Мало того, приходится придти къ заключенію, что, за немногими исключеніями, члены интересующаго насъ кружка и другихъ наиболѣе тѣсно съ нимъ связанныхъ трактовали именно тѣ вопросы, которые легли къ основу реформаторской дѣятельности послѣдующаго царствованія, и трактовали именно въ томъ духѣ, въ какомъ это было сдѣлано Царемъ-Освободи-

телемъ и дѣателями эпохи великихъ реформъ. А какое могучее вліяніе имѣли всѣ эти воодушевленные, горячія бесѣды кружка на нашего поэта, какую непоколебимую вѣру въ торжество правды и добра внушали онѣ ему, сколько наконецъ черпалъ онъ въ нихъ поэтическаго вдохновенія, видно изъ обилія его стихотвореній, посвященныхъ воспоминаніямъ объ юности вообще, объ ея свѣтлыхъ идеалахъ и о бесѣдахъ во время дружескихъ собраній въ частности.

Въ одномъ изъ стихотвореній послѣдняго періода своей жизни поэтъ переносится мыслью въ далекое прошлое и рисуется передъ нимъ одинъ неуклюжій, ветхій домъ съ мезониномъ, точно случайно занесенный въ столицу; и вспоминаются поэту тѣ дни, когда онъ, еще юноша, только вступалъ въ жизнь и, бывало, въ этомъ домикѣ забывалъ въ бесѣдѣ поздній часъ; здѣсь, по словамъ поэта, жилъ „труженикъ съ высокою душой”,

Любви къ добру и вѣры въ человѣка
Въ немъ до конца не гасъ огонь святой.
Училъ онъ насъ мириться съ темной долей,
Храня въ душѣ свой чистый идеаль;
Училъ идти путемъ тернистымъ правды
И не искать за подвиги похвалъ;
Училъ любить страну свою родную,
Отдать ей весь запасъ духовныхъ силъ,
Чтить имена борцовъ за свѣтъ и знанье—
Тѣхъ, кто одной лишь истинѣ служилъ.
Читая намъ созданія поэтовъ,
Воспламенялъ онъ юныя сердца;
И мы клялись идти къ высокой цѣли,
Не измѣнять клялись ей до конца.

Такъ рисуется поэту одинъ изъ свѣтлыхъ образовъ его юности и какъ много сходнаго въ образѣ этого учителя со всѣмъ извѣстными и дорогими намъ Станкевичами, Покорскими и т. д., и т. д.

Если обратимся къ стихотвореніямъ, современнымъ пребыванію Плещеева въ петербургскихъ кружкахъ 40-хъ годовъ, то найдемъ мы указанія и на тѣ идеалы, которыми жили лучшіе представители молодежи, и на то общее настроеніе, которымъ они были проникнуты и выразителемъ котораго являлся нашъ поэтъ.

Въ своемъ стихотвореніи эпохи 1844—46 гг. „Тосты“, рисуя намъ собраніе друзей-товарищей, провозглашаетъ онъ первый тостъ за науку; далѣе слѣдуетъ тостъ за юношей:

Пусть горить имъ свѣточъ знанья
Путеводною звѣздой!

воскликаетъ поэтъ,

Пусть отчизна дорогая
И великій нашъ народъ
Въ нихъ борцовъ неколебимыхъ
За добро и свѣтъ найдетъ.

За тостомъ въ честь искусства и его служителей юный Плещеевъ приглашаетъ вспомнить добрымъ словомъ и

„Тѣхъ навѣкъ отъ насъ ушедшихъ,
Что, свершивъ свой трудный путь
И до гроба сохранивши
Въ сердцѣ преданность добру,
Произнести могли съ поэтомъ:
Знаю, весь я не умру“.

„Пожелаемъ, заканчиваетъ поэтъ свои тосты,
чтобъ являлось

На Руси побольше ихъ,
Чистыхъ, доблестныхъ, живущихъ
Лишь для подвиговъ благихъ.
Пожелаемъ, чтобъ не меркло
Надъ родимой стороною
Солнце разума и знанья,—
Солнце истины святой.

Изъ всѣхъ юношескихъ стихотвореній Плещеева, по общему признанію критиковъ, является и наиболѣе сильнымъ и наиболѣе отражающимъ идеалы и настроеніе поэта, какъ представителя передовой молодежи сороковыхъ годовъ, его знаменитое

Впередъ! — безъ страха и сомнѣнія
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленія
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
И поведемъ на битву рать!
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Противъ озлобленнымъ врагамъ!
Блаженъ, кто мысль въ борьбѣ кровавой
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ.
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ,
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!
Внемлите-жь, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:

Впередъ, впередъ — и безъ возврата,
Чтобъ-бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ.

Вотъ произведеніе юнаго поэта-энтузіаста наиболѣе характерное какъ для него самого, такъ и для его кружка. Въ-ра въ науку, какъ путеводный маякъ, жажда борьбы со зломъ и ложью, стремленіе разсѣять окружающій сонъ и апатію, эту вѣковую русскую обломовщину, призывъ къ провозглашенію вѣчно юныхъ принциповъ любви, равенства и братства, наконецъ, горячее желаніе не бесполезно жизнь прожить — и надъ всѣмъ этимъ живое, полное молодой энергіи и юношеской бодрости настроеніе — таковы черты міровоззрѣнія, таковы юношескіе идеалы нашего поэта. Появившись въ печати, стихотвореніе „Впередъ“ не могло не подѣйствовать захватывающимъ, увлекающимъ образомъ на молодежь; надо къ тому же добавить, что вышедшая въ 1846 году изъ печати первая книжка стихотвореній Плещеева была очень сочувственно принята критикой, при чемъ для литературной извѣстности начинающаго поэта были особенно важны одобрительные отзывы В. Н. Майкова, заступившаго мѣсто Бѣлинскаго, и критика „Современника“, извѣстнаго П. А. Плетнева.

В. Майковъ, отмѣтивъ идейный характеръ поэзіи Плещеева, самобытность его музы и искренность тона этого „поэта по призванію“, прямо заявляетъ: „Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, Плещеевъ, безспорно, первый нашъ поэтъ въ настоящее время“¹⁾.

Плетневъ, охарактеризовавши нашего поэта, какъ переводчика Гейне, отмѣчаетъ въ оригинальныхъ произведеніяхъ Плещеева искренность чувства, безыскусственность и точность выраженій, мягкость и упругость звуковъ, наличность сердечной мечтательности, меланхоліи и въ то же время естественности образовъ, дѣйствій и положеній.

---

¹⁾ См. Сочиненія В. Н. Майкова, изд. Фукса. II, 103.

Разсматривая эту новую книжку стихотвореній Плещеева, состоящую изъ 46 небольшихъ стихотвореній, мы должны отмѣтить значительный процентъ среди нихъ переводныхъ произведеній, что является свидѣтельствомъ отличнаго знакомства автора съ языками; кромѣ того сразу бросается въ глаза особое сочувствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ особое пониманіе имъ Гейне, который и впослѣдствіи оставался однимъ изъ его любимыхъ поэтовъ.

Свѣтлымъ и многообѣщающимъ было выступленіе на литературное поприще нашего поэта, но не долго суждено ему было съ вѣрой смотрѣть въ будущее и наслаждаться тѣми лаврами, которыми была увѣнчана его лира.

По мѣрѣ приближенія 48-го года на горизонтѣ русской жизни сгущались тучи; цензурныя строгости были доведены до крайности; за иностранной прессой, приходящей въ Россію, былъ усиленъ надзоръ; за кружками стали зорко слѣдить и вотъ въ 1849 году разразилась гроза надъ всѣми лицами, принимавшими участіе въ кружкѣ Петрашевскаго. Нашъ поэтъ въ апрѣлѣ 1849 года былъ арестованъ въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ по домашнимъ дѣламъ, былъ отправленъ затѣмъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ провелъ 9 мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, и можно себѣ представить, что пережилъ за это время еще юный (24 л.), крайне впечатлительный, избалованный, единственный сынъ матери А. Н. Плещеевъ въ ожиданіи приговора военного суда.

Изъ докладовъ генераль-аудиторіата, производившаго разслѣдованіе дѣла петрашевцевъ, можно составить ясное представленіе и о составѣ, и о характерѣ, и о предметахъ бесѣды и образѣ дѣйствій петрашевцевъ, главная вина которыхъ, по докладу того же генераль-аудиторіата, сводилась къ тому, что „съ 1841 г. Петрашевскій пытался поселить зловредныя начала либерализма въ молодомъ поколѣніи“, а члены его кружка осуждались „за преступные разговоры, вредныя идеи и гнусный либерализмъ“.

Рѣшеніе военного суда было очень сурово. Всѣ, подвергшіеся суду, были приговорены къ смертной казни черезъ

разстрѣліаніе. 22-го декабря 1849 года всѣ осужденные были привезены на Софійскій плацъ; прочли конфирмацію смертнаго приговора; надъ головами дворянъ были переломлены шпаги; надѣты были предсмертныя рубахи; Петрашевскій, Момбелли и Григорьевъ были съ завязанными глазами подведены къ столбу и раздалась команда на прицѣлъ. Но вотъ ударили отбой и прочтенъ былъ окончательный приговоръ, по которому всѣмъ приговореннымъ военнымъ судомъ къ разстрѣліанію Высочайше даровалась жизнь съ замѣной смертной казни ссылкой.

По дѣлу Плещеева состоялась слѣдующая резолюція:

„По Высочайшей конфирмаціи въ 19-й день декабря 1849 года за участіе въ преступныхъ замыслахъ, происходившихъ на собраніяхъ у преступника Буташевича-Петрашевскаго, и другіе противозаконныя проступки, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ, Плещеевъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и отданъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ рядовымъ.“

Мѣстомъ ссылки поэта былъ городъ Уральскъ. Съ условіями военной службы политическаго ссыльнаго, съ обращеніемъ унтеръ-офицера дядьки, съ отношеніями захолустнаго общества къ Плещееву отлично знакомятъ насъ воспоминанія П. Юдина ¹⁾, и становится т. обр. вполне понятной причина, по которой Плещеевская муза смолкла съ рокового 1849 года и снова встрепенулась лишь съ наступленіемъ освободительной эпохи.

До поэзии-ли было въ самомъ дѣлѣ юному ссыльному, когда на него всѣмъ бременемъ ложились хожденія на караулъ, на дневальство, наряды на казарменные работы, посылка въставнымъ и т. д., и т. д.

Полное нравственное одиночество, отсутствіе возможности обмѣняться живымъ словомъ съ интеллигентными людьми, избѣгавшими разговоръ съ политическимъ преступникомъ, не-

---

¹⁾ См. Истор. Вѣстн. 1897, V.

имѣніе книгъ для чтенія,—и все это послѣ кипучей Петербургской жизни съ ея горячими бесѣдами, вѣрой въ себя и людей, все это при суровой военной дисциплинѣ и тяжелой службѣ могло привести въ уныніе и не такую впечатлительную, мягкую натуру, какъ Плещеевскую.

Тяжелыя условія казарменной жизни въ Уральскѣ кладутъ неизгладимый, грустный отпечатокъ на позднѣйшее его поэтическое творчество, въ которомъ все явственнѣе и сильнѣе будутъ звучать элегическія ноты.

Образъ человѣка, много испытавшаго на своемъ вѣку, потерпѣвшаго крушеніе своихъ лучшихъ юношескихъ надеждъ, вынесшаго на себѣ всю тяжесть земныхъ страданій, не разъ выступить передъ нами въ поэзіи Плещеева.

Извѣстно, что условія жизни въ Уральскѣ стали наконецъ положительно невыносимы для поэта и онъ изливаетъ свое горе своей матери, и та, не смущаясь трудностью и отдаленностью путешествія, спѣшитъ на помощь сыну. По пріѣздѣ въ Оренбургъ, куда былъ перемѣщенъ въ 1852 году нашъ поэтъ, мать его употребила всѣ силы къ облегченію участи сына; дѣйствительно, появленіе богатой и имѣющей связи женщины измѣнило къ лучшему судьбу Плещеева. Не говоря о томъ, что золотые часы съ цѣпочкой, подаренные дядькѣ унтеръ-офицеру, сдѣлали свое дѣло и обратили суроваго раньше наблюдателя чуть ли не въ слугу молодого ссыльнаго барича, пріѣздъ матери поэта былъ особенно важенъ въ томъ отношеніи, что она сдѣлала визитъ начальнику края, просвѣщенному и отзывчивому В. А. Перовскому, и послѣдній принялъ горячее участіе въ судьбѣ ссыльнаго поэта, сталъ приглашать его въ свой домъ на обѣды, измѣнилъ этимъ совершенно отношенія къ Плещееву окружающихъ и наконецъ сталъ употреблять всѣ мѣры для того, чтобы дать поэту отличиться въ какомъ-либо дѣлѣ и заслужить себѣ прощеніе. По волѣ генералъ-адъютанта Перовскаго Плещеевъ былъ отправленъ въ экспедицію для осады и штурма Акъ-Мечети и за отличіе въ дѣлѣ при взятіи ея Всемилостивѣйше былъ произведенъ 27 д. 1853 г. въ унтеръ-офицеры. Послѣ этого поэту нѣсколько лѣтъ

пришлось провести среди однообразной степной природы, вдали от культурнаго міра, въ обществѣ солдатъ и степныхъ кочевниковъ; много перестрадалъ за это время поэтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ укрѣпилъ свое здоровье, закалилъ свой духъ и мало-по-малу свыкъся со степью, разставаніе съ которой вызываетъ въ немъ грусть:

„Такъ скоро, можетъ быть, покинуть долженъ я,
О степь унылая, просторъ твой необъятный;
Но вмѣсто радости зачѣмъ душа моя
Полна какою-то тоскою непонятной?
Жалѣю ль я чего?

Такъ говорить поэтъ въ одномъ изъ стихотвореній, вышедшихъ въ 1858 г. и являющихся плодомъ его творчества въ послѣдніе годы ссылки. За время своей ссылки, проводя жизнь вдали отъ культурнаго свѣта, но зато въ близкомъ соприкосновеніи съ природой, поэтъ обогатилъ свой душевный міръ новымъ могучимъ чувствомъ — чувствомъ пониманія природы и ея красотъ; съ какою любовью рисуетъ онъ зимнее катанье, когда разстилается передъ мчащейся птицей-тройкой „безконечной степи видъ!“ Богатствомъ красокъ и силою чувства отличаются и описанія лѣтнихъ и весеннихъ картинъ въ стихотвореніяхъ разсматриваемаго періода ¹⁾.

Дѣйствіе природы на душу поэта, какъ можно судить и по стихотвореніямъ поэта до 58 г., было не только успокаивающее, примиряющее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и настраивающее на религіозный ладъ. Эта религіозность, преклоненіе передъ волей Всемогущаго сказывается въ творчествѣ поэта, являющемся результатомъ настроеній, пережитыхъ во время ссылки. Замѣтимъ при этомъ, что если по пониманію и любви въ природѣ мы можемъ сблизить Плещеева съ „пѣвцами природы“, каковы Тютчевъ, Баратынскій, Фетъ и др., то въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ, т. е. въ смыслѣ развитія религіознаго

---

¹⁾ См. Стихотвор., стр. 44, 61 и др.

самоуглубленія подъ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ, въ частности ссылки, мы сблизили бы Плетцеева съ Лермонтовымъ съ одной стороны и съ Достоевскимъ съ другой.

Можно, такимъ образомъ, сказать, что тяжелое время ссылки съ 1849—1856 годъ не прошло бесполезно для музы Плетцеева, обогативъ ее новыми мотивами, новыми настроеніями.

Со вступленія на престолъ императора Александра II начинается новая свѣтлая заря русской жизни и отблескъ этой зари касается и тѣхъ темныхъ, далекихъ угловъ, гдѣ толпились всякаго рода ссыльные, преступники, „несчастные“, какъ называетъ ихъ русскій народъ.

Съ наступленіемъ новаго царствованія мѣняется и судьба нашего поэта. Графъ Перовскій возбуждаетъ ходатайство передъ молодымъ Государемъ о смягченіи участи ссыльнаго поэта, и въ маѣ мѣсяцѣ Плетцеевъ получаетъ офицерскій чинъ; въ ноябрѣ, согласно собственному ходатайству, увольняется отъ военной службы, получаетъ первый гражданскій чинъ съ правомъ государственной службы вездѣ, кромѣ столицъ; наконецъ въ апрѣлѣ 1857 года Высочайшимъ указомъ Плетцееву возвращаются права потомственного дворянства и онъ получаетъ возможность пребыванія въ столицахъ. Этотъ періодъ жизни Плетцеева, освободительный, если такъ можно сказать, ознаменовывается еще однимъ важнымъ и свѣтлымъ событіемъ въ его жизни, не прошедшимъ безслѣдно для его музы.

Послѣ прекращенія ссылки и до отъѣзда въ центральную Россію Плетцеевъ былъ зачисленъ въ штатъ пограничной комиссіи и проживалъ въ Оренбургѣ, гдѣ хорошо воспитанный и образованный, красивый собою 32-лѣтній поэтъ всюду былъ принятъ; на одномъ изъ вечеровъ онъ знакомится съ стройной миловидной брюнеткой, „воспитанной въ духѣ патріархальности и строгой религіозности“, Еликонидай Александровной Рудневой; между поэтомъ и 17-лѣтней Оренбургской красавицей происходитъ сближеніе, переходящее затѣмъ въ любовь, вдохновляющую поэта, поселяющую въ душѣ его бодрость и жизнерадостность:

еть на литературномъ поприщѣ, помѣщая въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ свои „Старыя пѣсни на новый ладъ“, а въ 1858 году издастъ собраніе своихъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія этого сборника, какъ на показатели душевнаго состоянія поэта въ послѣдніе годы эпохи великихъ реформъ, мы замѣтимъ слѣдующее.

Въ стихотвореніяхъ болѣе раннихъ поэтъ находится подъ гнетомъ тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя не давали ему покоя послѣ рокового событія 1849 года. Онъ нигдѣ не видитъ отраднаго разсвѣта, „повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ“, время безотрадно тянется среди тревогъ, скорби, горькаго сомнѣнія, тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ ¹⁾; порой приходитъ на мысль невозвратно минувшая юношеская пора и вызываетъ горькое восклицаніе:

Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ....
Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты!
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты ²⁾.

Иногда беретъ поэта горькое раздумье о бесплодности всякой честной борьбы, о печальной участи всякихъ правдивыхъ стремленій, наконецъ гнететъ мысль о бесполезности собственной жизни, такъ какъ поэтъ признается:

....Еще ничьихъ не утиралъ я слезъ,
И сердца голосу былъ часто непослушенъ;
Я утѣшенія несчастнымъ не принесъ,
И слабъ я былъ, и гордъ, и малодушенъ ³⁾.

¹⁾ См. Стихотв., стр. 42, 53, 55, 63 и др.

²⁾ См. Стихотв., стр. 42.

³⁾ См. Стихотв. стр. 48.

Жизнь, по словамъ поэта, много сыграла съ нимъ злыхъ и груныхъ шутокъ, разбила она лучшіе порывы сердца и безпощадно осмѣяла любимыя мечты

„Подстрекнула ты лукаво,
говорить онъ,
На неравный бой меня,
И въ бою томъ я потратилъ
Много страсти и огня ¹⁾).

При такихъ безотрадныхъ условіяхъ, казалось, поэтъ былъ близокъ къ отчаянію. Но не могло безслѣдно пройти то время, когда, по словамъ поэта,

Легче жизни было время
Веселѣй жилось!
Шли такъ быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы свѣтлыхъ грезъ! ²⁾

И отголосокъ былыхъ настроеній не могъ заглухнуть въ душѣ Плещеева даже въ самые тяжелые моменты его жизни; въ свѣтломъ прошломъ, полномъ восторженнаго идеализма и благороднаго стремленія впередъ, почерпалъ онъ силы, не позволявшія предаваться щемящей душу тоскѣ. Стоитъ произнести слова любимаго поэта, стоитъ раздаться строгому голосу науки, говорящему о вѣчной правдѣ, въ сердцѣ разгорается былой огонь ³⁾. Какъ ни тяжелы уроки жизни, но не хочетъ нашъ поэтъ покорно склонить передъ судьбой свою голову, не хочетъ разувериться онъ въ живучести чистыхъ и прекрасныхъ стремленій:

Пусть духъ извѣдаетъ страданья,
говорить онъ,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ —

---

¹⁾ См. Стихотв., стр. 54.

²⁾ См. Стихотв., стр. 46.

³⁾ См. Стихотв., стр. 51.

И изъ горнила испытанья
И чистъ, и крѣпокъ выйдетъ онъ ¹⁾.

Не разъ обращается А. Н. Плещеевъ съ горячей мольбой, чтобы Богъ помогъ ему найти затерянную во тьмѣ тропу ²⁾, и наконецъ снова, съ прежней отвагой и силой рѣшаетъ ³⁾:

На доблестный подвигъ, на битву съ судьбою
Иду я отважно, и яркой звѣздой
Надежда горить впереди.

Какая же это звѣзда зажглась впереди и освѣтила надеждой путь поэта? Это та звѣзда возрожденія русской жизни, которая заставила радостно встрепенуться русскія сердца съ наступленіемъ освободительной эпохи.

То, что готовилось въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и университетами въ лицѣ ихъ лучшихъ профессорскихъ силъ, и литературой, и кружками 40-хъ годовъ было уже близко къ осуществленію; то, о чемъ не позволялось ни писать, ни трактовать открыто въ послѣдніе годы царствованія императора Николая Павловича, теперь было объявлено съ высоты престола, какъ дѣло неотложное, сдѣлалось предметомъ обсужденія губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, ревизіонныхъ комиссій и т. д.; цѣпи вѣкового рабства должны были распасться „по манію царя“, и въ ожиданіи обновленія русской жизни не могло не затрепетать радостно истомленное, но не одряхлѣвшее сердце нашего поэта.

Плещеевъ вноситъ свою посильную лепту въ сокровищницу того великаго дѣла, которое близилось къ осуществленію. Въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Птичка“ онъ примыкаетъ при изображеніи труженика-земледѣльца къ той группѣ

---

¹⁾ См. Стихотв., стр. 68.

²⁾ См. Стихотв., стр. 43.

³⁾ См. Стихотв., стр. 69.

писателей, которая прямо или косвенно служила силой своего поэтического дара освободительной идеей. Пушкинъ съ своимъ извѣстнымъ поэтическимъ предсказаніемъ освобожденія и своимъ человѣчнымъ, чуждымъ аристократической спеси изображеніемъ помѣщичьей отсталости, грубости, скопидомства, скарденности, деспотизма, прожиганія жизни; Григоровичъ съ своими изображеніями глубоко симпатичныхъ сторонъ простолюдина; Некрасовъ съ его музой, карающей рабство и плачущей о горѣ народномъ; наконецъ И. С. Тургеневъ съ его книгой, сдѣлавшейся, какъ извѣстно, настольной книгой Царя-Освободителя при проведеніи крестьянской реформы — такова та плеяда, къ которой мы смѣло причислимъ и нашего поэта, обратившагося къ несчастнымъ труженикамъ еще до ихъ освобожденія съ такими словами:

„Трудились, бѣдные, вы отдыха не зная,
Судьбѣ покорные трудились день и ночь
И думали: знать, доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена и горю не помочь!

Смочивъ поля кровавымъ скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не Вамъ они готовятъ плодъ;
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ.
Пѣть! вы несли свой крестъ, какъ праведникъ нести.

И Тотъ, Кто міръ Своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, Кто, какъ и вы страдалъ,
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ избавителя вѣнчаннаго послалъ.

И настаетъ пора святая возрожденія!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье
И раны вѣковой да уврачуетъ слѣдъ ¹⁾.

---

¹⁾ Стихотв., стр. 74.

Плещеевъ ярко рисуетъ въ приведенномъ стихотвореніи, какихъ воззрѣній держится онъ на крестьянскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ бодрыхъ, заключительныхъ стихахъ, совсѣмъ не похожихъ на его прежнія безотрадные пѣсни, даетъ и объясненіе переменѣ своего настроенія. Еще большей энергіей, бодростью и вѣрой въ будущее дышитъ другое его поэтическое произведеніе той же эпохи, эпитафійное котораго онъ ставитъ извѣстное Пушкинское 2-стишіе:

„Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни.”

Привѣтствуя въ этомъ стихотвореніи окончаніе тяжелой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, поэтъ предвидитъ новый, упорный бой.....

Но этотъ бой — уже не тотъ.....
говорилъ онъ,
Со зломъ и тьмой, неправдой черной.

Однако этотъ бой не смущаетъ поэта, и какъ не похожи на полныя тоски прежнія пѣсни поэта слѣдующіе мощные стихи:

Не страшенъ намъ и новый врагъ,
И съ нимъ отчизна совладеетъ.....
Смотрите! Уже рѣдѣетъ мракъ,
Уже свѣтъ повсюду проникаетъ,
И содрагаясь, чуетъ зло,
Что торжество его прошло.

Идеалистъ самой чистой воды, полный горячей вѣры въ свѣтъ, правду и добро и потому слишкомъ близко принимающій къ сердцу все противорѣчащее его свѣтлому идеалу, лирикъ, почерпавшій вдохновеніе и утѣшеніе въ красотахъ природы, съ которой

„одною онъ жизнью дышалъ”,

въ любви и возвышенномъ религіозномъ чувствѣ, наконецъ поэтъ общественнаго направленія—таковъ нашъ поэтъ въ разсматриваемую эпоху его жизни. Помимо этихъ особенно ярко бросающихся въ глаза, отличительныхъ чертъ Плещеева, какъ поэта и человѣка начала 60-хъ годовъ мы отмѣтили бы для полноты и его широкую образованность, знаніе языковъ Западной Европы, умѣнье схватить духъ и передать въ изящной, мало уступающей подлиннику формѣ поэтическія произведенія того или иного вдохновившаго его западно-европейскаго поэта. Съ этой точки зрѣнія, т. е. какъ художникъ-переводчикъ, Плещеевъ является даровитымъ преемникомъ В. А. Жуковскаго и занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ среди ряда талантливыхъ поэтовъ-переводчиковъ своей эпохи.

Сборникъ стихотвореній Плещеева, изданный въ 1858 г., былъ посвященъ друзьямъ поэта, съ которыми разлучила его судьба и которымъ, по собственному его признанію, онъ всегда оставался вѣренъ средь бурь, въ дни горя и печали; къ нимъ же направляетъ онъ и свои старыя пѣсни на новый ладъ, „когда, какъ сонъ, невзгоды миновали”.

Критика 50 г. въ лицѣ Н. А. Добролюбова ¹⁾ такъ же сочувственно встрѣтила появленіе новаго сборника стихотвореній Плещеева, какъ въ свое время одобрила юнаго тогда поэта критика 40-хъ годовъ въ лицѣ В. Майкова и Плетнева. Правда, Добролюбовъ своеобразно оцѣниваетъ и хвалитъ новый сборникъ Плещеева; давая теплый отзывъ о безхитростной, но глубоко искренней, скорбной музѣ нашего поэта, критикъ особенно сочувствуетъ и вѣритъ скорбному тону ея, особенно подчеркиваетъ основательность грустныхъ мотивовъ; что же касается отмѣченныхъ нами переменъ въ настроеніи поэта, поворота отъ мрачнаго, безотраднаго міровоззрѣнія въ сторону свѣтлыхъ надеждъ и упованій, то Добролюбовъ ставитъ въ упрекъ поэту, что „онъ не можетъ уберечь себя отъ по-

---

¹⁾ См. Сочиненія Добролюбова т. II (изд. 1871 г.).

выхъ оболъщеній, и все какъ будто предается мечтѣ, что для него настанетъ вторая юность, а для человѣчества — новый золотой вѣкъ. Эти странныя мечты и надежды парализуютъ ту сторону таланта, которая у г. Плещеева наиболѣе сильна, потому что наиболѣе искренна. Въ своемъ прошедшемъ г. Плещеевъ можетъ найти много страстныхъ и мощныхъ мотивовъ, способныхъ увлечь человѣка съ душою. Въ своихъ воспоминаніяхъ, въ своей тоскѣ, въ самой боли раздраженнаго сердца, поэтъ найдетъ предметы для многихъ пѣсенъ. И если къ этимъ пѣснямъ не примѣшается фальшивый звукъ ребяческихъ смѣшныхъ надеждъ и увлеченій, то пѣсни его полюбятся звонкимъ, стремительнымъ, широкимъ потокомъ”.

Приведенная выдержка изъ критической статьи Добролюбова характеризуетъ, на нашъ взглядъ, какъ нельзя лучше и поэта, и критика; поэта, какъ человѣка жизни, скорбящаго тогда, когда тучи сгущаются надъ нимъ, и бодро смотрящаго впередъ, когда загорается радостный разсвѣтъ, привѣтствуемый поэтомъ со всѣмъ пыломъ, со всѣмъ энтузіазмомъ юности; критика, — какъ человѣка доктрины, меньше прислушивающагося къ біенію пульса живой жизни и болѣе слѣдующаго извѣстной тенденціи.

Критикъ упрекаетъ поэта въ отсутствіи „цѣльности” убѣжденій, тогда какъ, на нашъ взглядъ, скорѣе самъ критикъ заслуживаетъ въ данномъ случаѣ упрекъ въ односторонности. Какъ бы то ни было, но то обстоятельство, что видный и авторитетный критикъ похвалилъ „стихи”, когда приближалась эпоха полного отрицанія стихотворной формы рѣчи, имѣло большое значеніе для усиленія и безъ того неслабаго успѣха стихотвореній Плещеева.

Литературная извѣстность Плещеева, созданная появленіемъ въ свѣтъ его поэтическихъ произведеній, постепенно возрастаетъ въ 60-хъ годахъ.

Если 40-е годы можно считать Петербургскимъ періодомъ жизни Плещеева, 50-е годы — эпохой его ссылки и пребывания на востоѣ Россіи, то 60-е годы являются Московскимъ періодомъ жизни Плещеева.

Научно-философскія, политико - экономическія и литературныя теченія 40-хъ годовъ опредѣлили, какъ мы указывали, направленіе и нравственный обликъ нашего поэта; 50-е годы, оторвавши его отъ жизни культурнаго общества и бросивши на лоно степной природы и въ общество мало развитыхъ и совсѣмъ неразвитыхъ людей, заставили глубже вглядѣться въ жизнь, въ самого себя, въ природу и, причинивши ему много терзаній, много горя, не прошли для него безполезно: поэтъ не утратилъ своего идеализма, унаслѣдованнаго отъ 40-хъ годовъ, онъ не очерствѣлъ душой и не сдѣлался пессимистомъ, но онъ расширилъ свой умственный кругозоръ уже не путемъ чтенія, не путемъ книгъ, не путемъ отвлеченныхъ теорій, а путемъ наблюденій самой жизни, путемъ собственнаго тяжелаго житейскаго опыта. Его знаменитый современникъ, поэтъ общественнаго же направленія Н. А. Некрасовъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, обрисовывая увлеченіе современнаго общества теоріями, фразами, книгами:

Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ онѣ
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадутъ онѣ силъ на благое,
Но не научатъ любить глубоко ¹⁾.

Плещеевъ же научился любить глубоко, почерпнулъ силы на благое въ самихъ жизненныхъ урокахъ, и тѣ теоріи и увлеченія горячими кружковыми бесѣдами, которыя сплошь и рядомъ порождали Рудиныхъ, оторванныхъ отъ жизни и почвы, претворились подъ вліяніемъ житейскаго опыта въ сознательное, согрѣтое огнемъ идеализма и полное дѣйствительнаго пониманія людей и любви къ нимъ служеніе обществу.

---

¹⁾ Стихотв. Некрасова, т. I, 74 (изд. 1873 г.).

Полный вѣры въ наступленіе свѣтлой эры русской жизни, Плещеевъ посвящаетъ съ горячностью свои силы поэтическому оригинальному и переводному творчеству, даетъ картины современнаго общества въ своихъ повѣстяхъ, занимается журналистикой, издательствомъ, работаетъ надъ пособіями для самообразованія юношества, не забываетъ и дѣтей — однимъ словомъ кипучая дѣятельность наполняетъ весь Московскій періодъ его жизни.

Отличительной чертой Плещеева-поэта въ этотъ періодъ является между прочимъ отсутствіе у него какой-либо односторонности, партійности; его нельзя причислить ни къ служителямъ идеи „искусства для искусства“, ни къ представителямъ утилитарнаго взгляда на поэзію; у него не найдемъ мы ни западнической, ни славянофильской тенденціи; не найдемъ мы у него моднаго нигилизма, но не встрѣтимъ и лампадной елейности; нельзя упрекнуть его въ врасномъ патріотизмѣ, но нельзя признать его и безпочвеннымъ космополитомъ. Его поэзія — сама жизнь; въ ней будутъ выступать и переплетаться различныя настроенія, различныя направленія, но по отношенію ни къ одному изъ нихъ Плещеевъ не станетъ рабомъ. Само собой ясно, что о безличности, безцвѣтности, безпринципности здѣсь не можетъ быть и рѣчи; убѣжденія стойкія и твердыя, обликъ поэта вполне опредѣленный ярко выступать при разсмотрѣніи его творчества этого періода, но крайности, предвзятости, нетерпимости мы не встрѣтимъ у него; отмѣченное явленіе тѣмъ болѣе важно, что эпоха 60-хъ годовъ, о которой идетъ рѣчь, была именно боевая, горячая, и не увлечься, не впасть въ ту или иную крайность, не сдѣлаться нетерпимымъ и предвзятымъ подъ вліяніемъ борьбы было не легко.

Поэтическое творчество Плещеева въ рассматриваемый періодъ находится въ тѣсной связи съ общественными теченіями русской жизни 60-хъ годовъ. Какъ убѣжденный сторонникъ свободы, Плещеевъ часто и съ особой любовью отмѣчаетъ великое дѣло освобожденія крестьянъ: то онъ рисуетъ дѣда, нѣжно привѣтствующаго своего внука, какъ вольнаго чело-

вѣка ¹⁾, то на его душу навѣвають спокойствіе пѣсни во-скресшаго народа ²⁾, то онъ прославляетъ убѣленного сѣди-нами старца, который всегда былъ врагомъ рабства и дру-гомъ свободы ³⁾ и т. д., и т. д.

Однако поэтъ сознаетъ, какъ велики еще могутъ быть опасенія за движеніе его родины по прогрессивному освобо-дительному пути; онъ самъ слишкомъ много испыталъ въ жи-зни, чтобы беззавѣтно вѣрить и пытаться радужными мечта-ми, и вотъ спускаются въ его душу тяжелыя сомнѣнія и опа-сенія, порою „боязнью тайной мучимъ, все устремляю вдаль я свой несмѣлый взглядъ“ ⁴⁾, говоритъ поэтъ. Да и въ са-момъ дѣлѣ, есть, чего опасаться, коль скоро поэтъ оглянется кругомъ на своихъ современниковъ: его удручаетъ наблюдае-мое имъ въ жизни безсердечіе, которое онъ клеймитъ въ своихъ извѣстныхъ стихотвореніяхъ „Нищіе“ ⁵⁾ и „Опустѣв-шій домъ“ ⁶⁾; глубоко возмущаетъ поэта увлеченіе фразой од-нихъ изъ его современниковъ и грубый практицизмъ дру-гихъ. Первые съ жаромъ говорятъ о своемъ сочувствіи на-роду, скорбятъ объ его нуждахъ, готовы за правду въ огонь и воду, но все это на словахъ; лишь только необходимъ пе-реходъ отъ словъ къ дѣлу, у этихъ витій не хватаетъ ни силъ, ни воли; упорной борьбы, труда они бѣгутъ; гонимый не найдетъ у нихъ защиты; людское горе они ежечасно про-ходятъ мимо, и оно не трогаетъ ихъ.

Фразы намъ всего дороже!

Насъ убаюкали онѣ.....

говорить отъ лица ихъ поэтъ и восклицаетъ съ негодова-ніемъ:

---

¹⁾ Стих., стр. 85.

²⁾ Стих., стр. 35.

³⁾ Стих., стр. 85.

⁴⁾ Стих., стр. 81.

⁵⁾ Стих., стр. 105.

⁶⁾ Стих., стр. 86.

Когда жъ сознаемъ мы, о Боже,
Что нѣтъ спасенья въ болтовнѣ? ¹⁾

Выводить поэтъ и типичный образъ такого героя, въ которомъ сочетались рудинство и обломовщина; это герой сильнаго и глубоко поэтичнаго стихотворенія: „Она и онъ“ ²⁾.

Второй возмущающій поэта типъ современниковъ — такъ называемые „житейскіе мудрецы“. Они отрицаютъ и порицаютъ всякую идейность, всякую страстность, проповѣдая Молчалинскую „умѣренность“; они позволяютъ иногда и ругнуть кого-либо, но только... про себя; они возстаютъ противъ всякихъ смѣлыхъ и опредѣленно выраженныхъ мнѣній. Ставя главною задачею жизни, чтобы дни летѣли мирно и ясно, люди этой категоріи не брезгаютъ стояніемъ въ передней, лестью, друбною съ завѣдомо глупыми людьми:

Слушай вздоръ ихъ терпѣливо,
говорить ихъ податливая мораль,
Въ люди выскочить поможетъ
Кто-нибудь изъ нихъ пожалуй,—
Насолить же всякій можетъ ³⁾.

Люди указанныхъ категорій, вызывая негодованіе поэта, наводятъ его на грустные размышленія, и рисуются передъ его взоромъ двѣ дороги.

Одна — широкая торная дорога, на которой не встрѣчается рѣжущихъ ноги камней, которая мимо тѣнистыхъ рощъ, роскошныхъ садовъ, нестрѣющей цвѣтами зеленой муравы ведетъ къ счастливой долѣ, къ роскоши и нѣгѣ въ роскошныхъ палатахъ среди изгибающихся подобострастныхъ холоповъ и въ полномъ забвеніи того, что есть на бѣломъ свѣтѣ страждущія

---

¹⁾ Стихотв., стр. 111.

²⁾ Стихотв., 123.

³⁾ Стихотв., 138.

дѣти нужды и горя ¹⁾. По этому то широкому пути, несомнѣнно, пойдутъ всѣ тѣ фразеры, житейскіе мудрецы, ретрограды, слѣпые приверженцы теорій, которыхъ обрисовалъ поэтъ въ указанныхъ стихотвореніяхъ, а также въ „Apostaten-Marsch“ ²⁾ и „Завидно мнѣ смотрѣть на мудрецовъ“ ³⁾.

Но есть и иной кремнистый путь, по которому тамъ и сямъ разбросаны острые камни и колючій тернъ, вонзающій свои острия иглы въ тѣло путника: не къ золоченымъ хоромамъ, не къ радости и наслажденью ведетъ этотъ безотрадный путь; не много путниковъ задалось цѣлью прокладывать его среди пустыни, но зато идутъ по немъ путники съ горячей вѣрой, что когда нибудь

„на край обѣтованный
Будетъ имъ дано взглянуть;
И съ душою умиленной
Въ этотъ часъ, съ крутыхъ высотъ
Солнца-правды надъ вселенной
Встрѣтятъ путники восходъ.

Много ли однако найдется такихъ путниковъ, не изнемогутъ ли они, возлюбившіе добро и свѣтъ больше зла и тьмы, призывающіе „богачей и сильныхъ міра и свободныхъ не гнать отъ трапезы своей пагихъ, и сирыхъ, и голодныхъ“ ⁴⁾, не пойдутъ ли и они на компромиссы, не придутъ ли они къ опасному пессимистическому выводу, что

Жизнь — безплодная борьба,
Что на землѣ блаженны только злые,
А праведныхъ разить бессмысленно судьба? ⁵⁾

---

¹⁾ См. Стихотв., стр. 103.

²⁾ См. Стихотв., стр. 147.

³⁾ См. Стихотв. стр. 101.

⁴⁾ Стихотв., стр. 95.

⁵⁾ Стихотв., стр. 87.

Останется ли въ концѣ концовъ побѣда на сторонѣ носителей гуманныхъ идей или на сторонѣ тѣхъ существователей, которые, по выраженію Гоголя, заглушили корой своей земности высокое призваніе человѣка. Нашъ поэтъ, какъ видно изъ стихотвореній Московскаго періода, переживалъ тѣ же настроенія, какія переживали и всѣ передовые поэты переходныхъ эпохъ; всѣми силами, какъ извѣстно, стояли лучшіе люди и реформаціонной Петровской, и освободительной Александровской эпохъ за торжество свѣтлыхъ чловѣчныхъ принциповъ, и тѣмъ мрачнѣе, грознѣе и зловѣщѣе рисовались передъ ними легіоны сторонниковъ застоя и мрака; беззавѣтно стремились поэты перваго лагеря къ поддержкѣ путниковъ, избравшихъ кремнистый, непроторенный путь, и сыпались на нихъ дикіе крики озлобленія и гнусной клеветы изъ противоположнаго лагеря.

Но какъ бы ни сгущались тучи, какъ бы ни былъ мраченъ небосклонъ, не въ обычаѣ истинно русскаго убѣжденнаго человѣка падать духомъ; мрачный пессимизмъ не охватитъ его души и не парализуетъ его дѣятельности. Такъ и нашъ поэтъ никогда не впадаетъ въ мрачное отчаяніе. Когда являются ему страшные призраки и шепчутъ ему о бесполезности борьбы за свѣтлые идеалы гуманности, поэтъ съ негодованіемъ отгоняетъ ихъ:

Исчезните зловѣщія видѣнья!

Я не пойду на вашъ печальный зовъ

. . . . .

И до конца я вѣры не утрачу,

Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ,

Пускай я здѣсь, какъ въ морѣ капля, значу,

Но каждый честный бой оставить долженъ слѣдъ ¹⁾.

Горячая вѣра и убѣжденность въ торжество правды и свѣта возрастаетъ каждый разъ въ душѣ поэта съ пробужде-

¹⁾ Стихотв., стр. 88.

ніемъ природы ¹⁾, и та же вѣра въ разсвѣтъ утѣшаетъ и уми-
рающаго идеалиста въ стихотвореніи „Больной“ ²⁾; наконецъ
въ силу той же непоколебимой вѣры въ прогрессъ раздается
мощный призывъ:

Дружнѣй приняться за работу
Должны всѣ мощные умы.....
Довольно трусости и лѣни,
Къ намъ перешедшей отъ отцовъ,
И бесполезныхъ сожалѣній,
И краснорѣчія цвѣтовъ.
Пуškai толпа за подвигъ смѣлый
Намъ плетъ безсмысленный укоръ—
Не бросимъ мы святаго дѣла!... ³⁾

Когда западаютъ въ душу мрачныя сомнѣнія и опасенія,
раздается въ ушахъ поэта бодрящій голосъ ⁴⁾.

Дни тревогъ и горя, братья,
Пролетать, какъ смутный сонъ.
Ужъ гремятъ врагамъ проклятья,
Слышу я, со всѣхъ сторонъ.
Близокъ часъ послѣдней битвы!
Смѣло двинемся впередъ
И услышитъ Богъ молитвы—
И оковы разобьетъ.

При такой глубокой вѣрѣ въ грядущее торжество прав-
ды, гуманности и свѣта, изъ-за которыхъ на глазахъ поэта
идетъ упорная, ожесточенная борьба, его взоръ съ особенной
любовью обращается на молодое поколѣніе, и вотъ, видя въ
отдаленіи разсвѣтъ иного, радостнаго дня, онъ обращается
къ этому кипящему младому поколѣнію съ словами:

¹⁾ Стихотв., стр. 96.

²⁾ Стихотв., стр. 122.

³⁾ Стихотв., стр. 107.

⁴⁾ Стихотв., стр. 146.

Богъ помочь, братья и друзья!
Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой,
Бросать камнями готовой
Въ того, кто сонъ ея смутить,
Чья рѣчь, какъ Божій мечъ, разить!
Богъ помочь, братья и друзья! ¹⁾

Всѣ разсмотрѣнные нами стихотворенія Плещеева 60-хъ годовъ позволяютъ намъ признать его прежде всего поэтомъ общественнаго направленія, пѣвцомъ освобожденія и гуманности, наиболѣе напоминающимъ Некрасова, съ тою же однако разницей, что во 1-хъ) у Плещеева больше слѣдовъ идеализма 40-хъ годовъ и меньше элемента „мести“ при обиліи элемента „печали“, во 2-хъ) идеалы, во имя которыхъ борется Плещеевъ, настолько общи для всѣхъ сторонниковъ прогресса, что поэтъ находитъ себѣ откликъ не только въ свою эпоху, для которой, безусловно, поэзія Некрасова сослужила большую службу, чѣмъ поэзія Плещеева, но и въ различныя эпохи, пока стремленія къ истинѣ, правдѣ, свободѣ, любви не заглохнуть въ чловѣчествѣ.

Будучи горячимъ сторонникомъ прогресса и гуманности, но не являясь чловѣкомъ партіи, Плещеевъ, какъ мы отмѣчали, рисуется намъ въ своей поэзіи чловѣкомъ горячо и разумно любящимъ свою родину; въ этой то любви къ родинѣ почерпаетъ онъ силы для того, чтобы не унывать въ тяжелыя минуты испытаній; во всѣхъ почти упомянутыхъ нами произведеніяхъ поэта, характеризующихъ его общественное направленіе, ясно сказывается вѣра поэта въ духовную мощь своей родины, и эта вѣра заставляетъ его всегда бодро смотрѣть въ будущее. Поэтъ раздѣляетъ вполне ту мысль, которую высказалъ Гоголь, а именно что „ничто не поразить и не оча-

---

¹⁾ Стихотв., стр. 134.

руеть взора въ Россіи“, что нѣтъ въ ней тѣхъ дивъ, которыми славятся иныя страны; въ юности, по собственному признанію поэта, мысль его устремлялась въ далекія страны, поражающія голубымъ сводомъ небесъ, громадой горъ, обиліемъ миртъ, платановъ и оливъ, облитыхъ золотомъ полуденныхъ лучей, но со временемъ покинулъ онъ мечту о сторонѣ волшебной и далекой и „въ родинѣ своей узрѣлъ онъ красоту, незримую для суетнаго ока“; видъ родныхъ полей, безмолвно величавый просторъ степей, весеннюю порой ши рокихъ рѣкъ разливъ, таинственно шумящія дубравы, убогія деревни и населяющіе ихъ труженики, увидѣвшіе наконецъ великій день свободы ¹⁾—вотъ что властвуетъ теперь надъ душой поэта и поселяетъ въ ней отрадный миръ.

Нѣжными и любовными красками рисуетъ поэтъ рядъ картинъ своей отчизны въ „Лѣтнихъ пѣсняхъ“, и его, какъ и Гоголя, поражаетъ именно таинственность той силы, которая влечетъ сердце къ родинѣ.

Всѣхъ на свѣтѣ бѣломъ всякихъ странъ довольно,
говорить Плещеевъ,

Гдѣ и солнце ярко, гдѣ и жить привольно.

Но и тамъ при блескѣ голубого моря

Наше сердце поетъ отъ тоски и горя,

Что не видятъ взоры ни березъ плакучихъ,

Ни избушекъ этихъ сѣренскихъ, какъ тучи...

Что же въ нихъ такъ сердцу дорого и мило,

И какая манитъ тайная къ нимъ сила? ²⁾

Близка сердцу поэта и пѣснь родной стороны, поражающая его тѣми же своими сторонами, которыми поразила она Пушкина и Гоголя, именно звучащими въ ней то глубокой тоской, то неудержимымъ разгуломъ.

---

¹⁾ Стихотв., стр. 93.

²⁾ Стихотв., стр. 98.

Однако надо сказать, что при всей своей горячей любви къ отчизнѣ нашъ поэтъ совершенно чуждъ нетерпимости къ другимъ странамъ и народамъ:

Отчизну я люблю глубоко и желаю,
Всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю,
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

Такъ говоритъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ оригинальныхъ стихотвореній и не разъ подчеркиваетъ онъ при выборѣ переводныхъ произведеній свою антипатію къ племенной враждѣ и національной нетерпимости. Не фразой являются приведенныя слова поэта, какъ доказываютъ и вся его жизнь, и поэзія, показавшая между прочимъ, какъ онъ могъ понимать, какъ проникался духомъ чужихъ литературъ и народовъ.

Въ Московскій періодъ жизни поэта крѣпнеть и углубляется его религіозное чувство, въ которомъ, какъ мы отмѣтили, онъ находилъ не разъ поддержку въ годы своего изгнанія; глубоко проникши въ сущность христіанства, поэтъ становится убѣжденнымъ противникомъ вражды, войнъ, кровопролитій, восклицая:

Къ небесамъ я шлю горячія молитвы,
Чтобъ низошла въ сердца озлобленныхъ любовь,
Чтобъ миновали дни тревогъ, ожесточенья;
Чтобъ, позабывъ вражду и ненависть свою,
Покорные Христа высокому ученью,
Всѣ племена слились въ единую семью!

Преклоненіе передъ высокимъ образомъ Христа, какъ Искупителя и Страдальца, надежда на Высшую помощь въ минуты тяжелыхъ невзгодъ и вѣра въ силу молитвы являются услугой тоскующей души поэта.

Такую же усладу и успокоеніе приносятъ поэту и картины природы, пѣвцомъ которой онъ выступаетъ, какъ мы отмѣчали, еще во время своей ссылки; въ Московскій же періодъ своей литературной дѣятельности онъ даритъ насъ цѣлымъ рядомъ новыхъ поэтическихъ описаній природы въ своихъ стихотвореніяхъ: „Скучная картина“, „Лѣтнія пѣсни“, „Осень“, „Двѣ дороги“, „Природа-мать“, „Весна“.

Въ указанныхъ стихотвореніяхъ не только дается рядъ художественныхъ картинъ природы, часто не уступающихъ по нѣжности красокъ и задушевности картинамъ природы у Пушкина и Лермонтова, но и выражается воззрѣніе поэта на жизнь природы и ея отношеніе и вліяніе на человѣка, при чемъ взгляды нашего поэта на этотъ предметъ вполне совпадаютъ со взглядами Баратынскаго и Тютчева.

Про Плещеева можно сказать въ данномъ случаѣ словами Баратынскаго:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Плещеевъ, выражаясь словами Тютчева, видѣлъ въ природѣ—„не слѣпокъ, не бездушный ликъ“, онъ вѣрилъ, что „въ ней есть душа, въ ней есть свобода, въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ“.

Глубокая впечатлительность и отзывчивость поэта заставляютъ его откликаться на всѣ жизненные явленія своей эпохи, и помимо отмѣченныхъ нами его трудовъ въ журналистикѣ, работъ для содѣйствія все развивающемуся стремленію юношества къ самообразованію, помимо крупной лепты, внесенной имъ въ дѣтскую литературу, онъ чутко относится въ своей поэзіи къ нарождавшемуся въ 60-хъ годахъ женскому вопросу. Русскіе поэты, начиная отъ Пушкина, создавашаго типъ Татьяны, подмѣтили зорко все богатство духа, всю нравственную мощь, широту запросовъ и воспріимчивость русской женщины; на нашъ взглядъ, подобно тому какъ наша

литература въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей XIX и отчасти XVIII в. подготавливала освободительную эпоху путемъ изображенія крестьянскихъ и помѣщичьихъ типовъ и злоупотребленій крѣпостничества, такъ тѣ же лучшіе представители литературы, создавая своихъ Татьяну, Лизу, Елену, Ольгу и др., оказали важную услугу и сильную поддержку женскому движенію 60-хъ и 70-хъ годовъ къ свѣту знанія и всесторонняго образованія. Въ данномъ случаѣ корифеи литературы были выразителями самой жизни; они не были тенденціозны, и заслуга ихъ въ томъ, что они „выставляли выпукло и ярко на всенародныя очи то, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи“. Въ сонмѣ писателей, внесшихъ свою лепту въ сокровищницу просвѣтительнаго движенія русской женщины, не послѣднее мѣсто займетъ и нашъ поэтъ. Въ своей поэзіи не разъ онъ рисуетъ намъ женскіе образы, рисуетъ ихъ въ очарованіи и внѣшней и душевной красоты, но это будутъ не обычные воспроизведенія нѣжныхъ чувствъ, это будутъ не сентиментальныя воспѣванія луны и дѣвы; нѣтъ, въ поэзіи Плещеева женщина выступаетъ со всей мощью своей души, съ безавѣтностью своей преданности, съ простотой, сердечностью и готовностью на жертвы; рисуетъ поэтъ не разъ и тяжелую участь русской дѣвушки, рисуетъ тѣ соблазны, которые разставляютъ ей на пути всевозможные представители мрака и низости. Нельзя однакоже думать, что нашъ поэтъ идеализируетъ женщину и только воспѣваетъ ее; онъ замѣчаетъ и воспроизводитъ въ своей поэзіи образы и пустыхъ, легкомысленныхъ „существовательницъ“, смыслъ жизни которыхъ не понятенъ ни имъ самимъ, ни окружающимъ; проносятся передъ поэтомъ и образы женщинъ, лишенныхъ способности къ разумному труду, рабски преданныхъ всевозможнымъ предразсудкамъ, черствыхъ и безсердечныхъ, дурно вліяющихъ на мужей. Въ односторонности нельзя такимъ образомъ упрекнуть здѣсь нашего поэта.

Въ Московскій періодъ жизни Плещеева у него былъ особый и личный поводъ остановиться на одномъ женскомъ об-

разъ; въ Москвѣ умираетъ любимая жена поэта, Еликониды Александровны.

Мы указывали, какую нравственную поддержку оказала поэту юная Оренбургская красавица въ годы его молодости, какъ путеводной звѣздой освѣтила она ему жизненный путь, открывшійся передъ нимъ послѣ ссылки, — и рука объ руку, согласные во взглядахъ и стремленіяхъ, шли они по этому жизненному пути, пока могила не разлучила ихъ и не заставила поэта воскликнуть:

Въ сердце бѣдное мое
Радость больше не вернется;
Въ немъ скорбь на долгое житье
Незванной гостьей остается ¹⁾.

Вспоминая о женѣ въ одномъ изъ посвященныхъ ей памяти стихотвореній, Плещеевъ такъ характеризуетъ ее:

Ты не любила этотъ свѣтъ,
Гдѣ вѣчно добрые страдали,
И отошла въ тотъ край, гдѣ нѣтъ
Ни воздыханья, ни печали.
И что, какъ перль въ волнахъ морей,
Таилось въ любящей и честной,
Не знавшей лжи, душѣ твоей, —
Осталось людямъ неизвѣстно ²⁾.

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, поэтъ посвятилъ памяти жены весь сборникъ своихъ стихотвореній, вышедшій въ 1887 году.

Перечисленными мотивами исчерпывается главное содержаніе поэзіи Плещеева въ Московскій періодъ его жизни, и мы думаемъ, что нѣтъ искусственности въ принятомъ нами дѣленіи его поэтической дѣятельности на періоды. Нѣтъ, ра-

---

¹⁾ Стихотворенія, стр. 140.

²⁾ Стихотворенія, стр. 140.

зумѣтся, рѣзкой, опредѣленной грани между отдѣльными періодами жизни и творчества поэта; каждый послѣдующій періодъ воспринимаетъ и видоизмѣняетъ элементы предшествующихъ періодовъ, но въ каждомъ изъ отмѣчаемыхъ нами періодовъ есть столь типичныя и характерныя свои собственныя черты, что періодъ юности, совпадавшій съ 40 годами, періодъ ссылки въ 50-хъ годахъ и Московскій періодъ 60-хъ годовъ достаточно ярко отмѣняютъ различныя стадіи развитія Плещеевской музы.

Въ началѣ 70-хъ годовъ А. Н. Плещеевъ покидаетъ Москву и переселяется въ Петербургъ, гдѣ и проводитъ послѣднія два десятилѣтія своей жизни.

Послѣдній періодъ поэтической дѣятельности Плещеева, второй Петербургскій, какъ мы его назовемъ, простирался отъ 70-хъ годовъ до смерти поэта, и характеризуется главнымъ образомъ тѣми же чертами, какими и Московскій, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ, навѣянныхъ жизнью.

Поэтъ не измѣняетъ общественному направленію и въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; напротивъ, наступившее за подъемомъ 60-хъ годовъ реакціонное теченіе, мало-по-малу усиливавшееся, заставляло нашего поэта съ силой и, пожалуй, бѣльшей рѣзкостью, чѣмъ въ Московскій періодъ, возвышать свой голосъ въ защиту гуманности и прогресса, на путь которыхъ вступила его родина въ освободительную эпоху. Съ грустью оглядываясь кругомъ, замѣчая все бѣльшее и бѣльшее развитіе мелкаго практицизма и ослабленіе идеальныхъ стремленій, поэтъ говоритъ:

Взгляни вокругъ себя: служенье
Инымъ свершается богамъ;
Иныя слышны пѣснопѣнья,
И опустѣлъ нашъ старый храмъ.
Не вѣрятъ въ наши идеалы
Тѣ, что тельца златого чтутъ.

Замѣчаетъ поэтъ съ грустью, что все громче и громче раздаются голоса реакціонной партіи, ставящей выше всего буржуазную сытость и покой, близкій къ обломовщинѣ.

Брось безумныя стремленья;

говора́тъ поэту подобныя голоса,

Порочный міръ пересоздать нельзя!

Пусть онъ коварной лжи опутанъ сѣтью,—

Не твой картонный мечъ его прорветъ:

Перешибить нельзя обу́ха плетью...

Живи же такъ, какъ большинство живетъ ¹⁾.

Наблюдая вокругъ себя указанныя явленія, слыша упомянутые голоса, Плещеевъ съ особой горячностью противопоставляетъ имъ свои идеалы, съ особой ясностью и полнотой характеризуетъ въ своей поэзіи свое міровоззрѣніе; и потому съ точки зрѣнія обрисовки міровоззрѣнія и идеаловъ поэта стихотворенія разсматриваемаго періода представляютъ для насъ особенный интересъ.

Одной изъ основныхъ чертъ Плещеевскаго міровоззрѣнія является вѣра, вѣра во все свѣтлое, доброе, вѣра въ конечное торжество правды. Мы отмѣтили возникновеніе и развитіе этой черты Плещеевскаго міровоззрѣнія въ предшествующіе періоды его поэтической дѣятельности подъ вліяніемъ кружковыхъ бесѣдъ и различныхъ житейскихъ явленій, и наклонѣ жизни поэтъ смѣло говоритъ:

Сердце въ насъ бьется, какъ прежде,

Вѣрой горячей въ добро и людей ²⁾.

Горячо вѣря самъ въ свѣтлыя идеалы, поэтъ особенно цѣнитъ эту вѣру и въ другихъ, и въ своемъ стихотвореніи

---

¹⁾ Стихотв. стр. 156.

²⁾ Стихотв. стр. 156.

„Ночью“ онъ съ особой любовью и признательностью воспоминаетъ тѣхъ,

„Въ комъ ни обманъ, ни гоненья людскія
Вѣры въ добро умертвить не могли“ ¹⁾.

Вѣра въ торжество добра, проходящая красною нитью черезъ все творчество поэта, соединяется въ стихотвореніяхъ разсматриваемаго періода съ проповѣдью свѣтлаго мира ²⁾, который долженъ смѣнить вражду племенъ, торжества мысли надъ ложью, господства разума надъ силой. Полнѣ всего нашъ поэтъ выражаетъ свои идеалы въ новогоднемъ тостѣ 1884 года.

Ни годы, ни житейскія невзгоды не загасили въ немъ огня юношескаго идеализма и энтузіазма, соединеннаго съ самымъ высокимъ патриотизмомъ.

Этотъ высокій патриотизмъ, проявленіе котораго мы отмѣчали и въ предшествующихъ періодахъ поэтической дѣятельности Плещеева, непоколебимая вѣра въ духовную мощь своей родины, мысль о которой не покидаетъ поэта почти у края могилы, находятъ себѣ пищу въ сознаніи обилія въ Россіи богато одаренныхъ горячихъ борцовъ за свѣтлые идеалы.

Образы этихъ могучихъ служителей идеи часто властвуютъ надъ душою поэта и вдохновляютъ его; возстаетъ передъ нимъ образъ правдиваго обличителя своихъ современниковъ, „озиравшаго всю громадно несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и невѣдомыя, незримыя слезы“, и предсказываетъ поэтъ, что настанетъ тотъ день, когда

„Стихнетъ клевета
И, вмѣсто криковъ озлобленья,
Услышитъ духъ поборника Христа
Толпы людской благословенья!“ ³⁾

---

¹⁾ Стихотв. стр. 169.

²⁾ Стихотв. стр. 155.

³⁾ Стихотв. стр. 73.

Рисуется Плещееву и образъ великаго Пушкина, которому посвящаются вдохновенныя строки, какъ убѣжденному служителю добра, красоты и истины. Возлагаетъ свой поэтический вѣнокъ нашъ поэтъ и на могилу своего собрата по борьбѣ за освободительныя идеи, И. С. Тургенева, заслугу котораго онъ видитъ въ томъ, что покойный писатель являлся честнымъ борцомъ за человѣческое право, страстно призывалъ великій день освобожденія на изнывавшій въ рабствѣ народъ, смѣло обличалъ корыстныхъ, суетныхъ и безпечныхъ и въ своихъ глубоко человѣчныхъ созданіяхъ приучалъ — любить.

Да, человѣкъ онъ былъ! — словами

Поэта скажетъ край родной,

Съ благоговѣніемъ цвѣтами

Вѣчная холмъ могильный твой ¹⁾.

Такъ заканчиваетъ Плещеевъ свое посвященіе памяти Тургенева, отмѣчая въ этомъ посвященіи теплыми, прочувствованными строками и другого „знаменосца правды вѣчной“, В. Г. Бѣлинскаго, „чья пророческая рѣчь ужъ славы лучъ тебѣ сулила“.

Болѣе всѣхъ другихъ писателей вызывалъ у Плещеева вниманія къ себѣ тотъ поэтъ, который горячо боролся за тѣ же свѣтлые идеалы, на стражѣ которыхъ всегда была и муза нашего поэта; тотъ поэтъ, который такъ же горячо любилъ свою родину и такъ же вѣрилъ въ нее, какъ и нашъ поэтъ. Мы имѣемъ въ виду Н. А. Некрасова.

Ему посвящаетъ Плещеевъ нѣсколько и оригинальныхъ, и переводныхъ произведеній; кромѣ того въ специально посвященномъ „Памяти Некрасова“ стихотвореніи онъ даетъ оцѣнку его литературной дѣятельности и главную заслугу ея видить въ слѣдующемъ:

Странѣ своей родной,

Тоски исполненъ безысходной,

Слагалъ онъ пѣснь — и въ пѣснѣ той

Поэтъ о скорби пѣлъ народной.

Пѣлъ о желанныхъ, лучшихъ дняхъ,
Народа прозрѣвая силы...
И пѣснь его въ людскихъ сердцахъ
Къ неправдѣ ненависть будила.
Онъ смолкъ.... Его не слышать намъ....
Но въ пѣсняхъ, полныхъ вдохновенья,
Онъ юнымъ завѣщаль пѣвцамъ
Народу честное служенье ¹⁾).

Всѣ приведенныя стихотворенія, посвященныя Плещеевымъ Пушкину, Бѣлинскому, Гоголю, Тургеневу и Некрасову, являются для насъ особенно важными, какъ характеризующія литературныя симпатіи и взгляды Плещеева, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ образомъ и обрисовывающія его собственные идеалы.

Оставаясь и въ концѣ своей поэтической дѣятельности поэтомъ общественнаго направленія, пѣвцомъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ, Плещеевъ и какъ поэтъ, и какъ человекъ въ частной жизни отличается особеннымъ пониманіемъ юности, но юности благородной, идеально настроенной, проникнутой горячей любовью къ родинѣ и готовностью посвятить ей всѣ свои силы. Стихотворенія „Старики“, „Разстался я съ обманчивыми снами“ ²⁾ и др., воспоминанія С. Я. Надсона о Плещеевѣ являются лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли.

Въ послѣднія два десятилѣтія своей жизни и литературной дѣятельности Плещеевъ остается, какъ мы видимъ, вѣренъ идеаламъ прежнихъ лѣтъ. Однако по мѣрѣ приближенія къ роковой развязкѣ 1893 г. поэтъ начинаетъ сознавать, что силы слабѣютъ, что не за горами — могила, и мотивы о близости смерти все чаще и чаще раздаются въ поэзіи Плещеева. Даже сама природа, горячимъ поклонникомъ которой поэтъ оставался до конца своей жизни и которая облегчала его ду-

---

¹⁾ Стих., стр. 171—2.

²⁾ Стих., стр. 154, 156.

шевные муки во время ссылки, напоминает ему о близости жизненной развязки. Рисуется поэт теплый, весенний день, рисуется кипучую жизнь, всеобщее ликование, наступившее за пробуждением природы от зимнего сна, и вот как изображает Плещеев действие на него этой весенней жизни природы:

„Гдѣ бѣ я ни былъ, — всюду

Шепчетъ мнѣ она:

А твоя навѣки

Отцвѣла весна!

Зашумитъ ли въ рощѣ

Яркая листва,

Мнѣ и въ этомъ шумѣ

Слышатся слова:

„Нечего отъ жизни

Ждать тебѣ.... Твой путь

Пройденъ.... не пора ли

Навсегда заснуть?“ ¹⁾.

При такомъ душевномъ настроеніи мысль поэта все чаще и чаще устремляется въ далекое прошлое, и возстаютъ передъ нимъ и картины далекаго дѣтства, и годы юности въ Петербургѣ, воскресаютъ образы жены и друзей-товарищей. Всѣ эти воспоминанія вдохновляютъ музу Плещеева, и она даритъ насъ цѣлымъ рядомъ то бодрыхъ и юношески свѣжихъ, то грустныхъ и нѣжныхъ пѣсень, имѣющихъ очень важное значеніе съ точки зрѣнія біографіи поэта.

Разсматриваемый нами второй Петербургскій періодъ жизни Плещеева не богатъ событіями: поэтъ является дѣятельнымъ членомъ редакцій сначала „Отечественныхъ Записокъ“, потомъ „Сѣвернаго Вѣстника“, участвуетъ въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій; въ его частной жизни происходитъ перемѣна: оставшись вдовцомъ съ 3 дѣтьми на рукахъ, онъ

---

¹⁾ Стих., стр. 158.

женится въ Петербургѣ во второй разъ на Ек. Мих. Даниловой, и въ тѣсномъ семейномъ кругу Плещеевыхъ, какъ можно судить по воспоминаніямъ сыновей поэта, господствуютъ миръ и согласіе.

Послѣдній періодъ жизни и литературной дѣятельности Плещеева представляется намъ важнымъ между прочимъ въ двухъ слѣдующихъ отношеніяхъ. Являясь до конца своей жизни человѣкомъ, который „и въ старческіе годы всю свѣжесть чувства сохранилъ, въ комъ испытанія и невзгоды не заглушили духа силъ”, Плещеевъ не только на словахъ, не только въ поэзіи, но и на дѣлѣ, въ жизни всегда былъ готовъ дружески протянуть руку нуждающимся въ поддержкѣ. Два даровитыхъ поэта, именно И. З. Суриковъ и С. Я. Надсонъ, были выведены на свое поэтическое поприще всецѣло А. Н. Плещеевымъ; цѣлый рядъ молодыхъ драматурговъ, беллетристовъ, поэтовъ называлъ нашего поэта „отцомъ”, и любовь молодежи, ея пониманіе поэта и уваженіе къ нему нашли себѣ блестящее выраженіе въ празднованіи 40-лѣтняго юбилея его поэтической дѣятельности.

Не одну однако молодежь, достигшую юношескаго возраста, не одно поколѣніе „дѣтей” любилъ и понималъ поэтъ-„отецъ”; онъ не забылъ и поколѣнія „внуковъ”, онъ посвятилъ и ему цѣлый рядъ своихъ вдохновеній, онъ обогатилъ дѣтскую литературу цѣлымъ рядомъ стихотвореній свѣжихъ, доступныхъ дѣтскому пониманію и имѣющихъ глубокое воспитательное значеніе.

Врядъ ли найдется кто-либо изъ образованныхъ людей, кто съ дѣтскихъ лѣтъ не познакомился бы изъ дѣтскихъ сборниковъ и журналовъ, изъ хрестоматій или прямо со словъ отца и матери съ такими стихотвореніями Плещеева для дѣтей, каковы: „Бабушка и внучекъ“, „Завтра“, „Былое“, „Мой садикъ“, „Зимній вечеръ“, „Изъ жизни“, „Птичка“, „Легенда о Христѣ-Младенцѣ“, „Елка“, „Ожиданіе” и много другихъ. Не говоря о вѣрной обрисовкѣ дѣтской психологіи, о правдивомъ изображеніи обстановки дѣтства у деревенскихъ и городскихъ малышей, стихотворенія Плещеева для дѣтей представляются

намъ особенно важными: во 1) съ точки зрѣнія тѣхъ гуманитарныхъ мотивовъ, которые звучать почти въ каждомъ изъ стихотвореній разсматриваемой группы, во 2) съ точки зрѣнія развитія въ дѣтяхъ эстетическаго чувства и пониманія красоты природы своей родной земли.

Въ самомъ дѣлѣ, Плещеевъ, какъ убѣжденный поэтъ гуманности и свѣтлыхъ идеаловъ, старается уже и въ дѣтяхъ заложить тѣ добрыя сѣмена, которыя могутъ дать пышный всходъ, когда эти дѣти будутъ гражданами родной земли.

Разумѣется, онъ не открываетъ передъ дѣтьми тѣхъ темныхъ сторонъ жизни, знакомство съ которыми было бы и преждевременно, и бесполезно, не будить и тѣхъ, по выраженію Гейне, „проклятыхъ вопросовъ“, которые не по плечу дѣтскому уму; онъ, вообще, не сторонникъ преждевременнаго развитія, какъ многіе писатели одного съ нимъ общественнаго направленія.

Нашъ поэтъ въ своихъ стихотвореніяхъ для дѣтей старается лишь пробудить и развить въ отзывчивыхъ дѣтскихъ сердцахъ тѣ чувства, которыя, по выраженію А. Круглова ¹⁾, нужны, какъ залогъ для будущей гражданской дѣятельности, будущимъ гражданамъ будущей Россіи. Теплое, религиозное чувство, любовное и довѣрчивое отношеніе прежде всего къ членамъ родной семьи, а затѣмъ и ко всѣмъ людямъ, сочувствіе ко всѣмъ обездоленнымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ, истинный патріотизмъ, выражающійся въ любви къ своему родному при отсутствіи ненависти къ чужому, уваженіе къ знанью и ученью — вотъ тѣ чувства, которыя развиваетъ въ дѣтяхъ искренняя, идущая изъ глубокаго убѣжденія, а не отъ предвзятой тенденціи, поэзія Плещеева, мягкая, но не переходящая въ сентиментальную слезливость или приторную слащавость, нѣжная и ласковая, но не потворствующая нежелательнымъ свойствамъ дѣтской натуры.

---

¹⁾ См. весьма интересные очерки г. Круглова по этому вопросу въ газетѣ „Бирж. Вѣд.“, 1903 г. сент., и въ Вѣстн. Восп., 1893, VII.

Какъ человѣкъ не только слова, но и дѣла, Плещеевъ, по свидѣтельству о немъ авторовъ воспоминаній, съ особенной любовью и готовностью шелъ всегда навстрѣчу всякому доброму дѣлу, имѣющему цѣлью облегчить участь несчастныхъ дѣтей или доставить дѣтямъ то или иное полезное развлеченіе. Дѣтскія письма къ поэту, карточки его, хранимыя, какъ драгоценность, многими знавшими его дѣтьми — вотъ живыя доказательства того, какъ понималъ поэтъ дѣтскую душу и какъ поняла его эта чуткая, нѣжная дѣтская душа.

Въ послѣдніе годы своей жизни Плещеевъ рисуется намъ въ образѣ благообразнаго, убѣленнаго сѣдинами старца, находившагося въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ представителями своего поколѣнія, цѣнившими въ немъ стойкаго и убѣжденнаго человѣка, понимавшаго и понимаемаго юношествомъ борца за идеаль, любящаго и любимаго дѣтьми „дѣдушки“ ¹⁾.

Подъ конецъ жизни счастье улыбнулось Плещееву. Не говоря объ обнаруженной къ нему любви всѣхъ знавшихъ его и какъ поэта, и какъ человѣка, не говоря о сочувственныхъ отзывкахъ объ его поэзіи, правда, немногочисленныхъ, но выдающихся критиковъ, Плещеевъ за нѣсколько лѣтъ до своей смерти получилъ большое наслѣдство, позволившее ему прожить остатокъ жизни не только безбѣдно, но даже богато.

Мысли о смерти, предчувствіе близкаго прихода этой гостии, оказались не обманувшими поэта, и вотъ 10 лѣтъ тому назадъ въ сопровожденіи родныхъ онъ оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ въ Ниццу. Путь его лежитъ на Варшаву; здѣсь онъ останавливается на нѣсколько дней; онъ наслаждается наступившей хорошей погодой, чувствуетъ улучшеніе въ своемъ здоровьѣ. Варшава была послѣдней его остановкой въ предѣлахъ Россіи. Съ Варшавско-Вѣнскаго вокзала выѣзжаетъ онъ въ Вѣну, а оттуда въ Парижъ. Сынъ поэта въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ подробно рассказываетъ о послѣднихъ дняхъ и минутахъ его жизни. Смерть похитила поэта неожиданно для окружающихъ; родные собирались въ театръ, когда поэту сдѣлалось дурно. Послали за докторами, приглашенъ былъ знаменитый академикъ Потэнъ,

который сказалъ, что часы А. Н. Плещеева сочтены, и въ ночь на 26 сентября 1903 г. поэта не стало.

Въ настоящее время, какъ мы говорили, не наступила еще пора для научной оцѣнки литературной дѣятельности Плещеева. Мы постарались лишь возстановить въ памяти образъ такъ недавно еще умершаго поэта, попытались обрисовать отличительныя черты его міровоззрѣнія и основные мотивы его поэзіи въ различные періоды его жизни и въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о значеніи Плещеева для современнаго ему и послѣдующихъ поколѣній.

Охватывая своею литературною дѣятельностью четыре важныхъ періода русской жизни отъ 40 — 80 годовъ, Плещеевъ отражаетъ въ своей поэзіи важнѣйшія настроенія той или иной эпохи, отъликается на важнѣйшія явленія своего времени, оставаясь при этомъ вѣрнымъ своему господствующему идеалистическому міровоззрѣнію и общественному направленію своей музыки; въ смыслѣ отзывчивости на явленія общественной жизни, горячаго сочувствія освободительнымъ движеніямъ эпохи великихъ реформъ и убѣжденнаго преслѣдованія гасильниковъ мысли и сторонниковъ обскурантизма, узкаго практицизма, рудинскаго фразерства и обломовскаго бездѣйствія, нашъ поэтъ примыкаетъ къ той школѣ писателей, которая выступила сначала не вполне увѣренно, не вполне сознательно на поприще русской литературы въ 30 - 40 г. въ лицѣ Гоголя, а потомъ по мѣрѣ приближенія къ 60 годамъ все смѣлѣе и бодрѣ выставляла такихъ дѣятелей, какъ Тургеневъ, Григоровичъ, А. Толстой, Гончаровъ, Островскій, Некрасовъ и др., писатели различныхъ оттѣнковъ, но сходные по основному значенію и направленію своей дѣятельности. Не даромъ Гоголю, Тургеневу и Некрасову вплетаетъ Плещеевъ въ вѣнцы и свои лавры, какъ мы отмѣчали. Муза Плещеева, отзывчивая на явленія окружающей жизни, мало похожа на музу другого талантливаго поэта, современника Плещеева, 10-лѣтіе смерти котораго пало на нынѣшній же годъ.

Мы разумѣемъ А. Н. Апухтина.

Кому не извѣстны глубоко прочувствованные, полныя то истиннаго лиризма, то глубокой пѣжной грусти стихи Апухтина? Но этотъ поэтъ, жившій въ то же горячее время, въ которое жилъ и Плещеевъ, не откликнулся своимъ поэтическимъ словомъ на колыхавшія всю русскую жизнь могучія волны освободительной эпохи. Отмѣчая эту черту различія между двумя поэтами, память которыхъ читается одновременно въ нынѣшнемъ году, мы вовсе не имѣемъ въ виду ненаучнаго приѣма суда надъ поэтами, но подчеркиваемъ упомянутое явленіе, чтобы яснѣе указать, какъ сумѣлъ Плещеевъ соединить въ своей поэзіи и служеніе свѣтлымъ идеаламъ общественнаго прогресса, и выраженіе глубокихъ душевныхъ движеній, жизни сердца, лирическихъ порывовъ, элегическихъ размышленій. Являясь поэтомъ общественнаго направленія и вмѣстѣ съ тѣмъ горячимъ идеалистомъ, Плещеевъ отводитъ въ своей поэзіи видное мѣсто и субъективно-лирическимъ мотивамъ, въ которыхъ изливаетъ все свое горе, всю боль наболѣвшей души, и нѣкоторые критики, какъ напр. г. Скабичевскій, особенно подчеркиваютъ эту сторону Плещеевской музыки, сближая въ этомъ отношеніи поэзію Плещеева съ Полежаевской.

Разсматривая поэзію Плещеева въ ея цѣломъ, мы не можемъ не отмѣтить, что не рѣдко встрѣчаемся мы въ ней и съ такими мотивами, которые сближаютъ нашего поэта съ служителями чистаго искусства, и съ этой точки зрѣнія больше всего можно сблизить Плещеева съ поэтомъ, память котораго читается тоже какъ разъ въ нынѣшнемъ году; мы имѣемъ въ виду поэта-философа и пѣвца природы, Тютчева. Въ обрисовкѣ природы, въ пониманіи ея жизни, въ восторженныхъ гимнахъ ей Плещеевъ и Тютчевъ идутъ рука объ руку, и природа съ ея красотами — та могучая сила, которая заставляетъ пѣть обоихъ поэтовъ, когда, повидимому, совсѣмъ не до пѣсенъ. Такое же могучее дѣйствіе на душу Плещеева, какое оказываетъ природа, производятъ и два изящныхъ искусства, музыка и пѣніе, которымъ нашъ поэтъ готовъ пѣть гимны и служить, какъ истинный жрецъ чистаго искусства,

а не суровый, непоколебимый служитель общественного долга и каратель людской неправды.

Помимо всѣхъ указанныхъ чертъ Плещеевской музы, общающихся важное значеніе творчеству Плещеева въ общемъ ходѣ исторіи русской литературы и жизни, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить еще двѣ стороны его поэтической дѣятельности, именно 1) обиліе у Плещеева превосходныхъ поэтическихъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ и во 2) глубокое воспитательное значеніе его поэзіи.

Что касается переводныхъ поэтическихъ произведеній Плещеева, то слѣдуетъ признать, что въ плеядѣ переводчиковъ-поэтовъ, знакомившихъ русское общество съ перлами иностранной поэзіи, нашъ поэтъ занимаетъ одно изъ наиболее видныхъ и почетныхъ мѣстъ; по стопамъ В. А. Жуковского, показавшаго, что значить „переводить“ чужія поэтическія произведенія, пошло, какъ извѣстно, много даровитыхъ поэтовъ; въ концѣ 50-хъ годовъ предпринимается Н. В. Гербелемъ изданіе произведеній корифеевъ западно европейской литературы въ переводѣ русскихъ поэтовъ; въ 60-хъ годахъ русская литература, помимо Гербеля, можетъ съ честью называть имена нашихъ переводчиковъ, какъ Курочкинъ, Минаевъ, Фетъ, Вейнбергъ, Михайловъ и др., при чемъ обогащеніе переводной поэтической литературы особенно наблюдается въ освободительную эпоху. Среди упомянутыхъ то поэтовъ-переводчиковъ высоко несетъ свое знамя и нашъ поэтъ, переведившій изъ Гете, Фр. Геббеля, Зедлица, Гартманна, Роб. Бруццъ, Рюккерта, Соути, Теннисона, Байрона, Том. Мура, В. Гюго, Барбье и другихъ, но особенно прославился Плещеевъ, по единогласному признанію критики, какъ переводчикъ Гейне, котораго особенно любилъ и понималъ. „Не даромъ, говоритъ почтенный критикъ К. К. Арсеньевъ ¹⁾, съ такою любовью останавливался Плещеевъ на

---

¹⁾ См. Арсеньевъ, Критич. статьи, или В. Евр. 1887, III. По тому же вопросу Быковъ въ біографіи Плещеева (при 3 изд.) и Кругловъ, Нед. 1893.

Гейне; между ихъ натурами есть кое-что общее, не исключющее, конечно, многихъ и очень глубокихъ различій.

Обоимъ поэтамъ удастся уловить едва уловимое сердечное настроеніе, нарисовать мимолетную борьбу свѣта съ тѣнью, радости съ печалью. Въ обоихъ поэтахъ звучитъ меланхолическая струна, обоимъ дороги воспоминанія, даже грустные, даже мучительныя.“

Что касается воспитательнаго значенія поэзіи Плещеева, то послѣ обрисовки гуманныхъ и благородныхъ мотивовъ Плещеевской музыки, послѣ указанія свѣтлаго и въ концѣ концовъ бодрого, вѣрующаго, идеалистическаго міровоззрѣнія поэта, врядъ ли есть необходимость распространяться на эту тему. Укажемъ лишь на глубоко вѣрное, на нашъ взглядъ, мнѣніе по этому вопросу одного выдающагося, недавно умершаго педагога В. П. Острогорскаго ¹⁾: „Плещеевъ — поэтъ общественной и личной совѣсти, подобно древнему Тиртею зовущій къ борьбѣ и подающій руку слабому и изнемогающему, и въ этомъ его воспитательная сила. Чаще заглядывай въ самого себя, чтобы не зачерствѣть и не смириться передъ пошлостью и зломъ; никогда не забывай вынесенныхъ изъ юности идеаловъ, оставайся до старости бодръ духомъ и чистъ сердцемъ,— вотъ нравственные принципы, которые привлекаютъ къ себѣ этого поэта и въ иностранной поэзіи, привлекаемой имъ для переводовъ, или для подражаній. Если къ этимъ симпатичнымъ мотивамъ присоединить еще любовь къ природѣ, въ высшей степени трогательное, задушевное отношеніе къ женщинамъ, какъ къ существу, согревающему человѣка;—ко всему, что молодо душой, начиная съ ребенка, юноши и кончая старикомъ, сохранившимъ до сѣдыхъ волосъ добрыя стремленія, любовь къ жизни, вѣру въ добро и надежду на то, что человѣчество будетъ идти все дальше и дальше впередъ, подъ знаменемъ науки къ счастью,—то тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать за этимъ поэтомъ значеніе воспитательное.“

---

¹⁾ Перу В. П. Острогорскаго принадлежитъ одна изъ наиболѣе цѣнныхъ статей о Плещеевѣ, помѣщенная въ Мир. Бож. 1893, XI.

Однажды въ юности снился поэту сонъ. Истерзаанный тоской, утомленный прилежъ онъ отдохнуть подъ густымъ яворомъ. Кругомъ царилъ тишина. Издали доносился унылый гулъ моря; высоко въ небесной лазури сіялъ двурогій серпъ луны. И вотъ, когда сонъ сталъ спускаться на утомленные глаза и навѣвать сладкія грезы, предстала юношѣ лучезарная богиня; роскошныя, золотистыя кудри ниспадали по плечамъ съ ея увѣнчаннаго миртомъ чела; глаза ея свѣтились огнемъ святой любви, и, склонившись надъ юношей, прикоснулась она къ его больной груди и дала великій заветъ: иди и обвини могучимъ словомъ рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты; возвѣсти грозный часъ мщенія тѣмъ, кто погрязъ въ тинѣ зла и праздности, тѣмъ, которыхъ не смущалъ стонъ братьевъ и которые не знали надъ собой закона, кромѣ собственнаго произвола. И дала богиня поэту отрадное обѣщаніе:

Въ мірѣ голосъ твой не даромъ прозвучить.
Зерно любви въ сердца глубоко западетъ.
Придетъ пора — и дастъ оно роскошный плодъ.
И человѣку той поры не долго ждать,
Недолго будетъ онъ томиться и страдать.
Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужъ правды лучъ
Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-за тучъ!
Иди же вѣры полнъ.

И поэтъ пошелъ. Не мало, какъ мы видѣли, встрѣтилось колючихъ терній на его пути, но онъ былъ до конца своихъ дней однимъ изъ тѣхъ немногихъ:

Кто стремленье къ идеалу
Въ сердца чистомъ бережетъ,
Кто не тратитъ духа силы
Средь житейскихъ бурь и грозъ,
Свѣточъ свой кто до могилы
Не угаснувшій донесъ.

Всю жизнь оставался поэтъ вѣренъ завѣту своей лучезарной богини; всю жизнь служилъ онъ сторонѣ своей родной и въ свою очередь далъ ей лучше всего характеризующій поэта завѣтъ, которымъ закончимъ и мы настоящую статью:

Всѣмъ, трудящимся на благо
Стороны своей родной;
Всѣмъ, ее ведущимъ къ свѣту,
И безтрепетной рукой
Высоко несущимъ знамя
Правды вѣчной и святой;
Всѣмъ, кто избралъ подвигъ трудный
И не ждетъ себѣ вѣнца,—
Пожелаемъ нынче, братья,
Чтобъ остались до конца
Вѣрны чистымъ идеаламъ
Въ битвѣ жизни ихъ сердца!
Пожелаемъ, чтобъ не меркнулъ
Правды лучъ въ краю родномъ,
Чтобъ волной широкой знанье
Разлилось повсюду въ немъ,
И чтобъ мира кроткій геній
Осѣнилъ его крыломъ.

П. Заболотскій.

Органическая теорія общества. ¹⁾

I.

Недавно пресѣклась жизнь трехъ выдающихся общество-
вѣдовъ — Лиліенфельда, Спенсера и Шеффле. Почти въ одно
и то же время такимъ образомъ сошли съ научной сцены три
ислѣдователя, съ именемъ которыхъ связана одна и та-же
доктрина, именно органическая теорія общества. Она состо-
итъ въ томъ, что общежитіе людей понимается какъ біологи-
ческій организмъ, т. е., выражаясь конкретнѣе, какъ животное
или растеніе. Соціальное строеніе и развитіе разсматривается
по аналогіи съ органическимъ строеніемъ и развитіемъ. Такъ,
Спенсеръ видѣлъ въ человѣческомъ обществѣ системы орга-
новъ, соотвѣтствующія біологическому организму. Это именно
во-первыхъ, система органовъ питанія. Въ организмъ это —
пищеводъ, желудокъ, печень, кишечникъ; въ обществѣ это —
промышленныя учрежденія. Во-вторыхъ, распредѣлительная
система. Въ организмъ это — сердце и органы кровообраще-
нія; въ обществѣ это — пути сообщенія. Наконецъ, въ-тре-
тихъ, регулятивная система. Въ организмъ это — мозгъ и

---

¹⁾ Рѣчь, прочитанная 25 января 1904 г. въ годовичномъ собраніи
Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшав-
скомъ Университетѣ.

нервы; въ обществѣ — учрежденія правительственно-военныя. Не только строеніе, но также и ростъ общества, его дифференціація и интеграція напоминаютъ такіе же біологическіе процессы. Разницу между обществомъ и организмомъ Спенсеръ видѣлъ единственно въ томъ, что первое есть цѣлое дискретное, не образующее изъ своихъ составныхъ частей, т. е. людей, одного плотнаго цѣлаго, и что въ немъ нѣтъ общаго чувствилища (*sensorium*).

Убѣжденіе, что общество есть организмъ, лежитъ также въ основаніи изслѣдованій Шеффле и Лилиенфельда. Ихъ разногласія со Спенсеромъ касались не общихъ принциповъ доктрины, а главнымъ образомъ частныхъ случаевъ примѣненія аналогій. Такъ, напримѣръ, въ желѣзныхъ дорогахъ Спенсеръ усматривалъ органы общественнаго кровообращенія, Лилиенфельдъ же — междуклѣточное вещество; правительственную дѣятельность Спенсеръ сопоставлялъ съ нервными функціями, Шеффле же — съ функціями мышцъ. И можно сказать, что всѣ три образовали школу въ соціологіи.

Они ее создали. На ихъ глазахъ она разцвѣла и приобрѣла немалый авторитетъ. Но на ихъ же глазахъ она также и потеряла почти всякое научное значеніе. Имъ пришлось пережить свое дѣтище. Органическая теорія была погребена еще при жизни ея основателей. Теперь же, когда пришлось погребать и ихъ и вспомнить по этому поводу также о ней, она намъ кажется уже чѣмъ-то совершенно фантастическимъ, какимъ-то призракомъ изъ царства тѣней, чѣмъ-то давно пережитымъ и забытымъ.

Таковъ впрочемъ удѣлъ многихъ теорій XIX вѣка. Прошло всего три года съ того условнаго момента времени, который образовалъ грань между прошлымъ и нынѣшнимъ столѣтіемъ. И никакими крупными умственными переворотами, особенно въ общественно-дѣйствіи, эта смѣна вѣковъ пока еще не ознаменовалась. Однако, всякій разъ когда намъ приходится считаться съ тѣмъ или инымъ авторитетомъ, передъ которымъ мы же недавно преклонялись, — намъ какъ-то невольно думается, что это — все-таки люди прошлаго вѣка; и намъ на-

чинаетъ уже казаться, что ихъ отдѣляетъ отъ насъ цѣлое столѣтіе. Насъ все менѣе и менѣе удовлетворяютъ завѣщанные прошлымъ вѣкомъ пути изслѣдованія. И всѣ наши науки (не только общественныя, но также и естественныя) находятся теперь какъ бы на перепутьи — въ поискахъ за новыми теоріями для освѣщенія стараго матеріала и новымъ матеріаломъ для провѣрки и критики старыхъ теорій.

Въ ожиданіи, пока эти поиски увѣнчаются крупными результатами, которые позволятъ намъ съ гордостью сопоставлять вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій для науки, вполне своевременно на порогѣ новаго столѣтія подвести итоги предшествовавшей работы и отнестись исторически къ тѣмъ авторитетамъ, которые еще недавно всецѣло владѣли нашими умами или же не менѣе безусловно отвергались нами. Въ наукѣ не менѣе, чѣмъ въ житейскихъ отношеніяхъ, все понять — это значитъ также и все оправдать. Понять въ этомъ смыслѣ какую-нибудь доктрину — это значитъ, независимо отъ нашего отношенія къ ея принципиальной цѣнности, разсматривать ее какъ одно изъ явленій въ исторіи человѣческой мысли и находить ей объясненіе въ тѣхъ психологическихъ или же социальныхъ условіяхъ, среди которыхъ она возникла и считалась авторитетной. При такомъ историческомъ отношеніи къ теоріямъ, притязующимъ на научное достоинство, должны найти себѣ полное объясненіе всѣ привходящіе въ нихъ временные, ненаучные на нашъ нынѣшній взглядъ моменты. А этимъ облегчается выдѣленіе изъ нихъ моментовъ, если и не вѣчныхъ, то такихъ, которые могутъ представлять болѣе или менѣе значительную и продолжительную научную цѣнность и на будущее время. Нѣтъ ли такихъ моментовъ и въ органической теоріи общества?

Nullus est liber tam malus, ut non aliqua parte prosit, замѣтилъ еще Плиній. Нѣтъ заблужденія, въ которомъ не было бы извѣстной доли истины. Да и найдется ли такая истина, которая былабы вполне свободна отъ заблужденій? Научное мышленіе есть мышленіе, подчиняющееся извѣстнымъ принципамъ или идеямъ. И всякія теоріи, притязающія на науч-

ность, стремятся установить такіе принципы, которые возможно болѣе объединяли бы умы въ ихъ отношеніи къ эмпирическому матеріалу и создавали бы то синтетическое единство пониманія, которое мы называемъ наукой. Если бы нашъ идеаль науки былъ осуществленъ, то мы обладали бы такимъ безспорнымъ и общедоказуемымъ принципомъ, который давалъ бы исчерпывающее объясненіе всевозможныхъ явленій—естественныхъ, общественныхъ, прошедшихъ, настоящихъ, будущихъ и т. д. Пока же этотъ идеаль универсальнаго научнаго принципа остается если не неосуществимымъ, то неосуществленнымъ, намъ приходится довольствоваться разными частными принципами, вносящими болѣе или менѣе условное и приблизительное единство въ данный матеріалъ, проливающими на него болѣе или менѣе яркій свѣтъ. Что намъ даетъ въ этомъ отношеніи органическая теорія общества? Неужели только болѣе или менѣе неудачныя аналогіи и метафоры? *Démétaphorisez-vous*, сказала Маргарита Наварская одному епископу, который запутался въ слишкомъ цвѣтистыхъ привѣтствіяхъ. Попробуемъ и мы сказать органической теоріи: *démétaphorisez-vous* и посмотримъ, что отъ нея тогда останется.

Мы не рѣшаемся утверждать, что ровно ничего. Намъ кажется, напротивъ, что она упрочила въ общественно-ѣднѣи два чрезвычайно важныхъ принципа, которые надолго переживутъ ее и которые, поскольку вообще можно загадывать впередъ, займутъ не послѣднее мѣсто въ соціальныхъ наукахъ будущаго. Это именно идеи общества и эволюціи. Нельзя сказать, чтобы эти идеи были впервые введены ею. Но нельзя также отрицать и того, что именно она особенно усердно насаждала и довела до научнаго совершенствѣтія. И въ этомъ состоитъ ея заслуга. Особенно усердно пропагандировала она идею эволюціи. На ней мы и сосредоточимъ главнымъ образомъ наше вниманіе.

II.

Какъ это ни можетъ показаться невѣроятнымъ, общественныхъ наукъ въ нынѣшнемъ смыслѣ еще не существовало

въ XVIII столѣтіи. Въ Германіи культивировались съ одной стороны камеральныя науки, занимавшіяся едва ли не исключительно канцелярской теоріей и практическимъ законоискусствомъ, съ другой же стороны — т. н. естественное право, которое понималось совершенно метафизически: отправляясь отъ спиритуалистическаго ученія, *continuo* пехи, по правиламъ формальной логики, изъ воображаемаго апіорнаго содержанія ума дедуцировались построенія, которымъ недоставало ни смѣлости раціональной критики, ни глубины проникновенія въ живую, реальную дѣйствительность. Соціально-философской теоріей, вносившей извѣстное принципиальное единство въ эти безжизненные рудименты общественной науки, была разработанная Хр. Вольфомъ идеологія полицейскаго государства, видѣвшая въ общественномъ бытіи и развитіи результатъ административныхъ на этотъ счетъ распоряженій.

Такая же теорія, еще, быть можетъ, даже болѣе рѣзко выраженная, исповѣдовалась и во Франціи. Не одинъ придворный епископъ Боссюе признавалъ абсолютнаго монарха земнымъ богомъ и провидѣніемъ подданныхъ. Даже болѣе независимые и нерѣдко оппозиціонные „философы” были убѣждены, что исторія дѣлается королями по ихъ усмотрѣнію, и что весь ея смыслъ, все ея содержаніе исчерпываются военными, дипломатическими и вообще политическими въ тѣсномъ смыслѣ слова актами. Такъ, напр., Кондильякъ завершилъ свои лекціи по исторіи одному принцу, которому никогда даже и не привелось царствовать, слѣдующими словами: *c'est moi, Monseigneur, qui ai fini, et vous, vous avez à recommencer* (я, государь, кончилъ, а вамъ, вамъ остается продолжать вновь). И у Монтескье, несмотря на слабыя проблески иного пониманія, преобладающимъ мотивомъ оказывается идея правительственнаго всемогущества по отношенію къ обществу. Послѣднее, въ глазахъ Монтескье, — не болѣе какъ матеріаль, послушно поддающійся механическому преобразованію со стороны законодателя. Показать, въ какомъ именно духѣ должно быть произведено правительственное преобразованіе обществъ — такова, въ сущности, была главная задача знаменитой книги

„Духъ законовъ”. Въ этомъ трактатѣ по законодательной политикѣ нѣтъ совсѣмъ идеи историческаго движенія, развитія, эволюціи. Общество разсматривается какъ нѣчто косное, правда, не всегда поддающееся любымъ преобразованіямъ, но также и совершенно пассивное безъ самостоятельнаго развитія и участія въ своей собственной судьбѣ. Эта судьба всецѣло опредѣляется отчасти естественными факторами вродѣ климата, которому будто бы принадлежитъ „величайшая власть на землѣ”, отчасти же и по преимуществу законодателями; онъ можетъ совершенно передѣлать общество наперекоръ даже климату, можетъ, какъ увѣряетъ Монтескье, „изъ людей сдѣлать животныхъ и изъ животныхъ людей” (*de l'Esprit des lois*, XII, 27).

Словомъ, мы и въ „Духѣ законовъ” находимъ доктрину т. н. просвѣщеннаго деспотизма. Обыкновенно этого не замѣчаютъ. Но это потому, что, во-первыхъ, переоцѣниваютъ вводныя реторическія разсужденія автора о „естественныхъ законахъ”. А во-вторыхъ, придаютъ преувеличенное значеніе его знаменитому началу раздѣленія властей. Однако это начало вполнѣ совмѣщается у него съ вѣрой во всемогущество какъ каждой изъ этихъ властей въ отдѣльности, такъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ. Кромѣ того, начало это, въ глазахъ Монтескье, обезпечиваетъ лишь внѣшнюю политическую свободу индивида или гражданина. А этимъ еще нисколько не колебалось утвержденіе, что внутреннія измѣненія въ обществѣ происходятъ единственно подъ вліяніемъ законодательныхъ на него воздѣйствій.

Ж. Ж. Руссо, этотъ пророкъ великой революціи, исповѣдалъ подобнаго же рода убѣжденіе. Въ его *Contrat Social* мы читаемъ, что законодатель можетъ, „такъ сказать, измѣнить человѣческую природу”. Онъ — механикъ общества и подобенъ Архимеду, который сидитъ спокойно на берегу и оттуда безъ труда ворочаетъ въ любомъ направленіи огромнымъ кораблемъ. Руссо доходитъ даже до того, что какъ бы видитъ въ законодательѣ существо высшаго порядка и почти

забывается, что это во всякомъ случаѣ такой же человѣкъ, какъ и другіе члены общества.

Замѣчательно, что даже французскіе „экономисты” XVIII вѣка или фізіократы, провозгласившіе извѣстный либеральный принципъ *laissez faire, laissez passer*, даже они ставили въ центрѣ своихъ построений „попечительную власть” (*l'autorité tutélaire*). Наиболѣе законченная теорія просвѣщеннаго деспотизма принадлежитъ во Франціи именно фізіократу — Мерсье-де-ла-Ривьеру, этому Хр. Вольфу французской публицистики.

Итакъ, мы не находимъ во французской литературѣ XVIII вѣка идеи соціальной эволюціи въ научномъ смыслѣ слова, подъ который мало подходятъ полуметафизическія разсужденія Тюрго или Кондорсе о почти провиденціальномъ прогрессѣ человѣческихъ знаній, а заодно и счастья.

Зато мы можемъ найти уже идею общества. Но его отождествляли съ государствомъ. А кромѣ того, подъ нимъ понимали не нѣчто эмпирически данное и исторически развивающееся, а, напротивъ, не болѣе какъ методологическую фикцію. Общество для соціальныхъ философовъ XVIII в.— это договорный союзъ одинаковыхъ индивидовъ съ одинаковой и неизмѣнной „природой”. Такая концепція могла имѣть извѣстное принципиальное значеніе — но болѣе для сужденія о должномъ, чѣмъ для констатированія существующаго: она не давала понятія объ обществѣ какъ историческомъ явленіи, какъ самостоятельномъ живомъ цѣломъ, въ которомъ правительство образуетъ лишь одну изъ составныхъ частей. Только у Монтескье общество — не фикція, а нѣчто реальное. Но, повторяемъ, онъ изображалъ его какъ безжизненное, пассивное орудіе природы или же законодателя. Общество пребываетъ въ невѣдѣніи своего собственнаго блага, зато заботливая рука просвѣщеннаго законодателя создаетъ ему земное счастье.

Вѣра во всемогущество чисто политическихъ факторовъ, какъ какихъ-то чудодѣйственныхъ деміурговъ, зиждителей общества, была едва-ли не преобладающимъ идеологическимъ

мотивомъ французской революціи. Она была скорѣе радикальна, чѣмъ либеральна. Въ лицѣ наиболѣе сознательныхъ и активных ея дѣателей то былъ протестъ противъ извѣстныхъ носителей правительственнаго принципа, но никакъ не противъ самого принципа, который скорѣе даже усиливался ими какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Апогей своего онъ достигъ въ лицѣ Наполеона, который, казалось, по собственному усмотрѣнію передѣлалъ карту Европы и заложилъ совершенно новую общественность — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось до 50-хъ годовъ XIX столѣтія, когда классическая книга Токвиля *L'ancien régime et la révolution* раскрыла преемственную связь между пореволюціонной Франціей и Франціей стараго порядка.

III.

Однако вскорѣ же послѣдовала реакція, и въ общественной философіи начала XIX вѣка раздались новыя почти совершенно неслыханныя дотолѣ рѣчи.

Если мы теперь считаемъ себя въ качествѣ людей XX вѣка обязанными мыслить не такъ, какъ мыслили наши отцы или даже мы сами въ прошломъ столѣтіи, хотя пока къ тому нѣтъ никакихъ поводовъ, то что же сказать о людяхъ начала прошлаго столѣтія, которые за собой видѣли революцію, а передъ собой — полную неизвѣстность? Всѣ ихъ помыслы съ тревогой обратились на эту неизвѣстность. И мы, кажется, не погрѣшимъ противъ исторической правды, если скажемъ, что большинству тогдашнихъ публицистовъ совсѣмъ не хотѣлось, чтобы эта неизвѣстность была повтореніемъ или продолженіемъ извѣстнаго въ ближайшемъ прошломъ. А прошлое это, повторяемъ, состояло изъ суммы довольно разнородныхъ событій, которыя тѣмъ не менѣе были единогласно обобщены названіемъ революціи.

Въ умахъ реставраціонныхъ публицистовъ (Бональда, Де Местра, Галлера, Ад. Мюллера и др.) начала складываться

новая соціальная філософія. Революціи, какъ искусственной ломкѣ общества правительственными мѣрами — исходить ли онѣ отъ законныхъ властей или же отъ узурпаторовъ, безразлично — стали противопоставлять эволюцію, какъ естественное развитіе самого общества. А въ обществѣ стали видѣть не механизмъ, т. е. нѣчто мертвое или искусственное, что можно ломать и передѣлывать по усмотрѣнію, а организмъ, т. е. нѣчто имѣющее самостоятельное, живое бытіе. Такое пониманіе представляло сначала пожеланіе относительно будущаго. Но затѣмъ изъ него сдѣлали принципъ для теоретическаго ориентированія въ настоящемъ и прошедшемъ. Изъ идеала, какъ часто происходитъ въ гуманистическихъ наукахъ, сдѣлали познавательное средство. При свѣтѣ новыхъ стремленій къ будущему приобрѣли и новое пониманіе прошедшаго, въ которомъ это будущее искало свое историческое подтвержденіе.

Внѣ общества, стали учить, нѣтъ и не можетъ быть индивида: *l'homme n'existe que pour la société*, человѣкъ существуетъ только для общества, провозгласилъ Бональдъ. Внѣ общества нѣтъ также и правительства. Это — не всемогущій внѣобщественный двигатель соціального механизма. Каково бы ни было значеніе правительственнаго коэффиціента — а реставраціонные публицисты менѣе всего были склонны его умалять, — это все-таки не болѣе какъ одинъ изъ органовъ общественнаго цѣлаго, раздѣляющій его судьбу. Правительственная эволюція — это одинъ изъ моментовъ болѣе широкой эволюціи общественной. Соціальная точка зрѣнія начинала такимъ образомъ переростать и поглощать исключительно политическую.

Новое слово было сказано. Но въ немъ метафизическіе и вообще ненаучные мотивы преобладали настолько, что въ данномъ видѣ теорія могла принести скорѣе вредъ, чѣмъ пользу какъ знанію, такъ и жизни. Съ практической стороны она предназначалась для ультрамонтанскихъ и роалистическихъ партійныхъ цѣлей: въ вѣрнопопданническомъ усердіи публицисты легитимизма не задумывались санкціонировать авторитетомъ неба земныя притязанія Бурбоновъ. Съ этой

практической тенденціей были связаны и такіе теоретическіе мотивы, которые сообщали новой теоріи ненаучный и даже антинаучный характеръ.

Дѣло въ томъ, что въ общественной эволюціи видѣли не просто процессъ постояннаго измѣненія соціальныхъ формъ, увлекающихъ за собой также и политическія органы, но еще и провиденціальный процессъ, осуществляющій невѣдомыя намъ высшія цѣли. Кто же ихъ ставить? На это всѣ реставраціонные писатели, не задумываясь, отвѣчали, что Провидѣніе. Извѣстные „Петербургскіе вечера“ Де-Местра представляли „разговоры о земномъ (или свѣтскомъ, temporel) управленіи Провидѣнія“. Бональдъ провозгласилъ „декларацию правъ Бога“. А Ад. Мюллеръ написалъ книгу „О необходимости теологической основы для совокупной государственной науки“ (*Von der Nothwendigkeit einer theologischen Grundlage der gesammten Staatswissenschaft*). Даже революція была истолкована теократически. „Чѣмъ больше, говоритъ Де-Местръ, мы изучаемъ самыхъ на видъ активныхъ дѣятелей революціи, тѣмъ больше мы находимъ въ нихъ нѣчто пассивное и механическое.“

Словомъ, реставраціонные публицисты включали всемогущихъ земныхъ законодателей въ общество какъ бы для того только, чтобы и ихъ заодно съ нимъ признать пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ законодателя — на этотъ разъ небеснаго. То были, очевидно, все еще политическія идеи XVIII вѣка, перенесенныя на теократическую почву. Общественная эволюція ставилась въ таинственную зависимость отъ сверхъестественныхъ факторовъ.

Въ чисто научномъ отношеніи это не могло дать плодотворныхъ познавательныхъ результатовъ: объяснять всѣ соціальныя измѣненія такимъ таинственнымъ планомъ трансцендентнаго происхожденія, о которомъ тутъ же заявляется, что онъ всегда будетъ превышать наше разумѣніе и потому останется для насъ непостижимымъ, — это значить отказаться навсегда отъ всякаго научнаго, т. е. доступнаго познавательнымъ ресурсамъ критическаго ума, объясненія. Очевидно,

для того, чтобы стать научнымъ принципомъ, идея соціальной эволюціи предварительно должна была быть секуляризована, понята въ своей естественности.

Дискредитируя всячески сознательность и искусственность общественныхъ событій, теократическіе публицисты тѣмъ самымъ придавали особенную знаменательность всякимъ безсознательнымъ, ирраціональнымъ, стихійнымъ моментамъ, которые они и выдвигали на первый планъ. Въ этомъ отношеніи они оказались предтечами весьма многихъ позднѣйшихъ доктринъ. Стремленіе уловить именно такіе, стихійные моменты и видѣть въ нихъ корень бытія является, насколько можно теперь судить, одной изъ преобладающихъ тенденцій въ наукѣ, морали и искусствѣ XIX вѣка. И поскольку эта тенденція не переходитъ въ теократическую или натуралистическую метафизику, постольку она приноситъ свою долю пользы. Чѣмъ больше развивается наша культура, тѣмъ больше мы живемъ отвлеченными идеями, и тѣмъ дальше отступаетъ отъ насъ область стихійнаго и безсознательнаго. Но тѣмъ настойчивѣе вмѣстѣ съ тѣмъ мы испытываемъ по временамъ потребность вступать именно съ этой областью въ болѣе близкое общеніе, дабы не потеряться въ мірѣ абстракцій и не утратить связи съ конкретной, живой дѣйствительностью. Мы поступаемъ какъ мифическій Антей, сынъ Земли, который прикасался къ ней всякій разъ, когда испытывалъ потребность обновленія.

Провозвѣстникомъ подобнаго рода обновленія общественно-философской мысли и являлось теоретическое соприкосновеніе реставраціонныхъ публицистовъ съ соціальной стихіей. Если ихъ оно еще мало обновило, то сколько жизни оно вдохнуло хотябы въ Мишле, этого народника въ исторіографіи, или въ Сень-Симона и его школу!

Что же образуетъ стихійную, не поддающуюся искусственнымъ экспериментамъ и передѣлкамъ народную основу или — какъ выразился бы русскій славянофилъ — подоплеку общественности? Наиболѣе опредѣленный отвѣтъ на это даетъ въ началѣ XIX вѣка нѣмецкая историческая школа юри-

ство. Народный духъ — отвѣчаетъ она. Туманное понятіе это сыграло не послѣднюю роль въ исторіи общества и эволюціи какъ теоретическихъ принциповъ. По своему Савиньи и Пухта были правы. Если человѣческое общество есть нѣчто живое, почему ему не обладать также и душой? Вотъ и рѣшили, что каждый народъ образуетъ какъ бы социальное тѣло, живущее своей собственной естественной жизнью. И то, что оживляетъ это тѣло, есть народное убѣжденіе или народный духъ. Духъ этотъ, учила историческая школа, развивается, но развивается мирно, идиллически, подобно растенію; и онъ не любитъ никакихъ постороннихъ вторженій и навязываемыхъ ему извнѣ нововведеній. Однимъ изъ такихъ отвергавшихся ею нововведеній было предложеніе Тибо кодифицировать, то есть упорядочить нѣмецкій правовой бытъ законодательнымъ порядкомъ — иначе говоря, порядкомъ философіи XVIII столѣтія. Право, возражалъ ему Савиньи, развивается не путемъ внѣшнихъ ломокъ, не искусственно, а вполне естественно и въ нѣдрахъ народнаго духа, развивается органически, подобно растенію или языку.

Хотя теорія исторической школы и не была еще вполне свободна отъ фатализма въ пониманіи социальной эволюціи, она все же представляла значительный научный прогрессъ въ сравненіи съ утвержденіями теократовъ: она старалась понять правовое развитіе въ его собственной закономерности, въ связи съ общей эволюціей общества и независимо отъ воздѣйствія какихъ бы то ни было сверхчувственныхъ силъ. Но что конечно было совершенно не научно — такъ это ученіе о народномъ духѣ, какъ какой-то мистической субстанціи или ипостаси.

Однако именно это метафизическое ученіе пришлось по вкусу многимъ нѣмецкимъ умамъ, которые начали взирать не только на человѣческое общежитіе, но также и на природу какъ на нѣчто одушевленное. Поддаваясь влеченіямъ своей скорѣе художественной и созерцательной, чѣмъ ученой и критической натуры, Шеллингъ усматривалъ во всемъ нѣкій живой „объективный” духъ. За нимъ послѣдовали Краузе,

Аренсъ, Ромеръ, Блюнчли. Если первые два во всевозможных формахъ человѣческаго общенія видѣли только такъ называемые у нихъ нравственные организмы, то Ромеръ и особенно Блюнчли пошли еще дальше. Они стали снабжать государство не только духомъ, но также и тѣломъ съ совершенно такими же органами и функціями, что и въ человѣческомъ организмѣ. Такъ, Блюнчли дѣлалъ самыя неожиданныя и забавныя для нынѣшняго читателя уподобленія. Правительство — голова. Министерство внутреннихъ дѣлъ — память, иностранныхъ дѣлъ — обоняніе. Вѣдомство народнаго просвѣщенія — зрѣніе. Городскія учрежденія — грудь, сельскія — сентиментальность и т. д. (*Psychologische Studien über Staat und Kirche*, 1844, s. 227). Нѣтъ, надо полагать, никакой необходимости специально доказывать всю ненаучность и неосновательность подобныхъ разсужденій. Какъ пришлось самому Блюнчли констатировать — цитируемъ его собственныя слова — „его этюды были отвергнуты современниками какъ непонятная глупость въ другихъ случаяхъ умнаго человѣка“ („Общее государственное право“, русск. пер., I, 68). Но какъ могло случиться, что подобнаго же рода разсужденія мы встрѣчаемъ и у такихъ выдающихся социологовъ, какъ Спенсеръ, Шеффле, Лиліенфельдъ?

IV.

Объясняется это своеобразной судьбой социологіи. Съ момента возникновенія она представляетъ странное сочетаніе вполне критическихъ и научныхъ проблемъ съ утвержденіями и стремленіями самаго ненаучнаго, а нерѣдко и антинаучнаго, фантастическаго характера. Быть можетъ, она появилась слишкомъ рано и поставила такую проблему, которая при нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній почти неосуществима.

Нѣчто подобное произошло съ Платономъ. Онъ предъявлялъ къ естествознанію такія требованія, которыя удалось до извѣстной степени осуществить только спустя почти два

тысячелѣтіи, когда явились изслѣдованія Кеплера, Галилея и Коперника, соединившіе индуктивное изслѣдованіе съ математическимъ доказательствомъ. Самъ же Платонъ могъ только поставить наукѣ соотвѣтственное требованіе. Но осуществить его онъ лично не могъ по недостатку какъ эмпирическаго матеріала, т. е. вполне точныхъ данныхъ о природѣ, которыя можно бы передать математическими знаками, такъ и истинно научной математической методы: Эвклидъ и Архимедъ явились позже Платона; и въ его распоряженіи были лишь не столько научныя, сколько метафизическія разсужденія пифагорейцевъ о числѣ, какъ таинственномъ, кабалистическомъ началѣ всѣхъ началъ. И тѣмъ не менѣе еще въ древнемъ мірѣ нашлись неоплатоники, которые сочли себя призванными осуществить всѣ Платоновы завѣты. По недостатку истинно научныхъ средствъ они воспользовались метафизическими ресурсами; и это дало результаты скорѣе враждебныя, чѣмъ благопріятныя для прогресса знаній, тѣмъ болѣе что, какъ это часто бываетъ, послѣдователи не поняли учителя и истолковали его критическія требованія въ духѣ своихъ собственныхъ догматическихъ симпатій.

Тоже произошло и съ соціологіей. Основатель ея Контъ поставилъ ей ясную и опредѣленную, вполне критическую задачу. Но также какъ и Платонъ, онъ не располагалъ достаточными средствами, чтобы ее достойно осуществить. Тѣмъ не менѣе, въ отличіе отъ Платона, онъ все-таки задумалъ довести до конца свое научное предпріятіе и такимъ образомъ угодилъ неоплатоникамъ, т. е. оказался искажителемъ и нарушителемъ своихъ собственныхъ научныхъ требованій (главнымъ образомъ въ книгахъ, написанныхъ послѣ „Курса позитивной философіи“). Разъ имъ самимъ данъ былъ дурной примѣръ, то слѣдуетъ ли удивляться, что вслѣдъ за нимъ явилось множество, такъ сказать, неоплатониковъ соціологизма? Смѣлую, можно даже сказать, титаническую проблему стали осуществлять слабые пигмеи знанія. Новая наука сдѣлалась прибожжищемъ „научнаго полусвѣта“, какъ выразился гейдельбергскій профессоръ Іеллинекъ. А Тардъ съ меньшей су-

ровостью уподобляеть многочисленныхъ quasi-научныхъ соціологовъ нашего времени тѣмъ испанскимъ хищникомъ (conquistadores), которые толпою ринулись на вновь открытый Колумбомъ материкъ съ его нетронутыми, дѣвственными сокровищами. Многими изъ такого рода мнимыхъ знатоковъ науки еще не созданной и едва намѣченной дѣло соціологiи скомпрометтировано до того, что иные серьезные ученые отрицають вообще всякую ея возможность. Но такой пессимизмъ является пока преждевременнымъ. И несомнѣнно, что замыслы соціальной философіи Конта надолго переживуть какъ его собственную попытку ихъ выполненія, такъ и попытки его многочисленныхъ подражателей.

Въ чемъ же состоятъ эти замыслы? Въ соціальной философіи, учить Контъ, какъ и вообще во всякой философіи, не слѣдуетъ признавать ничего абсолютнаго: *tout est relatif, voilà le seul principe absolu*; все относительно — вотъ единственное допустимое въ ней абсолютное начало. Для объясненія вещей научная философія не должна прибѣгать ни къ какимъ трансцендентнымъ моментамъ. Всякія теологическія и метафизическія объясненія, какъ бы они ни казались намъ необходимыми и убѣдительными, изъ науки исключаются. Если философія хочетъ быть дѣйствительно научной и, въ этомъ смыслѣ, позитивной, то она не должна включать въ изслѣдованіе существующаго ни первыхъ причинъ изучаемаго бытія ни его предполагаемыхъ трансцендентныхъ цѣлей. Иными словами, она ставитъ вопросъ: не „почему“ и „зачѣмъ“ что-нибудь существуетъ, а „какъ“, т. е. какое можетъ быть установлено отношеніе сосуществованія и послѣдовательности между извѣстными явленіями. Истинно научную форму отвѣта на такой вопросъ даетъ законъ, т. е. логическій принципъ, вносящій правильность въ эмпирическія явленія. Въ ожиданіи, пока удастся установить такой законъ, который давалъ бы исчерпывающее объясненіе всякой дѣйствительности, приходится распредѣлять общее дѣло созиданія истины между отдѣльными научными спеціальностями. Въ порядкѣ этихъ спеціальностей первое мѣсто Контъ отводитъ математикѣ, по-

сѣднее же — наукѣ съ наиболѣе сложнымъ матеріаломъ: обществовѣдѣнію или соціологіи. Идеаль ея — достигнуть математической точности путемъ методическаго сочетанія логическаго разсужденія съ наблюденіемъ. Соціологія должна установить естественную закономерность общественнаго бытія и становленія или эволюціи. Понятая вполне научно, т. е. безъ теократизма или какого бы то ни было иного фатализма, эта закономерность не только не исключаетъ, но, напротивъ, солидно обосновываетъ разумную соціальную телеологію: science, d'où prévoyance; prévoyance, d'où action — знаніе даетъ намъ предвидѣніе, а предвидѣніе — возможность разумно дѣйствовать. Соціальная эволюція есть эволюція сознаній, съ состояніемъ которыхъ находятся въ согласіи (consensus) и другія проявленія общежитія. И всякое измѣненіе въ умахъ ведетъ за собой измѣненія во всей соціальной жизни. Вслѣдствіе этого общественныя реформы должны быть прежде всего реформами умственными.

Контъ, какъ извѣстно, счелъ своимъ призваніемъ произвести такого рода реформу среди современниковъ. Но при этомъ онъ покинулъ уже научную почву. Онъ поддавался той романтической экзальтаціи, съ какой сенъ-симонисты и иные мечтатели задумали разрѣшить тогда же и возникшій такъ назыв. соціальный вопросъ путемъ „новаго христіанства” и вообще религіозной проповѣди, и сдѣлалъ попытку основать новую религію. Человѣчество тогда изъ предмета изученія стало для него предметомъ поклоненія, и соціологія объявлена прислужницей соціолатріи. Въ новую науку были внесены чрезвычайно фантастическіе элементы, и ей донинѣ не легко эмансипироваться какъ отъ метафизики, такъ и отъ теологіи.

Начиная со второй половины XIX вѣка все болѣе и болѣе растетъ соціологическая литература. Безчисленное множество авторовъ пытается осуществить программу новой науки и установить закономерность общественной эволюціи. Блуждая въ разныхъ направленіяхъ, они не разъ заходили и продолжаютъ заходить въ темныя дебри метафизики. Немало

содѣйствовало этому увлеченіе естественными науками, или, точнѣе, натуралистической метафизикой. вмѣсто того, чтобы поучиться у естествознанія строго научной и — какъ это доказалъ Кантъ — идеалистической методѣ, начали догматически переносить на общественныя явленія термины натуралистовъ или же исповѣдовать рабскую зависимость людей отъ внѣчеловѣческихъ природныхъ „факторовъ”.

Такими факторами, фатально детерминирующими всякую общественность, признавали климатъ, почву и т. п. природныя данныя. *Mutatis mutandis* эта тенденція напоминала, въ сущности, воззрѣнія реставраціонныхъ публицистовъ, которые не столько старались понять общество въ его естественной законѣрности, сколько объявляли его пассивнымъ орудіемъ сверхъестественныхъ силъ. Соціологи же, всецѣло подчинявшіе общества всякимъ природнымъ факторамъ, подставили вмѣсто теократическихъ дѣятелей натуральные и тѣмъ произвели перемѣну не столько въ существѣ дѣла, сколько въ названіи.

Подобный синкретизмъ не могъ давать спеціально соціологическихъ точныхъ результатовъ. Вѣдь пока нами не установленъ объединяющій принципъ для всевозможныхъ явленій эмпириі, пока мы не обладаемъ, такъ сказать, интеграломъ міра, точность нашихъ знаній прямо пропорціональна ихъ спеціализаціи. И чтобы точно выяснить общественную эволюцію въ ея своеобразіи, очевидно, необходимо изолировать такія явленія, которыя мы признаемъ спеціально общественными, и подвергать ихъ самостоятельному изученію.

V.

Заслугою органической школы соціологовъ слѣдуетъ признать то, что она сдѣлала эту необходимость особенно очевидной: она дала тому какъ положительный, такъ и отрицательный примѣръ.

Положительный примѣръ состоялъ въ томъ, что эта школа стремилась понять общество какъ таковое, не прибѣгая къ какимъ бы то ни было внѣобщественнымъ факторамъ, которые, какъ Deux ex machina, должны были бы разрѣшать всякія затрудненія въ объясненіи. Отрицательную же сторону составляло то, что она все же не избѣжала синкретизма, и смѣшивала соціологію съ біологіей. А это дало очень плачевные результаты и послужило полезнымъ предостереженіемъ для нынѣшнихъ и будущихъ соціологовъ.

Въ органическихъ сближеніяхъ доходили до крайностей, напоминающихъ странныя параллели Ромера и Блюнчли. Особенно ими злоупотреблялъ Лилиенфельдъ. Объясняется это тѣмъ метафизическимъ настроеніемъ, которое онъ вносилъ въ свои изслѣдованія къ ихъ несомнѣнному научному ущербу. Повторяя ошибку Конта, онъ утверждалъ, что соціологія имѣетъ не только научное, но и религіозное призваніе: она должна буд-то бы вывести разъ навсегда умы изъ анархическаго состоянія, дать людямъ вѣру и инныя религіозныя эмоціи. Сообразно съ этимъ онъ помѣстилъ соціологію между біологіей и теологіей. Ему казалось, что органическая доктрина есть вмѣстѣ съ тѣмъ и естественная религія. Недаромъ, утверждалъ онъ, апостолъ Павелъ называлъ церковь тѣломъ, Христа — главой его, а вѣрующихъ — членами. Да и самъ Христосъ въ своихъ притчахъ (о сѣятелѣ, зернѣ горчичномъ и т. п.) часто пользовался органическими терминами. Въ концѣ концовъ и Лилиенфельдъ признавался, что его ученіе о живомъ реальномъ организмѣ общества представляетъ не болѣе какъ соціально-политическую притчу. Впрочемъ, оправдывался онъ словами Гете, „все преходящее есть только притча“:

Alles vergängliche
Ist nur ein Gleichniss,

таковъ одинъ изъ девизовъ его пятитомныхъ „Мыслей о соціальной наукѣ будущаго“.

Органическія притчи Лилиенфельда не имѣли большого успѣха — даже среди его единомышленниковъ. Въ своемъ

изслѣдованіи *Bau und Leben des sozialen Körpers* Шеффле старался по возможности не покидать научной почвы. Онъ пользовался аналогіями съ большою осторожностью и по побужденіямъ скорѣе практическаго, чѣмъ чисто теоретическаго характера: онъ хотѣлъ основать на нихъ цѣлый рядъ общественныхъ реформъ, направленныхъ къ мирному разрѣшенію соціального вопроса. А Спенсеръ былъ еще умѣреннѣе, чѣмъ Шеффле, въ пользованіи органическими аналогіями. Онъ не отвѣчали его практическимъ тенденціямъ. Онъ былъ принципиальнымъ врагомъ правительственнаго вмѣшательства въ общественныя дѣла и сторонникомъ индивидуальной самостоятельности. Но, какъ замѣтилъ Гексли, всякій организмъ предполагаетъ централизацию функций, а это не можетъ служить аргументомъ въ пользу „административнаго нигилизма”. И недаромъ Спенсеръ принужденъ былъ отрицать въ общественномъ организмѣ центральное чувствилище (*sensorium*).

Къ практическимъ мотивамъ присоединялись и теоретическіе. Исклѣчительно біологическія сближенія не соответствовали Спенсеровой классификаціи наукъ. Контъ отъ біологіи непосредственно переходилъ къ соціологіи. Спенсеръ же помѣстилъ въ промежутокъ психологію и въ ней искалъ ближайшихъ данныхъ для соціологіи, поскольку признавалъ для нея необходимымъ отправляться отъ сосѣдней науки. Правда, онъ называлъ общество организмомъ и усматривалъ въ немъ упомянутыя нами три системы біологическихъ органовъ. Но эволюцію его онъ признавалъ уже сверхорганической эволюціей; въ ней человѣкъ, эта послѣдняя проблема біологіи, оказывается первымъ факторомъ соціологіи. И если Спенсеръ недостаточно развилъ ученіе объ особенностяхъ именно сверхорганическаго общественнаго развитія, то это объясняется тѣмъ, что онъ почти исклѣчительно интересовался дикарями и пользовался данными изъ ихъ быта. А первобытныя соціальныя отношенія, близкія къ общежитіямъ животныхъ, пожалуй, дѣйствительно содержатъ въ себѣ больше данныхъ для біологіи, чѣмъ для соціологіи. Но и этимъ не оправдывается, конечно, уподобленіе доисторическихъ агрегатовъ людей жи-

вотнымъ или растительнымъ организмамъ. И Спенсеръ это сознаеть. Переходя отъ „Индукцій соціологіи“ къ „Домашнимъ учрежденіямъ“, онъ говоритъ: „но теперь мы должны бросить разсмотрѣнный нами параллелизмъ между организаціями индивидуальной и общественной. Если я и остановился на разработкѣ этихъ аналогій, то только для того, чтобы употребить ихъ, какъ лѣса, для постройки связнаго зданія соціологическихъ индукцій. Уберемъ теперь прочь эти лѣса; они уже не нужны намъ болѣе“ (Основы соціологіи § 270).

VI.

Итакъ слабую сторону органической школы представляетъ ея ученіе, что общественное устройство есть организмъ. Но можно ли признать сильною стороною ея ученіе о томъ, что общественная эволюція есть не только естественная, т. е. не знающая трансцендентныхъ вмѣшательствъ, но также и органическая эволюція? Намъ кажется, что если видѣть въ этомъ ученіи не болѣе какъ аналогію и не злоупотреблять ею, то можно его допустить какъ одну изъ категорій для выясненія доисторическаго быта. Не тѣмъ ли именно и характеризуется первобытная общественность (поскольку она не является простымъ агрегатомъ), что въ предѣлахъ каждой соціальной группы господствуетъ чрезвычайная солидарность, скорѣе инстинктивная и даже фізіологическая, чѣмъ сознательная и моральная, и едва ли не полное отсутствіе внутреннихъ противорѣчій и того драматизма, который присущъ всякой исторической, т. е. болѣе или менѣе культурной общественности? Словомъ, какъ указываетъ проф. Тённиесъ въ изслѣдованіи *Gemeinschaft und Gesellschaft*, если мы хотимъ дать историческую схему общественнаго развитія, мы можемъ отправляться отъ органическаго состоянія какъ отъ одной изъ первыхъ стадій эволюціи.

Итакъ по отношенію къ доисторическому прошедшему можно еще допустить органическія аналогіи, хотя и съ большими оговорками.

По отношенію къ идеальному будущему онѣ неудовлетворительны тѣмъ, что часто истолковываются въ смыслѣ натуралистическаго фатализма и тѣмъ приносятъ вредъ всякимъ социальнымъ преобразованіямъ на рациональныхъ началахъ.

Что же касается историческаго настоящаго, то — поскольку рѣчь идетъ о культурныхъ обществахъ, а не о забытыхъ временехъ дикарей, — органическія аналогіи не годятся для ориентированія. Въ каждомъ эмпирически данномъ обществѣ онѣ склонны видѣть нѣчто стройное, гармоническое, цѣлесообразное, а въ его развитіи — мирный, почти идиллическій процессъ тихаго прозябанія. Между тѣмъ, разъ выйдя изъ органической первобытности и вступивъ на безконечный путь культурнаго развитія, общества являютъ всюду болѣе или менѣе напряженную драму, полную противорѣчій и конфликтовъ. Не представляетъ ли всемірная исторія колоссальную сцену, подмостками которой является весь земной шаръ, куполомъ сводъ небесный, а безстрастнымъ зрителемъ — вѣчность? И не разыгрываются ли на этой сценѣ, вотъ уже сколько тысячелѣтій религіозныя, философскія, нравственныя, политическія, экономическія и т. п. драмы? Очевидно, что идиллическія уподобленія не могутъ дать исчерпывающее объясненіе всѣхъ перипетій этихъ драмъ. Здѣсь болѣе умѣстны иныя категоріи.

Ихъ и выдвинула философія еще въ первой четверти XIX вѣка — въ лицѣ Гегеля. Какъ историческая школа юристовъ, какъ Шеллингъ и его послѣдователи, онъ въ обществѣ усматривалъ присутствіе нѣкоего таинственнаго духа. Подобное же метафизическое начало онъ находилъ также и во всемъ существующемъ. И такимъ образомъ не только общественная, но и космическая эволюція изображалась Гегелемъ какъ феноменологія духа. Но объясненіе ей онъ давалъ уже не по образу и подобию растений, мирно прозябающихъ въ тиши. Развитіе всего сущаго, утверждалъ онъ, драматично. Нѣтъ ничего устойчиваго. Все полно противоположностей. И между ними происходятъ постоянныя коллизіи. Если тезисъ и анти-

тезисъ, т. е. если двѣ противоположности, и примираются, наконецъ, то это примиреніе, этотъ синтезисъ, наталкивается опять на новыя противоположности, новые антитезисы. Такъ происходитъ безъ конца. И въ этомъ состоитъ эволюція.

Послѣ Гегеля драматическій моментъ надолго, повидимому, упрочился въ обществовѣдѣніи. Р. Герингъ внесъ его въ пониманіе права, Л. Штейнъ — въ пониманіе государства, наконецъ, К. Марксъ — въ пониманіе хозяйства.

Явился Дарвинъ и раскрылъ значеніе драматическаго момента также и въ эволюціи чисто біологической. Благодаря этому идиллическій ростъ оказался утопіей даже для животныхъ и растений. Неудивительно, что сошла со сцены также и соціологическая утопія мирнаго прозябанія обществъ-животныхъ и обществъ-растений.

Жалѣть объ этомъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній. *Entia sine necessitate non sunt multiplicanda*, не слѣдуетъ безъ необходимости умножать сущности — таково одно изъ основныхъ требованій научной экономіи. Органическая доктрина всячески нарушала его. За исключеніемъ нѣсколькихъ дѣйствительно удачныхъ аналогій, она наводнила обществовѣдѣніе множествомъ бесплодныхъ терминовъ и сравненій. Но, конечно, *comparaison n'est pas raison*, и фразеологія — плохой суррогатъ знанія. Органические соціологи напоминали тѣхъ московскихъ гегельянцевъ, которые о самыхъ простыхъ вещахъ говорили не иначе какъ въ темныхъ и запутанныхъ выраженіяхъ: „человѣкъ — читаемъ мы въ „Быломъ и Думахъ“, — который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ гулять для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства съ Космосомъ; и если ему попался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ проявленіи”; словомъ, „это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ гениально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ”. Столь же запутан-

ной была безъ всякой научной надобности и органическая фразеологія.

Никакихъ плодотворныхъ цѣлей она не достигала. Объяснять общество біологическимъ понятіемъ организма — значитъ объяснять извѣстное неизвѣстнымъ, или, точнѣе, болѣе извѣстное менѣе извѣстнымъ. Тѣ соціальныя категоріи, которыя обращаются въ нашемъ умственномъ обиходѣ — конечно, за вычетомъ множества метафизическихъ и догматическихъ утвержденій, — гораздо яснѣе для насъ, чѣмъ тѣ гипотетическія теоріи, съ помощью которыхъ біологи надѣются овладѣть тайной жизни. Даже Спенсеръ отчасти сознавалъ это: въ книгѣ „Объ изученіи соціологіи“ онъ приходитъ къ мысли, что даже идеей развитія, эволюціи скорѣе біологія обязана соціологіи, чѣмъ наоборотъ, а біологическое ученіе о фізіологическомъ раздѣленіи труда представляетъ не болѣе какъ заимствование изъ соціальныхъ наукъ (стр. 327 русскаго перевода подъ заглавіемъ „Соціологія какъ предметъ изученія“). Съ тѣхъ же поръ какъ Дарвинъ ввелъ драматическій моментъ въ естествознаніе, а бактеріологія превратила біологическіе организмы въ цѣлыя общества, переживающія также своего рода соціальныя драмы, — уже не обществовѣды ищутъ у натуралистовъ путей пониманія, а, напротивъ, натуралисты прибѣгаютъ къ соціологическимъ уподобленіямъ.

Конечно желательно возможно большее сближеніе общественныхъ наукъ съ другою группою наукъ, именно, съ естественными. Но истинно критическое объединеніе должно состоять вовсе не въ томъ, чтобы догматически переносить специфическія понятія однихъ наукъ въ другія, а въ томъ, чтобы подыскивать для нихъ возможно болѣе универсальныя принципы, которые связывали бы отдѣльныя науки общностью задачъ при различіи спеціальныхъ средствъ и путей къ ихъ достиженію. Раздѣленіе труда необходимо и въ наукѣ. И соціологія должна координировать спеціально человѣческія проявленія общественности. Вслѣдствіе этого она должна быть наукой гуманистической или нравственной. По отношенію къ соціальнымъ явленіямъ прошлаго она должна давать психоло-

гическое и общественно-историческое объясненіе. По отношенію же къ будущему она должна выработать принципы соціальной этики — на идеалистическихъ началахъ, понятыхъ въ духѣ критическаго раціонализма и безъ всякой метафизики.

Всѣмъ этимъ исключается изъ обществовѣдѣнія органическая доктрина. Но этимъ не исключаются тѣ двѣ идеи — общества и эволюціи, — которыя такъ тщательно культивировались ею.

Идея общества отнынѣ имѣетъ для гуманистическихъ наукъ такое же регулятивное значеніе, какое идея природы имѣетъ для наукъ естественныхъ. Подобно тому какъ у насъ нѣтъ до сихъ поръ единой, всеобъемлющей науки о природѣ, такъ нѣтъ пока у насъ и единой универсальной науки о человѣческомъ мірѣ, т. е. соціологіи. Но подобно тому какъ всякая естественная наука, будь то физика, химія, біологія и т. п., при всей специфичности своихъ частныхъ задачъ, сознаютъ себя призванными участвовать въ общемъ дѣлѣ созиданія истины о природѣ, такъ и всякія гуманистическія науки, будь то языковѣдѣніе, исторія, правовѣдѣніе, государствовѣдѣніе, экономика и т. п., отнынѣ сознаютъ, что всѣ онѣ работаютъ надъ однимъ общимъ и великимъ дѣломъ созиданія истины о человѣческомъ обществѣ. Общественная идея проникаетъ теперь всѣ гуманистическія науки. И какъ она ихъ оживила! Если, напримѣръ, сопоставить зарождающееся соціальное изученіе права и государства съ полусхоластическими, догматическими, безжизненными конструкціями недавнихъ еще дней — то съ трудомъ вѣрится, что это одна и та же наука, только понятая подъ инымъ угломъ зрѣнія.

Не менѣе плодотворна и идея эволюціи. Она имѣетъ не спеціально біологическое, но несравненно болѣе универсальное философское значеніе. Поэтому она равно приложима какъ къ біологіи т. е. наукѣ естественно-исторической, такъ и къ соціологіи т. е. наукѣ общественно-исторической, нисколько не посягая при этомъ на ихъ научную самостоятельность. Къ сожалѣнію, эволюцію донинѣ часто понимаютъ метафизически

и фаталистически; и поэтому ожидаютъ отъ нея того, чего она не можетъ и не должна давать, зато не замѣчаютъ и мало цѣнятъ то дѣйствительно полезное, что она даетъ какъ теоріи, такъ и практикѣ.

Сущность эволюціоннаго принципа, вполне критически понятаго, состоитъ единственно въ томъ, что въ эмпирической дѣйствительности нѣтъ рѣшительно ничего абсолютнаго. Все относительно. Все непрерывно измѣняется, или, какъ выразился еще древній философъ Гераклитъ, все течетъ. Наука и старается понять, какъ происходятъ измѣненія въ данномъ рядѣ явленій. Сообразно съ этимъ и обществовъѣдѣніе старается понять, какъ измѣнялись и измѣняются социальныя явленія. Конечно, строго научное изученіе исключаетъ при этомъ всякій фатализмъ и т. п. предположенія порядка метафизическаго. Поэтому критически понятый эволюціонный принципъ не только не исключаетъ активнаго, цѣлевого нашего отношенія къ будущему, но, напротивъ, дѣлаетъ его и возможнымъ и необходимымъ. Только потому мы и можемъ, вооружившись данными науки, приступить къ сознательному созиданію нашего будущаго, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего абсолютнаго и непреложнаго, и она измѣнчива. Людми она создана. И людми же она можетъ быть пересоздана. Организовать это пересозданіе на возможно болѣе разумныхъ и сознательныхъ началахъ — таково, очевидно, великое практическое призваніе науки, которое она, конечно, можетъ осуществить только постольку, поскольку пользуется авторитетомъ и поддержкой въ обществѣ.

Е. Спекторскій.

ФИЛОСОФІЯ КАНТА.¹⁾

Милостивыя Государыни

и

Милостивые Государя!

Мнѣ предстоитъ задача — кратко и популярно изложить главнѣйшія философскія, а въ связи съ ними и естественно-научныя идеи Канта. Задача эта — не легка. Она затрудняется прежде всего самою формой Кантовскихъ мыслей, терминологіей, замысловатую и не всегда строго выдержанной самимъ Кантомъ, которую при краткомъ изложеніи приходится опускать; затѣмъ, задача такого изложенія философіи Канта осложняется еще содержаніемъ его философской системы, глубокомысленнымъ и оригинальнымъ, но именно поэтому малодоступнымъ для изложенія въ популярной формѣ. Затруднительность популяризованія своей системы сознавалъ

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права 1-го февраля 1904 г., посвященномъ чествованію памяти Иммануила Канта по поводу столѣтней годовщины его смерти.

самъ Кантъ ¹⁾; поэтому онъ даже совѣтовалъ студентамъ не приступать прямо къ слушанію его собственныхъ лекцій по философіи, а сначала пройти философскій курсъ у другихъ профессоровъ. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, обращаюсь къ возможно краткому и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно понятному обзорѣнію философской системы Канта.

Главными философскими сочиненіями Канта являются: 1) „Критика чистаго разума“, 2) „Критика практическаго разума“, съ которою тѣсно связаны „Метафизика нравовъ“ и „Основаніе къ метафизикѣ нравовъ“, 3) „Критика способности сужденія“.

Первая изъ этихъ „критикъ“ изслѣдуетъ нашу способность познанія и соотвѣтствуетъ тому, что теперь называется теоріею познанія, гносеологіей, а также метафизикою. Самъ же Кантъ называлъ свою философію познанія „трансцендентальной философіей“. Вторая „критика“ изслѣдуетъ основные принципы нравственности и соотвѣтствуетъ тому, что теперь называется „этикой“. Въ „Метафизикѣ нравовъ“ Кантъ развиваетъ основныя начала ученія о правѣ и добродѣтели и изслѣдуетъ вопросъ объ отношеніи права къ нравственности. Третья „критика“ изслѣдуетъ вопросъ о прекрасномъ и соотвѣтствуетъ наукѣ, называемой эстетикою; эстетика буквально значить ученіе о чувственности, а въ нынѣшнемъ значеніи этотъ терминъ употребляется со времени Баумгартена, основателя нѣмецкой эстетики, жившаго въ XVIII вѣкѣ. Необходимо еще замѣтить, что краткое изложеніе основныхъ идей „Критики чистаго разума“ находится въ сочиненіи Канта „Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей явиться въ качествѣ науки“. ²⁾

Этими главнѣйшими сочиненіями не исчерпываются, какъ

---

¹⁾ Такъ, въ предисловіи ко второму изданію „Критики чистаго разума“ Кантъ говоритъ: „die Kritik der r. V. kann niemals populär werden“. См. изданіе „Критики“ Kehrbach'a, Leipzig, 1877, стр. 28.

²⁾ Русскій переводъ В. С. Соловьева въ двухъ изданіяхъ: 1889 и 1893 г. г. Москва.

известно, труды Канта, но всё другіе основаны на вышеуказанныхъ. Поэтому при изложеніи философской системы Канта намъ придется пользоваться главнымъ образомъ ими.

Перейдемъ къ самому изложенію.

Подъ „критикой” Кантъ разумѣетъ то, что теперь называется изслѣдованіемъ. Подъ „чистымъ” разумомъ Кантъ разумѣетъ разумъ, поскольку онъ устанавливаетъ истины независимо отъ опыта. „Критика чистаго разума” поэтому имѣетъ цѣлью изслѣдовать познаніе, достигаемое разумомъ независимо отъ опыта. Подъ „практическимъ” разумомъ Кантъ разумѣетъ способность воли устанавливать законы нравственности также независимо отъ опыта. Подъ „критикой способности сужденія” онъ разумѣетъ изслѣдованіе нашей способности сужденія подводить частное подъ общее. „Критической” Кантъ называетъ свою философію въ противоположность „догматическимъ” системамъ своихъ предшественниковъ, которые строили системы, не изслѣдуя предварительно самого вопроса о томъ, что мы можемъ знать, и каковы условія и предѣлы нашего знанія. Этимъ уже указана собственная задача Канта — изслѣдовать самый актъ познанія и установить предѣлы послѣдняго. Въдь каждая наука есть актъ познанія, ибо въ каждой наукѣ мы что-либо познаёмъ: въ исторіи — прошлое человѣчества, въ ботаникѣ — растенія и ихъ жизнь; но ни одна спеціальная наука не изслѣдуетъ того, что мы можемъ знать, и притомъ знать достоверно. За эту задачу взялся Кантъ. Его „теорія познанія”, изложенная въ „Критикѣ чистаго разума”, ставитъ цѣлью — изслѣдовать фактъ познанія, условія его достоверности, установить то, что одинъ изъ его послѣдователей ¹⁾ называлъ „теоріей науки”. Мы не будемъ здѣсь касаться раздѣленія его „Критики чистаго разума” на части, не будемъ касаться его замысловатой терминологіи и

---

¹⁾ *Riehl*, „Der philosophische Kriticismus”, Leipzig, 1876. Вторая часть второго тома трактуетъ о теоріи науки съ точки зрѣнія критицизма Канта.

его знаменитой „схемы“: для насъ достаточно будетъ воспроизвести лишь въ общихъ чертахъ и результатахъ тѣ мысли, которыя составили славу Канта, какъ философа. Мы обойдемъ также молчаніемъ многочисленные споры, которые возникали по поводу его философіи, при чемъ одни ученые, разбиравшіе ученіе Канта, указываютъ на громадныя противорѣчія въ его системѣ, другіе же доказываютъ, что таковыхъ у Канта нѣтъ, и что всѣ мысли строго гармонируютъ другъ съ другомъ.

Замѣтимъ еще, что Кантъ — единственный философъ новаго времени, сочиненія котораго вызвали появленіе обширной „Канто-филологіи“, посвященной разсмотрѣнію лексической и грамматической сторонъ его сочиненій.¹⁾

Итакъ, Канту нужно рѣшить вопросъ о томъ, чтó такое познаніе, какое познаніе нужно считать достовѣрнымъ, а какое — только вѣроятнымъ или ложнымъ, какія условія дѣлаютъ познаніе достовѣрнымъ, если вообще такое существуетъ, наконецъ — каковы предѣлы нашего познанія, а въ связи съ этимъ, чтó составляетъ предметъ познанія, и чтó должно быть отнесено къ области вѣры?

Чтобы рѣшить этотъ основной вопросъ теоріи познанія касательно достовѣрности науки, необходимо разбить его на нѣсколько вопросовъ, которые должны быть рѣшены отдѣльно. Такимъ образомъ Кантъ спрашиваетъ: 1) что мы знаемъ изъ опыта, и какова достовѣрность, основанная на опытѣ? 2) что мы знаемъ изъ чистаго разума, и какова достовѣрность послѣдняго? 3) каково отношеніе разума къ опыту? 4) каковы границы познанія, т. е. до какого предѣла простирается наше достовѣрное познаніе, если оно вообще существуетъ? Эти основные вопросы теоретической философіи Канта формули-

---

¹⁾ Сюда относится главнымъ образомъ обширное сочиненіе Файнгингера „Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft“ въ 2 томахъ, 1881 и 1892 годовъ. Здѣсь почти на 1000 страницахъ интерпретируется лишь небольшая часть „Критики чистаго разума“ въ связи съ изложеніемъ споровъ ученыхъ относительно разныхъ ея сторонъ.

рованы у него самого нѣсколько иначе, но мысль Канта выражена нами точно. — Итакъ — прежде всего нужно рѣшить, что мы знаемъ изъ опыта, а въ связи съ этимъ, что такое опытъ, и каковъ его составъ? На это Кантъ отвѣчаетъ такъ. Чистый опытъ, т. е. опытъ безъ всякой примѣси разума даетъ намъ матеріаль познанія. Матеріаль же опыта или совокупность ощущеній есть нѣчто, данное намъ извнѣ, слѣдовательно, независящее отъ насъ, такъ какъ не отъ насъ зависитъ — имѣть тѣ или другія ощущенія. Но мы, очевидно, можемъ знать достовѣрнѣ всего лишь то, что мы сами произвели, а не то, что отъ насъ не зависитъ. Что же создается нами самими, и слѣдовательно, что достовѣрно? На это Кантъ отвѣчаетъ, изслѣдуя достовѣрность чистой математики и чистаго естествознанія. Математика по справедливости считалась и считается наукой *par excellence*. Что ее дѣлаетъ таковою? Это — основная задача философіи математики; за разрѣшеніе ея взялся Кантъ и рѣшилъ ее такъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обосновать достовѣрность чистой математики иначе нельзя: либо эту достовѣрность нельзя обосновать совсѣмъ, либо ее нужно обосновывать такъ, какъ это сдѣлалъ Кантъ. ¹⁾ Замѣтимъ, что Кантъ обосновалъ только обыкновенную трехмѣрную математику; мета-математика или ученіе о пространствѣ *n* измѣреній съ его точки зрѣнія не могла бы быть достовѣрной наукой, такъ какъ она касается лишь явленій возможныхъ, а не дѣйствительныхъ. ²⁾ Кантъ же обосновываетъ

¹⁾ См. нашу брошюру, посвященную этому вопросу: „Ученіе Канта о математикѣ“, Варшава, 1901.

²⁾ Эта „возможная“ математика или „мета-математика“, которую уже предугадывалъ Кантъ, и представителями которой въ нынѣшнее время явились *Риманн* и *Гельмгольцъ*, подверглась критикѣ со стороны *Лотце* въ его „*Metaphysik*“, въ главѣ „*Deduction des Raumes*“ и *Шмицъ-Дюмона* въ „*Die mathematischen Elemente der Erkenntnistheorie*“, Berlin, 1878, которые доказываютъ, что мета-математика основана на цѣломъ рядѣ логическихъ ошибокъ и на смѣшеніи понятій. Ср. четвертую книгу „Своего Слова“ А. А. Козлова.

только дѣйствительную науку математику. Итакъ — что дѣлаетъ достовѣрной чистую математику? На это Кантъ отвѣчаетъ такъ. Математика изучаетъ именно то, что нашъ разумъ создаетъ самъ: вѣдь въ чистомъ опытѣ нѣтъ совершенныхъ линій и фигуръ; все это — созданія нашего разума, необходимыя въ силу самого его устройства; а ясно, что мы можемъ знать достовѣрнѣе всего лишь то, что создали сами. Еще раньше было сказано, что опытъ, какъ совокупность ощущеній отъ вещей, находящихся внѣ насъ, отъ насъ не зависитъ; все, что мы познаемъ въ опытѣ, уже дано, но не произведено нами самими. Сверхъ того, чистый опытъ случаенъ: онъ намъ говоритъ только то, что есть *теперь*, въ данное мгновеніе; того же, что необходимо для всѣхъ предметовъ опыта, во всякое время — этого опытъ намъ дать не можетъ. Одинъ лишь разумъ даетъ намъ познаніе необходимое, познаніе, имѣющее значеніе для всякаго времени, а слѣдовательно, и достовѣрное. Въ чистой же математикѣ основными принципами разума являются пространство и время: пространство въ геометріи, и время — въ алгебрѣ. Если пространство и время заимствованы изъ опыта, то математика лишь вѣроятна; если же они апіорны, т. е. лежатъ въ разумѣ до всякаго опыта, то математика достовѣрна. А если пространство и время независимы отъ опыта, то они суть формы сознанія. Математика достовѣрна потому, что пространство и время суть ничто иное, какъ формы сознанія, независимыя отъ опыта и лежація въ организаціи нашего разума. Но что такое форма сознанія? Этотъ вопросъ породилъ множество споровъ, касаться которыхъ не позволяетъ намъ наша нынѣшняя задача. ¹⁾

Достаточно сказать, что пространство и время для Канта являются основными принципами математики, безъ которыхъ

---

¹⁾ Въ русской философской литературѣ этотъ вопросъ разсматриваетъ проф. Г. И. Челпановъ въ сочиненіи „Проблема воспріятія пространства“, ч. II, глава 4, Кіевъ, 1904.

она была бы только случайной, вѣроятною наукой. Отсюда же вытекаетъ достовѣрность и прикладной математики — астрономіи, физики и механики. Именно — для Канта пространство, представляемое, какъ принципъ чистой математики, совпадаетъ съ пространствомъ опытнымъ, какъ принципомъ прикладныхъ математическихъ наукъ. Этимъ объясняется полная гармонія построеній разума въ чистой математикѣ, въ этомъ „оплотѣ идеализма“, съ таковыми же въ прикладной.

Итакъ, до сихъ поръ Кантъ показалъ, что познаніе изъ чистаго опыта случайно, такъ какъ чистый опытъ не можетъ гарантировать намъ всеобщности и необходимости познанія, познаніе же изъ чистаго разума, имѣющее мѣсто въ чистой математикѣ — достовѣрно.¹⁾ Но, кромѣ чистой математики, у насъ есть еще одно необходимое познаніе изъ разума. Оно имѣетъ мѣсто въ чистомъ естествознаніи. Подъ послѣднимъ Кантъ разумѣетъ совокупность самыхъ общихъ предпосылокъ естествознанія, не изслѣдуемыхъ самими естественными науками. Самымъ же общимъ положеніемъ ихъ является законъ причинности. И вотъ Кантъ, вѣрный своему методу, хочетъ опредѣлить степень достовѣрности этого положенія, и задаетъ вопросъ, чтò дѣлаетъ достовѣрнымъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и все естествознаніе. На это Кантъ отвѣчаетъ такъ. Законъ

---

¹⁾ Кантова теорія опыта подробно изложена въ сочиненіи *Cohen's* „Kants Theorie der Erfahrung“. Авторъ доказываетъ здѣсь, что главная задача теоріи познанія Канта состояла въ установленіи того положенія, что пространство, время и законъ причинности суть формальныя апіорныя условія опыта, безъ которыхъ никакой дѣйствительный опытъ невозможенъ. См. изданіе этого сочиненія 1873 г., Берлинъ, стр. 3: „die Erfahrung wird als Räthsel aufgegeben. Die Auflösung dieses Räthsels ist der Inhalt der Kantischen Philosophie“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Когена, которое Файгингеръ въ вышеупомянутомъ трудѣ, въ томѣ I, стр. 180, считаетъ одностороннимъ (einseitig), вся теорія познанія Канта имѣла задачей — дать научную теорію опыта, основанную на указанномъ положеніи. Противъ этого мнѣнія горячо борется англичанинъ *Stirling* въ статьѣ „Criticism of Kants main principles“. См. *Journal of specul. philos.*, XIV, 267.

причинности не заимствованъ нами изъ опыта, а наоборотъ составляетъ условіе возможности самого опыта, условіе, имѣющее свое основаніе въ самой организаціи нашего разума. Чтобы это стало яснѣе, Кантъ спрашиваетъ, когда наши знанія о природѣ могутъ быть вполне достовѣрны? Тутъ возможны два случая: либо предметы природы обусловливаютъ наши мысли о нихъ, либо наоборотъ — сами предметы обусловливаются нашими мыслями; въ первомъ случаѣ наши знанія о природѣ будутъ случайны и вѣроятны; только въ томъ случаѣ, если нашъ разумъ вноситъ пониманіе въ природу отъ себя, если онъ самъ предписываетъ законы природѣ — только въ этомъ случаѣ наши знанія о природѣ несомнѣнны. Тутъ нѣтъ ничего страннаго и нелѣпаго: вѣдь изслѣдованіе относительно основаній необходимости математики уже показало, что міръ, который создаетъ разумъ, есть міръ явленій, т. е. представленій. Разумъ же вправѣ предписывать законы природѣ, какъ совокупности представленій. Коперникъ показалъ, что небесныя свѣтила неподвижны относительно насъ; движемся мы сами и сами заставляемъ свѣтила казаться въ такихъ, а не въ другихъ мѣстахъ на небѣ, т. е. мы сами предписываемъ имъ ихъ положенія; подобно этому, Кантъ доказываетъ, что нашъ разумъ самъ предписываетъ законы природѣ.

Итакъ, чистое естествознаніе и его основной принципъ причинности достовѣрны потому, что разумъ есть „законодатель природы“. А такъ какъ пространство, время и причинность суть ничто иное, какъ формы сознанія, т. е. такія основныя положенія нашего сознанія, безъ которыхъ мы ничего не могли бы воспринимать и представлять, то достовѣрность чистой математики и чистаго естествознанія равна достовѣрности этихъ формъ сознанія, т. е. эти науки достовѣрны постольку, поскольку принципы ихъ совпадаютъ съ этими формами сознанія.¹⁾

¹⁾ Въ русской философской литературѣ это совпаденіе формъ сознанія съ принципами познанія особенно подчеркиваетъ проф. А. И. Введенскій въ сочиненіи „Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи“, СПб. 1888.

Итакъ, пока установлено, что достовѣрно лишь познаніе разума. Теперь надо опредѣлить предѣлы этой достовѣрности. Отвѣтъ на это ясенъ уже изъ предъидущихъ разсужденій. Пространство, время и причинность суть формы сознанія; слѣдовательно, за предѣлами сознанія онѣ не имѣютъ приложения. Поэтому наше достовѣрное знаніе ограничено сферой сознанія, т. е. явленіями или представленіями. „Вещи въ себѣ“, т. е. предметы, лежащіе внѣ сферы сознанія, для насъ непознаваемы. Поэтому „метафизика“, какъ наука о „вещахъ въ себѣ“, недостовѣрна. Название же „метафизики“ можно оставить, но тогда предметомъ ея должно быть нѣчто иное, — именно изслѣдованіе нашего познанія. Какъ такое, метафизика не только возможна, но и необходима.

Теперь надо рѣшить вопросы объ отношеніи разума къ опыту и о значеніи вѣры въ вопросахъ науки. Первый вопросъ есть вопросъ объ отношеніи ощущеній и формъ, такъ какъ опытъ даетъ намъ ощущенія, а разумъ создаетъ формы. Формы познанія сами по себѣ пусты, ощущенія же, не подведенныя подъ форму, представляютъ хаосъ, который надо упорядочить. Поэтому въ каждомъ дѣйствительномъ познаніи необходимо сочетаніе ощущеній и формъ.¹⁾ Только такимъ сочетаніемъ создается дѣйствительная картина міра, какъ совокупности явленій, т. е. представлений.

Такимъ образомъ нашъ разумъ самъ создаетъ эту картину, но это не значитъ, что міръ есть только совокупность представлений. За міромъ явленій скрывается міръ „вещей въ себѣ“, о которомъ мы ничего опредѣленнаго не знаемъ.²⁾ Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію области вѣры, а вмѣстѣ

---

¹⁾ Для Авенариуса же и его послѣдователей, „эмпирио-критицистовъ“, опытъ состоитъ *только* изъ ощущеній. См. его „Критику чистаго опыта“.

²⁾ Въ русской философской литературѣ противорѣчія Канта въ ученіи о „вещахъ въ себѣ“ ясно указаны въ сочиненіи проф. Е. А. Боброва „Изъ исторіи критическаго индивидуализма“. Казань, 1898.

съ тѣмъ ко второй критикѣ — „Критикѣ практическаго разума”.

Человѣкъ не удовлетворяется въ своей жизни одною наукою: въ немъ чаще и болѣе всего дѣйствуютъ запросы сердца. Главными же предметами, связанными съ этими запросами, являются Богъ, свобода и безсмертіе души. „Критика чистаго разума” доказала, что мы знаемъ только міръ явленій.

Слѣдовательно, о Богѣ, свободѣ и безсмертіи не можетъ быть знанія: теоретически, т. е. путемъ научныхъ доказательствъ нельзя ни доказать, ни опровергнуть существованія Бога, свободы и безсмертія. Остается только поэтому одинъ путь, на которомъ мы можемъ дойти до прочныхъ результатовъ: это — путь вѣры. Мы ничего не знаемъ о „вещахъ въ себѣ”; но за то есть основанія (о которыхъ рѣчь — впереди) для вѣры въ нихъ. Значитъ, наука и вѣра — двѣ совершенно различныя области человѣческой дѣятельности, независимыя другъ отъ друга: область науки — міръ явленій, область вѣры — міръ „вещей въ себѣ”. Ни та, ни другая не должны вмѣшиваться въ чужую область. Такъ примиряетъ Кантъ науку и вѣру; въ этомъ примиреніи нѣкоторые послѣдователи Канта видятъ главнѣйшую его заслугу.¹⁾ Но вѣра должна имѣть основанія, чтобы быть вѣрой основательною, а не мнимой. Каковы же основанія вѣры?

Для разрѣшенія этого вопроса нужно обратиться къ „Основоположенію къ метафизикѣ нравовъ” и къ „Критикѣ практическаго разума”, гдѣ Кантъ разсматриваетъ нравственный законъ и его особенности и строитъ практическое міросозерцаніе. Для рѣшенія вопроса о нравственномъ законѣ

---

¹⁾ Такъ думаетъ, напр., *Паульсенъ* во „Введеніи въ философію”, русскій переводъ, 1899 г., стр. 11, гдѣ онъ говоритъ: „настоящая точка обращенія въ философіи Канта состоитъ въ томъ, что знаніе и вѣра суть двѣ функціи, которыя, будучи обѣ заложены въ сущности человѣка, имѣютъ мѣсто одна возлѣ другой”.

Кантъ выясняетъ намъ „постулаты практическаго разума”, т. е. такія положенія нравственной дѣятельности, которыя нужно признать истинными, коль скоро обязательнъ нравственный законъ. Для установленія же постулатовъ необходимо прежде всего указать особенности, характеризующія нравственный законъ. Эти особенности выясняются при сравненіи послѣдняго съ законами природы. Законы природы говорятъ намъ всегда только то, что *есть* и будетъ совершаться, а не о томъ, чему слѣдуетъ быть; нравственный законъ выражаетъ повелѣніе, требованіе, и, какъ каковой, онъ является императивомъ, ибо онъ всегда говоритъ то, чему слѣдуетъ быть. Въ нѣмецкомъ языкѣ эта особенность выражается такъ: законы нравственные — это „*Gesetze des Sollens*”, т. е. законы долженствованія, а законы природы — это „*Gesetze des Müssens*”, т. е. законы необходимости. Но, кромѣ нравственныхъ законовъ, есть и другіе законы, которые также могутъ быть названы императивами. Сюда относятся, напр., правила благоразумія и техники. Но эти законы имѣютъ условный характеръ, такъ какъ они всегда указываютъ на то, какія средства намъ нужно употребить подъ тѣмъ условіемъ, если бы мы хотѣли достигъ для себя какой-нибудь пользы или избѣжать вреда. Нравственный же законъ указываетъ, чему слѣдуетъ быть безусловно, т. е. независимо отъ пользы или вреда. Поэтому нравственный законъ можетъ быть названъ категорическимъ, а остальные — гипотетическими законами. Устанавливая категорическій императивъ, т. е. такое правило нравственности, которое необходимо должно быть выполнено, хотя не всегда выполняется, Кантъ является однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ того направленія, которое называется „этикой императивной” или „этикой долга”.

Итакъ, отличіе законовъ нравственныхъ отъ естественныхъ установлено; указанъ также основной законъ нравственности. Теперь надо опредѣлить его основной характеръ по существу, указать на связь этого закона съ тремя постулатами практическаго разума и рѣшить, въ силу какихъ основаній

этотъ законъ необходимо долженъ выполняться. На это Кантъ отвѣчаетъ такъ. Никакая истинная нравственность невозможна безъ дѣйствительнаго существованія свободной воли разумнаго существа. Воля же называется свободной въ томъ случаѣ, если она независима отъ влеченій чувственнаго естества человѣка и вообще отъ механизма природы. Этотъ взглядъ, повидимому, противорѣчитъ одному изъ главныхъ положеній „Критики чистаго разума“, гласящему, что всякое явленіе природы, не исключая и человѣка, подчиняется закону причинности. Тамъ же, гдѣ господствуетъ причинность, не можетъ быть и рѣчи о свободѣ воли. Поэтому Канту предстоитъ задача — примирить причинность со свободой, механизмъ природы съ царствомъ цѣлей, и притомъ примирить такъ, какъ этого требовали его основныя философскіе принципы. Примиреніе это достигается слѣдующимъ образомъ. Совершенно справедливо, что надъ міромъ природы господствуетъ законъ причинности, и что человѣкъ, только какъ явленіе, столь же подчиненъ ему, какъ и всѣ другія явленія природы; будучи однимъ изъ явленій природы, человѣкъ необходимо подчиняется общему механизму природы, какъ всѣ тѣла и силы ея. Но человѣкъ не есть только явленіе природы: онъ гражданинъ двухъ міровъ — и міра природы, и міра вещей въ себѣ. Какъ вещь въ себѣ — человѣкъ свободенъ, т. е. не подчиненъ закону причинности, потому что послѣдній имѣетъ значеніе въ одномъ мірѣ, въ мірѣ явленій. „Свободы можно искать лишь у вещей въ себѣ, такъ какъ всѣ явленія подчинены закону причинности. Такимъ образомъ наше убѣжденіе въ свободѣ нашей воли реализируетъ понятіе вещей въ себѣ, которое для теоретической философіи остается всего только вѣроятнымъ. Наше нравственное самосознаніе показываетъ намъ, что мы — двойныя существа, и что наша жизнь движется на границѣ міра чувственнаго и міра сверхчув-

---

¹⁾ Вундельбандъ „Философія Канта“, пер. Н. Платоновой, стр. 134. С.-Петербургъ, 1895 г.

ственного.”¹⁾ Для Канта не существовало знанія нравственныхъ правилъ, но только убѣжденіе въ нихъ. Другими словами, убѣжденіе или вѣра въ нравственный законъ были краеугольнымъ камнемъ его практической философіи. Это значитъ, что, хотя мы и ничего не знаемъ о „вещахъ въ себѣ”, но наше нравственное вѣрованіе есть лучшая и вѣрнѣйшая гарантія ихъ существованія. „Кантъ доставилъ почетное мѣсто вѣрѣ, говоря, что наука не можетъ дать намъ міровоззрѣнія, что достовѣрность его всегда основывается на вѣрѣ, которая коренится въ волѣ.”¹⁾ Поэтому, согласно Канту, мы можемъ только вѣрить въ обязательность нравственного закона; а кто вѣритъ въ нее, тотъ необходимо долженъ вѣрить и въ то, что мы, какъ вещи въ себѣ, свободны. Свобода является однимъ изъ постулатовъ практическаго разума, такъ какъ безъ нея сама нравственность перестаетъ существовать. Это значитъ, что только тѣ поступки нравственны, которые совершаются свободно, безъ принужденія, ради самого нравственного закона. Поступки же, совершаемые по принужденію, въ нравственномъ отношеніи безразличны, ибо вынужденное добро не есть — добро нравственное. „Свобода, самодѣятельность, отвѣтственность за самого себя составляютъ условіе человѣческаго достоинства.”²⁾

Съ постулатомъ свободы связаны два другіе — безсмертіе души и существованіе Бога. Вѣдь нравственный законъ требуетъ нравственного совершенства, но оно въ жизни недостижимо; слѣдовательно, требованія нравственного закона могутъ быть выполнены лишь въ томъ случаѣ, если наша жизнь продолжится за предѣлы земного существованія. А такъ какъ ни природа, ни мы сами не можемъ гарантировать себѣ осуществленія совершенства, то необходимо допустить существованіе Бога, который обезпечилъ бы намъ какъ совершен-

---

¹⁾ „Иммануиль Кантъ, его жизнь и ученіе”, *Ф. Паульсена*, пер. Лосского, стр. 316, СПб. 1899.

²⁾ См. только что цитированное сочиненіе, стр. 335.

ство, такъ и загробную жизнь. Итакъ, вѣра въ нравственный законъ неразрывно связана съ тремя постулатами практическаго разума: свободой, безсмертіемъ и существованіемъ Бога.

Теперь надо рѣшить вопросъ, въ чемъ состоитъ основное свойство воли, независимой отъ механизма природы. Это свойство Кантъ называетъ „автономіей воли“. Подъ автономіей воли Кантъ разумѣетъ способность воли дѣйствовать по законамъ, которые воля сама же себѣ предписываетъ. Гетерономнымъ же называется законъ, навязанный волѣ извнѣ, будь-те ли это заповѣдь Бога, законъ природы или требованіе государства и общества. Чистота и независимость нравственнаго закона отъ опыта требуютъ, чтобы онъ былъ автономенъ. И только эта автономія, независимость извнѣ могутъ служить основой императивной этики, какова этика Канта; всякій другой законъ, законъ гетерономный, обосновываетъ лишь этику эвдемонистическую, основанную на счастья, блаженствѣ: эти послѣднія вѣдъ являются мотивами извнѣ. Итакъ, основной характеръ нравственнаго закона — его автономія. Но тогда естественно является вопросъ: въ силу чего мы должны слѣдовать закону, данному нашею собственной волею?

На это Кантъ отвѣчаетъ, что единственнымъ мотивомъ для исполненія нравственнаго закона является уваженіе къ нему, какъ къ закону, данному собственной волей. „Уваженіе къ нравственному закону есть единственное и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнное нравственное побужденіе къ исполненію закона; сознаніе свободнаго подчиненія воли закону, но соединеннаго съ неизбѣжнымъ побужденіемъ, которое оказывается при этомъ на всѣ склонности и только въ силу собственного разума, и есть это уваженіе къ закону“. ¹⁾ Въ связи съ автономіей нравственнаго закона находится различеніе поступковъ

---

¹⁾ Кантъ, „Критика практическаго разума“, пер. Н. М. Соколова, стр. 95 и 97. СПб. 1897.

легальныхъ и моральныхъ, различіе, играющее рѣшающую роль въ вопросѣ объ отношеніи права къ нравственности. Поступки, совершаемые изъ одного лишь уваженія къ нравственному закону, — Кантъ называетъ моральными, нравственными; поступки же, совершаемые хотя и въ согласіи съ нравственнымъ закономъ, но не въ силу уваженія къ нему, легальными. Въ связи же съ этимъ находится и то обстоятельство, что нравственный законъ является закономъ чисто-формальнымъ; за это главнымъ образомъ этика Канта и подвергалась значительнымъ нападкамъ. Формальный характеръ нравственного закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего этического ученія Канта, вытекаетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Нравственный законъ не предписываетъ ничего эмпирически опредѣленнаго, конкретнаго, такъ какъ опытъ всегда намъ говоритъ только то, что бываетъ, но не говоритъ того, что должно быть; показанія опыта случайны и не могутъ служить основаніемъ для нравственности, которая имѣетъ дѣло съ безусловными законами, хотя бы послѣдніе и не выполнялись людьми. Что же тогда предписываетъ нравственный законъ? Единственно, что онъ можетъ предписывать и требовать отъ насъ, состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы наши поступки имѣли законосообразную форму, т. е. чтобы они могли быть совершаемы всѣми безъ исключенія, такъ, какъ будто бы они вызывались законами природы. Сообразно съ этимъ Кантъ считаетъ нравственный законъ чисто-формальнымъ, предписывающимъ намъ одну лишь форму законосообразности нашихъ поступковъ: „поступай такъ, говоритъ онъ, чтобы максима твоего поступка, т. е. воплощенное въ немъ правило, могла сдѣлаться какъ бы всеобщимъ закономъ природы, т. е. дѣйствующимъ во всѣхъ безъ исключенія разумныхъ существахъ”. Такимъ образомъ единственный принципъ нравственности состоитъ именно въ независимости отъ всякаго опытнаго матеріала, подобно тому какъ несомнѣнное и достовѣрное знаніе дается разумомъ независимо отъ опыта; независимость же отъ опыта не даетъ никакого содержанія, а только форму нравственности. Но нравственный законъ

не есть нѣчто совершенно обособленное отъ людей: нравственный законъ долженъ имѣть что-либо своимъ объектомъ.

Такими объектами являются добрая и злая воля. Самъ по себѣ поступокъ ни хорошъ, ни золъ, но хороша или зла та воля, которая поступокъ вызываетъ. Только добрая воля даетъ намъ знать, что такое долгъ. Безъ нея нѣтъ ни долга, ни обязанностей! „Долгъ”, говоритъ Кантъ ¹⁾, „ты—возвышенное, великое слово, такъ какъ въ тебѣ нѣтъ ничего угодливаго, что льстило бы людямъ; ты ставишь законъ, который самъ проникаетъ въ душу и противъ воли возбуждаетъ уваженіе къ себѣ; долгъ — это то великое, что возвышаетъ человѣка надъ самимъ собой, что соединяетъ его съ порядкомъ вещей, который разсудокъ можетъ только мыслить; это — ничто иное, какъ личностность, т. е. свобода отъ механизма всей природы; поэтому не слѣдуетъ удивляться, если человѣкъ, какъ принадлежащій двумъ мірамъ, долженъ смотрѣть на свое собственное существо по отношенію къ своему второму и высшему назначенію съ уваженіемъ — и съ величайшимъ уваженіемъ долженъ смотрѣть на его законъ”. Итакъ, нравственный законъ предписываетъ уваженіе къ самому себѣ; но этимъ самымъ онъ вынуждаетъ у насъ безусловное уваженіе къ носителямъ нравственного закона, т. е. къ другимъ личностямъ. Слѣдовательно, онъ требуетъ, чтобы каждый изъ насъ относился ко всякому другому лицу безъ исключенія какъ къ чему-то цѣнному само по себѣ, т. е. къ чему-то такому, что не можетъ быть разсматриваемо только, какъ средство (которое могло бы быть замѣнено другимъ средствомъ), но какъ ничѣмъ не замѣнимая цѣль. Тогда формула нравственности превращается въ формулу, которую толкователи Канта называли формулой „охраненія человѣческаго достоинства”. Она гласитъ: „поступай такъ, чтобы человѣкъ, какъ въ твоёмъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, никогда не

---

¹⁾ Кантъ, „Критика практическаго разума”, пер. Соколова, стр. 104.

служилъ только средствомъ, но всегда цѣлью, цѣнной сама по себѣ". Критика практическаго разума заканчивается слѣдующими возвышенными словами ¹⁾: „двѣ вещи наполняютъ душу всегда новымъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, которыя поднимаются тѣмъ выше, чѣмъ чаще и настойчивѣе занимается ими наше размышленіе, — это звѣздное небо надъ нами и моральный законъ въ насъ. Первый взглядъ на это безчисленное множество міровъ какъ бы уничтожаетъ мое значеніе; второй, напротивъ, бесконечно возвышаетъ мое значеніе черезъ мою личность, въ которой нравственный законъ открываетъ мнѣ жизнь, независимую отъ всего чувственнаго міра, поскольку это можно видѣть изъ цѣлесообразнаго назначенія моего существованія черезъ этотъ законъ, который не ограничивается условіями и границами этой жизни”.

Таковы главныя черты этики Канта. Она вернула то, что разрушила теорія познанія: реальность Бога, свободы, безсмертія. Она показала, что причинность исключена изъ міра вещей въ себѣ, гдѣ господствуетъ свобода.

Причинность и свобода — понятія несовмѣстимыя. Нельзя-ли ихъ примирить? Отвѣту на этотъ вопросъ посвящена „Критика способности сужденія”. Она изслѣдуетъ принципы цѣлесообразнаго и прекраснаго.

Способность сужденія есть та способность, посредствомъ которой мы подводимъ частное подъ общее. Поэтому каждый частный предметъ она разсматриваетъ въ его отношеніи къ общему правилу и, такъ какъ изъ этого общаго правила вытекаетъ и основаніе для каждаго частнаго явленія, то она въ каждомъ предметѣ ищетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основанія для него. Такое же понятіе о предметѣ, въ которомъ содержится вмѣстѣ и основаніе для дѣйствительности его, есть цѣль, а въ полномъ согласіи вещи съ ея основаніемъ или цѣлью и состоитъ ея цѣлесообразность. Разсматривая предметы природы:

---

¹⁾ См. только что цитированное сочиненіе Канта, стр. 191, заключеніе.

съ точки зрѣнія цѣлесообразности, способность сужденія приписываетъ природѣ сознательныя намѣренія; она смотритъ на нее какъ на художника, который своей дѣятельностью хочетъ осуществить опредѣленные цѣли. Цѣлесообразность же можетъ быть двоякая: реально цѣлесообразенъ предметъ, если онъ согласуется со своей сущностью или со своимъ назначеніемъ; формально же или субъективно цѣлесообразенъ предметъ, если онъ соотвѣтствуетъ природѣ нашей познавательной способности. Тогда предметъ называется *прекраснымъ*.

Эстетика должна опредѣлить сущность и свойства прекраснаго и его отличіе отъ родственныхъ ему явленій. При этомъ необходимо замѣтить, что эстетика Канта метафизическая, такъ какъ она исходитъ изъ извѣстныхъ апріорныхъ положеній, чтобы отъ нихъ дойти до истиннаго опредѣленія свойствъ прекраснаго; она не имѣетъ ничего общаго съ новѣйшими попытками эстетики фізіологической. Прекрасное, согласно Канту, нужно отличать отъ истиннаго, полезнаго, совершеннаго, добраго, возвышеннаго, пріятнаго. Истинно все то, что является предметомъ познанія; прекрасно все то, что является предметомъ удовольствія, а не познанія. Полезно все то, что заключаетъ въ себѣ внѣшнюю цѣлесообразность; прекрасное же — цѣлесообразность формальная, субъективная; совершенно все то, что заключаетъ въ себѣ внутреннюю цѣлесообразность; прекрасное же нравится только своей формой, безъ отношенія къ цѣли; доброе — все то, что имѣетъ объективную всеобщность: прекрасное имѣетъ всеобщность субъективную; пріятное не имѣетъ вовсе всеобщности, вслѣдствіе безчисленнаго множества чувственныхъ склонностей: прекрасное же — субъективно всеобщее. Возвышенно все то, что необозримо велико; математически возвышенно все то, что превышаетъ мѣру созерцанія, напр., океанъ и небо; динамически возвышенно все то, что преодолеваетъ всякое возможное сопротивленіе, напр., пожаръ, ураганъ, гроза. Видъ возвышеннаго вызываетъ идею безконечнаго; безконечное же мы не можемъ созерцать, но можемъ его мыслить: прекрасное нами созерцается, но не мыслится.

Посредствомъ всѣхъ этихъ сравненій выясняется природа прекраснаго: прекрасно все то, что у всѣхъ вообще и необходимо вызываетъ одной своей формой, т. е. цѣлесообразностью безъ представленія цѣли — удовольствіе чистое, безкорыстное, незаинтересованное. Прекрасное встрѣчается въ природѣ и въ искусствѣ: прекрасное въ природѣ — это прекрасная вещь, а прекрасное въ искусствѣ — прекрасное представленіе вещи. Для сужденія о прекрасномъ достаточно обладать вкусомъ; для воспроизведенія его необходимъ геній, природное дарованіе, признаками котораго являются оригинальность, непосредственность и образность. Геній творитъ инстинктивно, не сознавая процесса своего творчества и, слѣдовательно, не будучи въ состояніи описать хода своего творчества. Только въ искусствѣ талантъ производитъ то, чего нельзя выучить, тогда какъ въ наукѣ открываютъ то, что можетъ быть изучено по правиламъ. Геній — способность эстетическихъ идей, идеи же творятся воображеніемъ. Въ поэзіи, наивысшемъ изъ искусствъ, дается наибольшій просторъ воображенію.

Вотъ три основныхъ мысли Канта, касающихся теоріи познанія, этики и эстетики. Къ нимъ необходимо еще присоединить взгляды Канта на религію и естественныя науки, такъ какъ его религіозное ученіе дополняетъ этику, а естественно-научныя теоріи практически доказываютъ правильность его взглядовъ на знаніе и опытъ.

Для изложенія его взглядовъ на религію нужно рассмотреть его сочиненіе „Религія въ границахъ одного только разума“. Основныя мысли этого сочиненія слѣдующія. Религія называется естественною тогда, когда человѣкъ узнаётъ сначала, что такое долгъ, и потомъ уже считаетъ этотъ долгъ божественнымъ предписаніемъ; религія же откровенная считаетъ извѣстныя правила поведенія долгомъ человѣка потому, что они имѣютъ божественное происхожденіе. Религія поддерживается церковью. Церковь по своей сущности есть общество для совершеннѣйшаго выраженія нравственныхъ пра-

вилъ. Слабости же человѣческой природы дѣлають необходимой историческую церковную вѣру. Однако эта церковная вѣра имѣеть значеніе только, какъ средство для цѣли, и чѣмъ болѣе она переходитъ въ разумную вѣру, основанную на чистотѣ нравственнаго настроенія, тѣмъ болѣе перевѣсъ получаетъ нравственность надъ догматами, и тѣмъ болѣе церковь приближается къ своему совершенству. Догматъ имѣеть значеніе только тогда, когда въ немъ есть нравственное содержаніе; также историческая часть Библіи должна быть разсматриваема только съ нравственной точки зрѣнія, и разумъ имѣеть полное право на истолкованіе Библіи. Поэтому не нравственность основана на религіи, а наоборотъ сама религія должна имѣть свое основаніе въ нравственности. Исторія религій есть процессъ постепеннаго развитія нравственнаго просвѣщенія.

Изъ разсмотрѣнія взглядовъ Канта на религію явствуетъ, что и въ религіи онъ придавалъ первенствующее значеніе апріорнымъ, независящимъ отъ опыта положеніямъ, какъ въ теоріи познанія и этикѣ.

Кромѣ нравственнаго закона, другимъ предметомъ, достойнымъ человѣческой мысли, какъ полагалъ Кантъ, является звѣздное небо надъ нами. И то, что глаза Канта, отыскавшіе глубокое основаніе нравственной дѣятельности въ сердцѣ, умѣли видѣть ясно и чудеса звѣзднаго міра — это доказывается т. наз. Канто-Лапласовой теоріей образованія міра. Въ сочиненіи „Всеобщая естественная исторія и теорія неба” Кантъ попытался объяснить изъ чисто механическихъ принциповъ происхожденіе нашей планетной системы. Сорокъ лѣтъ спустя Лапласъ въ своемъ сочиненіи „*Exposition du système du monde*” выставилъ подобную же теорію. „По мнѣнію Гельмгольца, изложенному въ его „*Vorträge und Reden*”, эта Канто-Лапласова теорія пріобрѣла въ настоящее время еще болѣе вѣроятности, благодаря современнымъ утонченнымъ средствамъ наблюденія и даннымъ

спектральнаго анализа ¹⁾). Свою теорію Кантъ выставилъ въ связи со своимъ взглядомъ на значеніе математики для естественныхъ наукъ. Для Канта естествовѣдѣніе представляетъ простой комплексъ наблюдений, если положенія его не приведены къ математическимъ принципамъ. Въ своемъ сочиненіи „*Метафизическія основы естественныхъ наукъ*” онъ самъ сказалъ, что каждая наука лишь въ той мѣрѣ научна, въ какой къ ней примѣняется математика. Съ этой цѣлью Кантъ въ вышеуказанномъ сочиненіи установилъ главные математическіе законы, которые лежатъ въ основаніи естественныхъ наукъ, но которыхъ, ввиду ихъ спеціального характера, мы здѣсь касаться не можемъ. Исторія же появленія Канта-Лапласовой теоріи образованія міра и сама эта теорія слѣдующія. Ньютонъ, открывшій законъ всемірнаго тяготѣнія, считалъ невозможнымъ механическое образованіе всего мірозданія, такъ какъ, по его мнѣнію, весь порядокъ міра и самъ міръ устроены непосредственно рукой Божіей безъ примѣненія силъ природы. Кантъ же рѣшилъ провести механическое объясненіе природы до конца и потому говоритъ: „*gebt mir Materie, ich will eine Welt daraus bauen, d. h. ich will zeigen, wie eine Welt daraus entstehen soll*” ²⁾, т. е. „дайте мнѣ матерію, и я изъ нея построю міръ”. Міръ этотъ образовался такъ. Въ первобытномъ состояніи, предшествующемъ образованію міра, вещество разсѣяно въ видѣ хаоса, который представляетъ изъ себя космическій туманъ,

---

¹⁾ См. *Jerusalem* „Kants Bedeutung für die Gegenwart”. Wien und Leipzig. 1904. Страница 5. — Эта только что вышедшая книжка представляетъ рѣчь, произнесенную въ Вѣнскомъ философскомъ обществѣ въ день столѣтняго юбилея Канта проф. Іерузалемомъ, который рѣшаетъ здѣсь вопросъ, какія изъ идей Канта имѣютъ значеніе и для настоящаго времени.

²⁾ Kants „Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels”, herausgegeben von Kehrbach, Leipzig, Universal Bibliothek, s. 14.

подверженный дѣйствию силъ отталкиванія и притяженія. Подъ вліяніемъ первой — элементы хаоса разъединяются, а подъ вліяніемъ второй — скопляются. Эти скопленія дѣлаются центрами, ядрами туманности, притягивающими со всѣхъ сторонъ болѣе легкіе элементы, при чемъ ни одинъ элементъ никогда не приходитъ въ состояніе покоя, такъ какъ этому мѣшаетъ сила отталкиванія. Борьба этихъ силъ производитъ и поддерживаетъ долговременную жизнь природы. Образующійся въ какомъ-либо мѣстѣ громаднѣйшій шаръ вслѣдствіе непрерывнаго вращенія накаляется; жаръ, происходящій отъ тренія вращающихся массъ, производитъ огонь. Его питаютъ и поддерживаютъ постоянно притекающіе болѣе легкіе элементы; такъ возникаетъ солнце, планеты и др. небесныя тѣла.

На этомъ мы заканчиваемъ изложеніе философіи Канта. Философія его многими оспаривается, а заблужденія его считаются значительными. Но это общая судьба ученій, оставившихъ слѣдъ въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ. Великія системы цѣнны не всегда своими положительными результатами: иногда и заблужденія ихъ поучительны. То, что несомнѣнно велико въ Кантѣ, — это самобытность и сила его мысли; онъ великъ тѣмъ, что съ громадною глубиной философскаго мышленія соединилъ широту естественно-научной точки зрѣнія. Эта самобытность и сила мышленія Канта прекрасно выражены въ слѣдующихъ словахъ современнаго нѣмецкаго историка философіи — Виндельбанда ¹⁾, которыми мы и заключимъ нашу рѣчь. „Кантъ никогда не зналъ счастья, которое испытываетъ геній отъ соприкосновенія съ родственными ему умами. Никогда, какъ ученикъ, онъ не сидѣлъ у ногъ выдающагося человѣка, и изъ тѣхъ личныхъ поощреній, которыя онъ испыталъ въ своемъ развитіи, ни одно непосредственно не обусловило его истин-

---

¹⁾ *Виндельбандъ „Философія Канта“, пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, СПб. 1895 г., стр. 5.*

наго назначенія. За то тѣмъ величественнѣй выдѣляется онъ изъ окружающей его обстановки; себѣ самому главнымъ образомъ обязанъ онъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ. Надъ міромъ его мышленія носится свѣжее дыханіе самобытности. Изъ нѣдръ своего уединенія въ оригинальной формѣ создаетъ онъ — мысли, которыя производятъ переворотъ въ эпохѣ, и доказываетъ, что можно знать міръ, не видѣвъ его, — если носишь его въ себѣ”.

В. Фляксбергъ.

Къ долговому вопросу въ Римѣ¹⁾.

Единственно вѣрную точку отправленія для правильнаго пониманія исторіи какого-нибудь народа, его языка, права и правовыхъ отношеній надо искать въ далекомъ прошломъ²⁾.

Вниманіе филологовъ, историковъ и юристовъ неизмѣнно приковывается къ отдаленнѣйшимъ періодамъ исторіи народовъ, и никогда не ослабнетъ интересъ къ изученію памятниковъ, отразившихъ въ себѣ характернѣйшія черты сѣдой старины. Русская Правда, Салическій Законъ, Моисеево Законодательство, Сборникъ Грагасъ, Гортинскіе законы, а для романиста XII *tabulae* будутъ вѣчной книгой: въ ней изслѣдователь остатковъ старины прочтетъ по мѣткому опредѣленію Цицерона *verborum vetustatem priscam et actionum genera*

---

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 17-го апрѣля 1904 г.

²⁾ См. А. Гусановъ, Деликты и договоры, какъ источники обязательствъ М., 1896 г., стр. 5—6.

quaedam ¹⁾), познаетъ жизнь и обычаи предковъ, — она источникъ всякаго публичнаго и частнаго права.

Въ особо исключительно благоприятномъ положеніи находятся тѣ, кто занимается „долговымъ вопросомъ въ Римѣ“. Для нихъ благодаря трудамъ Авла Геллія сохранена чуть ли не цѣликомъ одна ²⁾ изъ таблицъ — третья по системѣ Дирксена ³⁾). Но, несмотря на всю кажущуюся скудость матеріала и несмотря на вотъ уже вѣковую разработку самоотверженно собиравшихъ отдѣльные фрагменты, подвергавшихъ ихъ научной критикѣ и прокладывавшихъ всё новые и новые пути смѣлыхъ комбинацій и остроумныхъ реконструкцій, литература ⁴⁾ всё болѣе и болѣе разрастается, между тѣмъ источники всё болѣе и болѣе уменьшаются, а контроверзы остаются контроверзами и ждутъ своего безпристрастнаго изслѣдователя.

По мѣткому мнѣнію Отто, раздѣляемому лучшими изслѣ-

¹⁾ *Plurima est... in XII tabulis antiquitatis effigies, quod et verborum vetustas prisca cognoscitur et actionum genera quaedam majorum consuetudinem vitamque declarant* [Cic. de or. 1, 43; 193].

²⁾ О подраздѣленіи XII таблицъ въ древности сохранились свѣдѣтельства древнихъ: Cic. De leg. 11, 25, 64; Liv. III, 57, 10; Dion. H. A. R. II, 27. Fest. (seu Pauli epitome) v. Reus, 372. Относительно вопроса о двухъ обнародованіяхъ уложенія децемвировъ, первоначальномъ и позднѣйшемъ, см. **Б. Никольскій**, Система и текстъ XII таблицъ, стр. 73 § 39.

³⁾ Cf. **R. Schoell**, *Legis duodecim tabularum reliquiae*, с. III, p. 70: *tutissimum visum est et aptissimum Dirkseni ordinem retinere et subtiliter excogitatum et probabiliter observatum*. Вообще же надо отмѣтить, что система Дирксена по отношенію къ третьей таблицѣ мало разнится отъ системы Годфруа, Космана, Шелля, Брунса, Фойгта, Гудвина и Никольскаго. См. **Б. Никольскій**, XII таблицъ, сводный текстъ отрывковъ XII таблицъ, СПб. 1897. „Сравнительные указатели изданія XII таблицъ“, стр. 146 — 155.

⁴⁾ См. „Введеніе“ у **А. Гусакова**, Деликты и договоры V — VI. Явленіе столь знаменательное, что пр. Гусаковъ, основываясь на немъ, рѣшился утверждать, что есть памятники законодательства, есть во

дователями XII таблицъ Дирксеномъ и Шеллемъ ¹⁾, XII tabulae никогда не будутъ, возстановлены такъ, чтобы не осталось чего-нибудь для трудолюбія изслѣдователя ²⁾.

Однимъ изъ наиболѣе острыхъ контроверзовъ, особенно въ виду важности его для исторіи долгового вопроса, остается до сихъ поръ знаменитый законъ:

Uincito aut neruo aut compedibus. Quindecim pondo ne minore aut si uolet maiore uincito. Si uolet suo uiuito. Ne suo uiuit, qui eum uinctum habebit, libras farris endo dies dato. Si uolet plus dato ³⁾.

Контроверзь въ сущности сводится къ тому или иному пониманію.

Quindecim pondo ne minore aut si uolet maiore uincito.

Здѣсь толкователь встрѣчается съ затрудненіями принципиальнаго характера. Онъ становится лицомъ къ лицу съ фактомъ, научное разрѣшеніе котораго, помимо ближайшей чисто филологической задачи — установленіе возможно истиннаго текста даннаго закона, — призвано отмѣтить новую черту въ основномъ характерѣ древняго римскаго права и повести, быть можетъ, къ новому коренному пересмотру XII та-

просы исторіи права, которые отступаютъ на задній планъ передъ литературой, имъ посвященной... къ числу ихъ принадлежатъ XII tabulae. Но едва-ли это такъ. Не правильнѣе ли мнѣніе Германа Петера „Veterum Historicorum Romanorum Reliquiae“, Lipsiae 1870 г. Prolegomenon I p. III—IV Adn. 1: *Ego in tanta testimoniorum inopia, tanta opinionum et conjecturarum abundantia certissima quaeque malui proponere, quam haerere in multorum inventis refutandis.* Cp. Mommsen, Berichte der Sächs. Gesellsch. d. Wiss., phil.-hist. kl., 1853, p. 133 sq. и R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. c. III p. 57.

¹⁾ R. Schoell, Prolegomena, c. I. p. 20—21. Atqui ne ipse (sc. Dirksenius) rem absoluit nec voluit absolvere.

²⁾ Scaliger, Scaligerana, p. 144 sq. Nullus est qui de legibus XII tabularum quidquam docere me possit, ne Cujacius quidem, qui non inficiabitur me illi multa de iis indicasse, quae hactenus eum latuerant.

³⁾ A. Gellius, N. A. XX, 1, 45 [M. Hertz].

блиць, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ ихъ частяхъ, которыя трактуютъ о долговыхъ обязательствахъ. Вопросъ въ наукѣ стоитъ такъ: могъ ли имѣть мѣсто въ римскомъ правѣ (да и въ какомъ бы то ни было правѣ) подобный законъ, устанавливающий минимумъ экзекуціи и тѣмъ самымъ какъ бы предоставляющій самый широкій просторъ для произвола? Какъ могъ создаться подобный законъ? Если такова буква закона, то каковъ его духъ?

Такъ въ *Fontes Juris Romani* ¹⁾ данный законъ сопровождается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „традиціонное чтеніе *minor-majore* отстаиваетъ Пухта; по мнѣнію большинства текстъ испорченъ и требуетъ исправленія”. Ограничась этой замѣткой, издатели безъ всякой мотивировки принимаютъ традиціонное чтеніе въ своемъ текстѣ, и этимъ самымъ, хотя и косвенно, соглашаются съ мнѣніемъ Пухты.

Такимъ образомъ и Моммзенъ, чуть ли не создавшій эпиграфическую науку, по крайней мѣрѣ съ такимъ общепризнаннымъ остроуміемъ прочитавшій множество надписей, въ данномъ случаѣ вопреки своему обыкновенію уклонился отъ выраженія своего мнѣнія; да и вообще справедливость требуетъ того, чтобы не осталось неотмѣченнымъ, что замѣчаніе авторитетнѣйшихъ издателей „F. I. R. A.”, погрѣшая противъ истины, способно ввести въ заблужденіе всякаго, кто не занимается специально *даннымъ* вопросомъ. Спрашивается, въ какой мѣрѣ одинокъ Пухта со своимъ мнѣніемъ, а съ другой стороны, такъ ли блестяща теорія Пухты, чтобы приводить ее *a potentiore*? Во всякомъ случаѣ, почтенный ученый могъ бы и не повторять нѣсколько уклончиваго и завѣдомо неправильнаго мнѣнія Брунса, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ го-

---

¹⁾ C. G. Bruns, *Fontes Juris Romani Antiqui*. Ed. VI cura *Theodori Mommseni et Ottonis Gradenvitz*. С. II р. 15 sq. Кому собственно принадлежит данное замѣчаніе, Брунсу или Моммзену, въ данномъ случаѣ неособенно важно. Во всякомъ случаѣ Моммзенъ повторилъ его въ своемъ VI изданіи.

ворить, что за рѣдкими исключеніями, вызванными чисто-юридическими соображеніями, онъ слѣдовалъ Дирксену и Шеллю ¹⁾. А между тѣмъ Шелль, какъ мы увидимъ далѣе, въ нашемъ вопросѣ держится діаметрально противоположнаго мнѣнія: онъ является сторонникомъ Куяція.

Во всякомъ случаѣ въ свидѣтельствѣ Моммзена-Брунса одно несомнѣнно: предлагаемыя поправки къ исправленію даннаго текста оказались недостаточно убѣдительны; иначе издатели „F. I. R. A.“ не удержали бы у себя традиціоннаго чтенія, и вопросъ относительно пониманія требованія закона „*ne minore aut si uolet majore uincito*“ остается такимъ образомъ открытымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у непредубѣжденнаго критика естественно является рядъ вопросовъ: чѣмъ вызывается ясная до очевидности потребность исправленія текста? Не представляется ли нелѣпымъ данный законъ съ точки зрѣнія чисто филологической? Заподозривается дипломатическая достовѣрность текста? Грамматически не возможенъ? Представляетъ ли онъ собою филологическій анахронизмъ? Не соотвѣтствуетъ „децемвиральному слогу“ ²⁾, или не мыслимъ

---

¹⁾ См. F. I. R. A. Cap. II p. 15: Qui vero nostra aetate inde a saeculo XVI colligendis et restituendis XII tabularum reliquiis operam dederint scriptores enarravit H. Dirksenius, Uebersicht der bisherigen Versuche zur Herstellung des Textes der XII Tafeln 1824. Qui etiam rationem et viam, quae esset ingredienda, novam constituit tantaque eruditione absolvit, ut omnes qui post eum XII tabulas ediderunt, in eo substituerint pauca addentes vel emendantes. Quod unum libro deest, ut legitima XII tabularum verba, si quae tradita nobis sunt, ex artis philologicae ratione sub examen revocarentur, id scite perfecit Schoellius, *quem paucis locis exceptis ex juris ratione diiudicandis secutus sum*. [Курсивъ нашъ.]

²⁾ Терминъ, принятый у изслѣдователей XII tabularum. При научной разработкѣ текста XII задача изслѣдователей, какъ извѣстно, главнымъ образомъ сводилась къ опредѣленію, что принадлежитъ собственно законодателю и что было внесено отъ себя писателемъ, сохранившимъ до насъ тотъ или иной законъ. Въ результатъ устанавли-

съ точки зрѣнія чисто юридической? Или же наконецъ вообще логически онъ не возможенъ?

Напрасно мы стали бы искать отвѣта у Моммзена: увѣренность въ необходимости исправленія текста освящена вѣками, и какъ своего рода *ῥητόν* передается отъ одного поколѣнія ученыхъ къ другому. Еще знаменитый Cujas въ своихъ *Observationum et emendationum* l. XXVIII во имя *humanitatis* („ac si ea in re lex omnem humanitatem tolleret“) на основаніи *своей извѣстной древней рукописи* ¹⁾ предлагалъ весьма простое разрѣшеніе даннаго контроверза: переставить *minore* и *maiore* одно на мѣсто другого, и контроверзъ разрѣшенъ — „не больше, а если хочешь, меньше!“

Доказательства также весьма просты: 1) Прежде неправильно понимали данный законъ. 2) Словами *maiore-minore* законодатель имѣлъ въ виду обуздать произволъ кредитора. 3) Законъ имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ „*bona*“ (имущество), а не *corpus* (тѣло) должника. 4) Все остальное, что не согласуется съ *scriptura vulgata*, не вызываетъ особыхъ сомнѣній ²⁾.

вался (конечно, лишь съ нѣкоторой нравственной достовѣрностью) „децемвиральный слогъ“—„*artes decemviraliter loquendi*“. Cf. „*De XII Tabularum Reliquiis Constituendis*“ c. IV p. 73. (Schoell): „*At enim continuo discernendum est, quid legi debeatur, quid scriptori*“, и „*quod cum in quibusdam certo definire sane periculosum est, tum confundi justo saepius video*“. (Ibidem). Интересно сравнить *Incertae sedis fragmenta* 12 [правда, подлинность его заподозривается]: *Sidonius Apollinaris*, Ep. VIII 6 *Per ipsum fere tempus, ut decemviraliter loquar...* (у Шелля стр. 164).

¹⁾ *Jacobi Cujacii I. C. Praeclarissimi observat. et emendationum* l. XXVIII *Coloniae Agrippinae* M.D.XCVIII observ. lib. III: *De tempore faciendi judicati et restituta lex quaedam XII tabularum* Cap. XXXIX, p. 139; *Verba legis XII tab. quia valde apud Gellium depravata sunt, ex antiquo & fidei exemplari proponā*. Cf. R. Schoell, *Leg. duod. tab. rel.* p. 122 Adn. 1. И особенно A. Gell. N. A. M. Hertz p. 449 и p. 197.

²⁾ *Ne majore, aut si volet minore quibus verbis dantur freti impotentiae creditorum ut ne majore possint vincere, minore, si velint, ut pos-*

Теорія Куяція, очевидно, является дѣтищемъ своего времени: она вся проникнута его духомъ и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ современнаго ей научнаго состоянія. Она дитя рационализма, обсуждавшаго преданіе *ex ratione*, а время тогда было время великаго гуманизма, и *ratio* фиксировалось въ *ratio humanitatis*, одухотворявшаго и подвигавшаго лучшихъ людей того времени на созданіе грандіознѣйшихъ трудовъ. Вотъ почему Куяцій, замѣчательный юристъ, равно какъ и превосходный филологъ, по интенсивности и продуктивности своей научной дѣятельности долженъ быть поставленъ на ряду съ самимъ Моммзеномъ. Понятно, почему мнѣніе Куяція, несмотря на всю его догматичность, должно было встрѣтить самый благосклонный приѣмъ у современниковъ ¹⁾. Но оно далеко пережило и самого творца и, перенесенное черезъ рядъ вѣковъ, нашло себѣ приверженцевъ даже среди ученыхъ новаго времени.

Такъ А. Шweglerъ, приведя рукописное преданіе, категорически высказывается за перестановку *majore* и *minore* одно на мѣсто другого. Этого требуютъ „внутреннія основанія“, особенно же непосредственно слѣдующее *si uolet plus dato* ²⁾. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Шweglerъ

sint. Quod nō frustrā adieitur: nam & cū possent latitantis bona distrahere, id s. c. adjectum similiter legimus, ut si velint honestius bona vacuare curatorem constituent. l. ejus. D. de cur. fur. & paulo post, set si velint plus libra prebeant. Antea perperam legebatur, *Ne minore, aut si uolet majore*, ac si ea in re lex omnem humanitatem tolleret. Cetera, quae a vulgata scriptura discrepant, satis patent. Ibidem.

¹⁾ Знаменитое сужденіе Скалигера [Scaliger, Scaliger. p. 144] служить лучшимъ показателемъ, чѣмъ былъ Куяцій для своего времени. Характерно и свидѣтельство Шелля [R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. p. 20].

²⁾ Römische Geschichte von Dr. A. Schwegler nach des Verfassers Tod. herausg. von Dr. F. F. Baur. Tübingen 1858, s. 37. Die grosse Mehrzahl der Handschriften hat ne minore aut si uolet majore; aber innere

ссылается на изслѣдованія Дирксена и Гүшке. П. Виллемсъ, удерживая рукописное чтеніе, всё же склоненъ считать болѣе правдоподобнымъ чтеніе Куяція ¹⁾. Б. В. Никольскій въ своей диссертациі ²⁾ принимаетъ, повидимому, точку зрѣнія Швиглера: онъ считаетъ уже несомнѣннымъ, что такъ предусмотрительно обошелъ молчаніемъ самъ Куяцій, и что Виллемсъ съ присущей ему осторожностью отнесъ лишь къ разряду *Verisimilia*. „Не можетъ быть сомнѣнія“, пишетъ почтенный ученый, „что переписчики переставили слова *ma-jore et minore* (все равно переписчики ли Геллія, или переписчики списка XII таблицъ, бывшаго въ рукахъ Геллія). Очевидно законъ стѣснялъ не состраданіе, а жестокость” ³⁾. Конечно „переставилъ переписчикъ“, „описка“ и тому подобные методологическіе приемы весьма заманчивы. Но всегда ли „болѣе легкое“ чтеніе предполагается подлиннѣе „болѣе труднаго“? Если становиться на путь предположеній и вѣроятій, то не съ бѣльшимъ ли правомъ слѣдовало бы предположить какъ разъ наоборотъ и, если говорить о вольныхъ и невольныхъ перестановкахъ, то не съ меньшимъ во всякомъ

Gründe fordern durchaus, besonders in Betracht des gleich folgenden si volet plus dato, die Umstellung der Worte majore und minore, wofür sich auch Dirksen Zwölftafelfragm s 249 und Huschke Recht des Nexum s 83 Anm. 100 erklärt haben.

¹⁾ Le droit public Romain depuis la fondation de Rome jusqu'a Justinien ou les Antiquités Romains *par P. Villemis*, IV édition. Louvain 1880 p. 100 adn. 5: *Cujacius* a proposé de lire: Ne majore aut si volet minore vincito, ce qui semble plus vraisemblable.

²⁾ Б. Никольскій, система и текстъ XII таблицъ, стр. 243.

³⁾ „А затѣмъ (пишетъ почтенный ученый) фраза „si volet minore vincito“ безусловно совпадаетъ по конструкціи со словами si volet plus dato, а потому намекаетъ и на построеніе предшествующаго ей закона, которому является ограниченіемъ. Если затѣмъ выкинуть подозрительныя aut, то и получится наше чтеніе: vincito nervo compredibusve XV pondо si volet, minore vincito“... Б. Никольскій, „Система и текстъ XII таблицъ, стр. 243.

случаѣ правомъ надо признавать „намѣренную замѣну труднаго болѣе легкимъ”.

Также и Р. Шелль, *Legis Duodecim Tabularum Reliquiae*, принимаетъ чтеніе Куяція, помѣщая его въ своемъ текстѣ и приводя конъектуры противнаго лагеря въ сноскѣ; собственнаго мнѣнія онъ не высказываетъ, вѣроятно, слѣдуя своему излюбленному принципу „*in jure prorsus incerta prae-stat parcere conjecturis*” ¹⁾.

Противъ Куяція выступилъ Puchta ²⁾. Въ главѣ объ Execution (F) CLXXIX — § 179 — i онъ говоритъ „Man erwartet eher: ne majore a. s. v. minore, und so hat Cujacius aus einer Handschrift ³⁾ verändert. Dass das Gesetz das Minimum des Fesselgewichts bestimmt hatte, hält man für unwahrscheinlich, aber dann müsste man auch das Gebot vincito unwahrscheinlich finden...” ⁴⁾

Но на этотъ разъ почтеннаго ученаго покинуло присущее ему вдумчивое проникновеніе въ источники, и онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы похвастаться особенно счастливой формулировкой и мотивировкою своего мнѣнія. Его критика Куяція чрезвычайно проста. Онъ взываетъ къ строгой послѣдовательности: если быть логичнымъ, то надо быть логичнымъ до конца, если считать невѣроятнымъ *minimum* „тяжести оковъ”, то и самое требованіе закона: „сковать его”! надо считать столь же невѣроятнымъ. Затѣмъ слѣдуетъ выясненіе смысла закона. Законъ вовсе не имѣетъ намѣренія принудить кредитора къ какимъ бы то ни было репрессаліямъ. Его оковы — ein bloss illusorisches Fesseln. Для приданія бѣль-

¹⁾ R. Schoell, *Leg. duod. tab. rel. Lips.* 1866, c. III p. 59.

²⁾ *Geschichte des Rechts bei dem Römischen Volk*, 8 Aufl., nach dem Tode des Verfassers besorgt von Paul Krüger, 1875 S. 551—552.

³⁾ Ille liber Cujacii. V. I. Cujacii Obs. et em. l. XXVIII p. 138 — 139. Cf. Hertz A. Gell. N. A. XX p. 449.

⁴⁾ См. Schwegler R. G. 4 p. 37 „Schuldrecht der 12 Tafeln”, adu. 4.

шей убѣдительности своему взгляду Пухта прибѣгаетъ къ излюбленному и испытанному со времени Нибура приему — аналогіи: данный законъ мало разнится отъ закона, гласящаго: „*Wer ein wildes Thier aus dem Gewahrsam in einen Park laufen lasse, verliere den Besitz*”. Въ заключеніе высказывается, что 15-фунтовая тяжесть вовсе не „чрезмѣрная тяжесть”. Ее слѣдуетъ скорѣе разсматривать лишь какъ средство обезопасить уводъ должника.

Пристальное и внимательное изслѣдованіе этихъ на первый взглядъ діаметрально противоположныхъ теорій неизбѣжно приводитъ изслѣдователя къ неожиданному выводу: всѣ онѣ исходятъ изъ одного источника — изъ воспринятаго въ качествѣ непреложной истины *humanitatis ratione* — „очевидно, законъ стѣснялъ не состраданіе, а жестокость” ¹⁾. Такіе ученые, какъ Брунсъ, Моммзень, Граденвитцъ, Гушке и др., намѣтившіе себѣ грандіознѣйшія задачи — возсоздать *Fontes Juris Romani Antiqui*, или какъ Дирксенъ ²⁾ и Шелль, поставившіе себѣ цѣлью композицію XII *tabularum*, не останавливались должнымъ образомъ на рѣшеніи интересующаго насъ вопроса: для нихъ пристальное разсмотрѣніе подобнаго рода частныхъ вопросовъ было бы „*in iure prorsus incerta*

---

¹⁾ Ср. Куяціевское „*ac si ea in re omnem humanitatem tolletur*”. V. I. *Cujacii Obs. et em.* l. XXVIII p. 139; Б. Никольскаго, Система и текстъ XII таблицъ, стр. 243; Puchta, *Gesch. d. Rechts bei d. Röm. Volk*, s. 551—552: „Ein bloss illusorisches Fesseln” и „Uebermässige Last”; A. Schwegler, *R. G. S.* 37 sq.

²⁾ H. E. Dirksen, Uebersicht der bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der Zwölftafelfragmente, Lps 1824 и Versuche zur Kritik und Auslegung der Quellen des Römischen Rechts Lps. 1823 (особенно Sechste Abhandlung, Uebersicht der bisherigen Versuche zur Kritik und Herstellung des Textes der Ueberbleibsel von den Gesetzen der römischen Könige S. 234 sq.

non parcere conjecturis" ¹⁾. Въ этомъ отношеніи надо отдать должное той добросовѣстности, съ какой нашъ ученый Б. В. Никольскій подвергаетъ самому детальному разсмотрѣнію каждый контроверсъ, а задача для разрѣшенія предстояла ему не менѣе грандіозная — „система и текстъ XII *tabularum*”.

Вѣроятно, дѣйствительно прочно воздвигнутое зданіе, цѣлый рядъ вѣковъ покоящееся на грандіозномъ фундамента — *ratio humanitatis*? Быть можетъ, уже самый фактъ долголѣтія лучший свидѣтель его непреложной истинности?

Мы беремъ на себя смѣлость утверждать противное: *Humana lex omnium mea quidem sententia inhumanissima est!* ²⁾. Роковая наша ошибка, что мы съ готовымъ арсеналомъ современныхъ понятій и готовыхъ терминовъ приступаемъ къ изслѣдованію сѣдой старины, и не умѣемъ, вѣришь — не желаемъ отдаться непосредственному созерцанію ея: мы боимся первобытнаго дуновенія ея, мы чувствуемъ, что разрушить она своимъ грубымъ прикосновеніемъ нѣжныя, стройныя наши теоріи и гипотезы. И воспринятая въ качествѣ непреложной истины и положенная въ основаніе разсмотрѣнныхъ нами теорій *ratio humanitatis* ничего общаго не имѣетъ и не можетъ имѣть съ *humanitas* древняго римскаго права, какъ ее понимали сами римляне. Мало того, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что даже позднѣйшія поколѣнія римлянъ, приблизительно конца республики и первыхъ вѣковъ имперіи, и тѣ въ громадной массѣ уже не понимали какъ слѣдуетъ своей родной старины, не хотѣли видѣть самобытной ея красоты и искали въ ней новой *humanitas*, создавшейся подъ могучимъ воздѣйствіемъ греческой культуры и коренно измѣнившей

---

¹⁾ R. Schoell, *Leg. duod. tab. rel.* c. III p. 15.

²⁾ Позволяемъ себѣ перефразировать Гелліевскаго Цецилія А. Gell. N. A. XX, 1, 24.

этическія воззрѣнія римлянъ. Не восклицалъ бы иначе съ болѣю въ сердцѣ Цицеронъ:

„Di immortales, quantus iste est hominum et quam inveteratus error!“ ¹⁾.

И не имѣлъ бы права Гелліевскій Цецилій въ основу своего *credo* класть не менѣе знаменитое:

Inhumana lex omnium mea quidem sententia humanissima ²⁾.

Вся ошибка, повторяемъ мы, заключается въ неправильно устанавливаемой исторической перспективѣ.

Законъ XII таблицъ не беретъ на себя никакихъ обязательствъ ни по привлеченію къ суду (*in ius ducito*), ни по содержанію банкрота (*ni suo uiuito, endo dies libras farris dato* ³⁾), но за то онъ и ничего не предписываетъ кредитору, а лишь разрѣшаетъ, отдаетъ на посмѣяніе несостоятельнаго должника.

Но не законъ смѣется надъ должникомъ, надъ нимъ произноситъ свой безжалостный приговоръ устами закона сама жизнь, ярко отиѣченная національной римской окраской. Онъ страдаетъ, и *долженъ* страдать, онъ нарушилъ *fidem* ³⁾, которая должна быть *incolumis* ⁴⁾, онъ нарушилъ тѣ устои,

¹⁾ Cic. De rep. II, 15, 13.

²⁾ A. Gell. N. A. XX, 1, 24; Фунтъ — ровно столько, чтобы не умереть съ голоду. Что надо разумѣть здѣсь подъ *far*, объ этомъ смотри Plin. H. N. XVIII, 19 § 83: *Pulte non pane vixisse longo tempore Romanos*; Var. L. L. V, 105; Val. Max. II, 5, 5. Juv. Sat. XIV, 171. V. Schwegler, R. G. 4 p. 37 „Schuldrecht der 12 Tafeln“, adn. 3: Unter *far* ist hier wohl Speltbrei zu verstehen, der in alten Zeiten weit mehr, als Brod, die Nahrung des Volks ausmachte.

³⁾ Интересно вспомнить, какъ недосыгаемо высоко ставили римляне свою римскую *fidem*, противопоставая ее греческой [*Romana et Graeca fides*]. См. Plaut. Asin. I, 3, 46 и Serv. Aen. II, 142.

⁴⁾ V. P. Terent. Afri Eun. I, 2, 22; And. IV, 1, 6, 43; Liv. I. VI c. XV, § 5; Horat. Carm. l. I c. XXIV и A. Gell. N. A. XX, 54.

которыми живъ Римъ ¹⁾, и за что на немъ почіеть благословеніе боговъ. Отвернулись отъ него люди — *ni eum vindicit*, — отвернулись и боги: онъ — *sacer homo!* Его *crimen* — *crimen perfidiae!* ²⁾).

Ни о какомъ гуманномъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи въ этотъ жестокий вѣкъ, и самое пресловутое *ratio humanitatis* не есть продуктъ жизни, продуктъ, наконецъ, изученія фактовъ данной эпохи.

„Гуманитарное отношеніе”, свидѣтельствуешь пр. Гусаковъ, „которое многими связывается съ XII таблицами, почти цѣликомъ принадлежитъ интерпретаціи ихъ”.

„Насъ не должно вводить въ заблужденіе”, продолжаетъ почтенный ученый, „удивленіе Цицерона и похвала Ливіа мудрости первыхъ римскихъ кодификаторовъ: риторическое увлеченіе одного слишкомъ очевидно, мнѣніе другого высказано въ общихъ выраженіяхъ” ³⁾. Мысль пр. Гусакова безусловно вѣрна въ своемъ основаніи, но едва ли возможно согласиться съ ея мотивировкой. Не одно риторическое увлеченіе „слишкомъ очевидное” ⁴⁾ руководило Цицерономъ, и не

¹⁾ Liv. l. VIII c. 7: „Disciplinam, qua stetit ad hanc diem Romana res, solvisti”.

²⁾ B. W. Leist, *Altarisches Jus civile*, VII Abschn. Das Fides-Gebot. Der arische Treuebegriff und die Fides-verhältnisse S. 420: Die Basis der alten arischen Ordnung bildet der Glaube an zwei, in gewissem Gegensatz zu einander stehende Mächte: Götter und Manen... Also der Grund, aus welchem es (sc. Fides) seine Zwangskraft entnimmt, ist der Glaube an die Götter. Ibidem. S. 424. Cp. Ihering, *Vorgeschichte der Indoeuropäer*. S. 80. Фюстель де-Нуланжъ, *Древняя Гражданская Община (La Cité Antique)*, пер. Н. И. Спиридонова М. 1895 г. Стр. 1—4 и Ihering, *Geist des Röm. Rechts* I § 18.

³⁾ А. Гусаковъ, *Деликты и договоры*, гл. 2 стр. 10.

⁴⁾ См. Nitzsch in *Mus. Rhen.* XXIII p. 601--608; Gerlach, *Quel-*

одними только „общими выражениями” желать отдѣлаться въ данномъ случаѣ Ливій. Риму перводержавному, первопрестольному, вѣчному Риму поютъ славу лучшие его сыны „miscendo humana divinis” ¹⁾).

А выше Рима, священнѣе его и болѣе способнаго сказать сердцу и уму человѣческому для нихъ не было и не могло быть: *nulla unquam res publica nec maior nec sanctor nec bonis exemplis ditior fuit* ²⁾). И этотъ народъ, по общепризнан-

len d. ält. Röm. Gesch. S. 5 sq. Правда, почтенный профессор намъ укажетъ, что считалъ же Цицеронъ исторію за „*Opus unum oratorium maxime*” (De leg. 1, 2, 5), относилъ ее къ роду краснорѣчія, извѣстному у грековъ подъ именемъ *ἐπεδεικτικόν* (Orat. 11, 37), признавалъ позволительными для историка даже софистическіе приемы (Orat. 20, 66), такъ какъ по его мнѣнію исторія лишь служебная дисциплина краснорѣчія, и историку всё простительно — даже ложь (*mentiri*), лишь бы для читателя быть убѣдительнымъ [*ut aliquid dicere possent argutius Brut. 11, 42*]. Но вѣдь тотъ же самый Цицеронъ въ de orator. II, 15, 62—64 единственнымъ условіемъ всякой истинной исторіи считалъ требованіе *ne quid falsi dicere audeat* [не „dicat”, а „dicere audeat”], а въ „Брутѣ” жалуется на то, что *historia rerum nostrarum est facta mendosior* (Brut. 16). Подобныя свидѣтельства сами за себя говорятъ и при пользованіи ими требуютъ возможно осторожнаго отношенія.

¹⁾ Horat. Carm. I. IV c. III v. 13: *Romae principis urbium*; c. IV, XIV, 44: *dominae Romae*; epist. I, VII, 44: *regia Roma*. Martialis XII, 8: *Terrarum dea gentiumque Roma, cui par est nihil et nihil secundum*. V. Liv. Praefat. § 6—7. Dion. H. A. R. IV, 68; Plut. Fab. I и Ant. IV; Serv. Aen. V, 389, 704; Fest. p. 130. Cf. Schwegler, H. R. I p. 334 sq.; Drumann, H. R. I p. 59.

²⁾ Liv. Praef. § II. Ссылаясь на свидѣтельство Цензорина (De die nat. 20, 6) и Макробія (Sat. 1, 14, 1) Герм. Петеръ приходитъ къ весьма важному для насъ выводу, утверждая, что даже *mentiri pro patria boni viri esse tum vulgo existimabatur*. Н. Peter, H. R. R. I p. XV, особенно Adn. I и II. Этотъ выводъ строго проводится имъ на всемъ протяженіи II главы [De litterarum monumentis privatis]: nimirum ad

ному мнѣнію, строго консервативный и систематичный, съ присущей ему послѣдовательностью, омытой желѣзомъ и кровью, проводилъ въ жизнь принципъ „dictis manere” ¹⁾. Ремъ, Меттій Фуфеттій, знаменитая дѣвушка, сестра Горація, Манлій Капитолинскій и Титъ Манлій, сынъ консула, будутъ на вѣчныя времена искупительными жертвами этой идеи, а Ромулъ, Тулль Гостилій, Публии Гораціи, отецъ и сынъ, и Манлій Торкватъ, — національными героями чести и долга ²⁾. Въ этомъ-то и заключается по мнѣнію Моммзена все величіе Рима. Народъ самъ создалъ для себя этотъ законъ: въ немъ прямо и рѣзко примѣнялись вѣчныя начала свободы и подчиненія, собственности и законности ³⁾. Но удивительнымъ образомъ у этого народа *fides* переплеталась съ *perfidia* ⁴⁾.

augendam nobilitatis laudem mentiri apud Romanos non solum non turpe, sed etiam probum honestumque habebatur, p. XXXIII. cf. Plin. XXXV, 8: восхваляя старинныя нравы, онъ говоритъ: *etiam mentiri clarorum imagines erat aliquis virtutum amor*. V. Ulrici, Charakter der ant. historiograph. p. 103 sq.

¹⁾ A. Gell. N. A. XX, 1, 54.

²⁾ Liv. I. 1 c. 7 §§ 2—3; I. 1 c. 28 § 6 и § 9; I. 1 c. 26 § 2; I. VI c. 20 § 12; I. VIII c. 7 § 22 и особенно I. VIII c. 6 § 3 sq.

³⁾ Моммзенъ, Древне-Римское право, переводъ Шамонина III гл., VII. Ср. Н. Боголѣповъ, Курсъ римскаго права, стр. 9: Эти особенности римскаго характера — консерватизмъ, строгая нравственность и желѣзная энергія являются важными факторами въ исторіи римскаго права; R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. 2 p. 1: *quae erat populi simplicitas et antiqui instituti conservator animus etc.* См. А. Гусановъ, Дѣликти и договоры, стр. 100.

⁴⁾ Liv. I. IX, c. XI § 2. Cp. Leist, Altarisches Jus civile, V Abschn. 1. Die Allgemeinen Grundgedanken des Moralgesetzes, S. 368: Das ist Altarisches ius gentium, das alte ius non scriptum, das die Römer fas, die Griechen *θέμις* nennen... Themis und Fas wird von Alterthum begrifflich identificirt... Das arische fas—bezw. Themis—Recht stammt in seinen Grundlagen aus einer Zeit, wo es noch gar keine Schrift gab. Cp. Max Fränkel, Rh. Mus. XLVII, 472; Ed. Meyer, Forschungen I p. 236; Bu-solt, Philol. L, 393; Н. Боголѣповъ, Курсъ Римскаго Права, § 31 стр. 50.

Впрочемъ, человѣкъ всегда и вездѣ человѣкъ! Удивительнымъ образомъ въ немъ сочетается и великое, и слабое! Такъ и въ Римѣ, въ богобоязненномъ до суевѣрія народѣ, удивительнымъ образомъ пребывалъ и другой, чуждый ему меркантильный, неуклонно идущій къ своей цѣли народъ ¹⁾. Какой горькой правдой, характерной для оборотной стороны медали, звучатъ слова Понтія: *Semper aliquam fraudi speciem juris imponitis* ²⁾. И это про тотъ народъ, который такъ тонко чувствовалъ *aequum et aequitatem*, который зналъ и умѣлъ проводить въ жизнь *summum aequitatis*!

Такъ уживаются и уживались во все времена въ человѣкѣ два человѣка, въ народѣ два народа. Великая мощь, великій подъемъ народного самосознанія мирится съ жалкимъ малодушіемъ. Римскій народъ чувствовалъ свое великое историческое призваніе, находилъ въ себѣ силу и мужество повелѣвать всею міромъ: „почему вы противъ внѣшнихъ враговъ такъ мужественны“, — бросаетъ горькій укоръ народу Манлій, — „что считаете себя призванными повелѣвать всею міромъ“, и вдругъ „у себя дома жалкое малодушіе“ ³⁾.

Вспомнимъ слова нашего безсмертнаго поэта: „ты и великая, ты и убогая, многострадальная Русь“, вспомнимъ Англію, какъ религіозность, доходящая чуть ли не до ханжества, какъ призывы къ гуманности, культурности и тому подобнымъ высокимъ „матеріямъ“ уживаются съ варварствомъ, хитростью и вѣроломствомъ по отношенію къ другому міру — не англійскому...

---

¹⁾ Ed Zeller, Religion und Philosophie bei den Römern, 2 Aufl. Berl. 1872 S. 9 sq. и Фюстель-де-Нуланжъ, Древняя гражданская община (La Cité Antique) М. 1895 г., стр. 1—32, 106—111; 129, 140, 270 сл.

²⁾ Liv. I. IX, c. 9 § 7 См. Teuffel, G. D. R. L. Allgem. und Sachl. Teil. S. I sq. (Neu bearbeit. v. L. Schwabe Leipzig 1890, 5 Aufl.).

³⁾ Liv. I. VI c. 18 § 10—18.

Но раздавался ли хоть разъ крикъ должника — что за пустякъ (за скоть, за раба, за презрѣнный, наконецъ, металлъ) гибнетъ свободный гражданинъ великаго Рима? Напрасны были бы поиски: традиція молчить, и этотъ возгласъ былъ бы полнымъ отрицаніемъ римскаго идеала; дѣло не въ презрѣнномъ металлѣ, не въ количествѣ займа, а дѣло въ идеѣ: онъ не соблюлъ *fidem* ¹⁾.

Изученіе исторіи, языка, быта и права римскаго народа все болѣе и болѣе должно убѣждать въ справедливости нашего взгляда. Стоитъ вспомнить хоть *sarminе Aeolio* прославленнаго пѣвца Рима — Горація.

Въ одѣ на смерть поэта Квинтилія (априористически мы ожидали бы прославленія поэзіи, поэта и т. п.) онъ воспѣваетъ въ немъ носителя древне-римскаго идеала. „Не стало того, милыми спутниками котораго въ жизни были *Pudor, Justitiae soror, incorrupta Fides, nudaque Veritas*” ²⁾.

Кому же нужна была такая кровавая жестокость? Кто мощнымъ рулемъ направлялъ римскую жизнь по такому пути? — Патриціанскому Риму! Для него долговой вопросъ не являлся вопросомъ чисто экономическимъ: онъ былъ не отдѣлимъ отъ соціально-политическаго ³⁾. Въ немъ видѣли патриціи одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ порабощенію и господству надъ меньшимъ братомъ. Кто не давалъ народу закона? Кто побудилъ народъ рѣшиться на всё, чтобы добиться

¹⁾ Horat. Carm. l. I c. XXIV vv 11—12: *tu frustra pius, heu, non ita creditum poscis Quintilium deos*. Ср. А. Гусаковъ, Деликты и договоры, стр. 121: Наказаніе не соразмѣряется со степенью виновности преступленія. Оно одинаково для всѣхъ однородныхъ случаевъ одними выѣшними признаками. Ср. также В. Ключевскій, Курсъ русской исторіи М. 1904 г. ч. 1, стр. 294 и слѣд.

²⁾ Horat. Carm. l. I c. XXIV vv 5—10. Cf. Eurip. fragm. Hippolyt. 439; Pindar. Olymp. 13, 5 sq.; Ciceronis, off. 1, 23; Dion H. A. R. l. VI c. XXXVI. См. Preller-Jordan, Röm. Myth. II, 260 sq.; Ed. Zeller, Relig. u. Philosoph. b. den Römern 2 Aufl. B. 1872 p. 4 sq.; А. Гусаковъ, Деликты и договоры стр. 104.

³⁾ А. Гусаковъ, *ibidem*: Узурпаторы общественныхъ земель

писаннаго закона¹⁾? Кто утаивалъ отъ народа право²⁾? Кто настоялъ на выдѣленіи сакрального права изъ XII таблицъ³⁾? Кто послѣ Гальскаго пожара не принялъ на себя почина настоять на возобновленіи XII таблицъ? Кто, наконецъ, оказался такъ небреженъ въ охраненіи народныхъ памятниковъ законодательства, права и др?⁴⁾

Но колеса исторіи не остановить: законъ былъ запечатлѣнъ въ грубыхъ и необразованныхъ умахъ и сердцахъ, и священной обязанностью каждаго римлянина въ эпоху бурь и непогодъ было знать законъ:

Legem bene nosse inter primaria ciuis Romani officia publica conseretur.

Время XII таблицъ въ исторіи общественнаго развитія можетъ быть охарактеризовано переходомъ отъ такъ называемаго натурального хозяйства къ денежному⁵⁾.

Два экономическихъ фактора на ряду съ разсмотрѣнными нами идеологическими факторами служатъ показателями данной эпохи — неравномѣрное распредѣленіе земли и ростъ

патриціи были вмѣстѣ съ тѣмъ и монополистами политическихъ правъ. Борьба за землю сводилась къ борьбѣ за права, а долговое право было лишь однимъ изъ ея средствъ.

¹⁾ V. Dion. H. A. R. I. VI c. XLVIII.

²⁾ Liv. I. IV c. 3 § 9; Dion. H. A. R. I. X c. I; v. H. Peter, H. R. R. Prolegom. Cap. IV p. VI—VII: Itaque, quoniam omnis pontificum ars hoc exemplorum thesauro nitebatur, facile est intellectu, dum soli patricii ad pontificatum aditum habebant, clausos hos commentarios fuisse plebis oculis. Cp. Mommsen, Chronol. S. 204, Becker Ant. R. I S. 12—13; Marquardt, Ant. R. IV S. 217; A. Schwegler H. R. I S. 73 sq.

³⁾ V. Nissen, Kritische Untersuch. ueber d. Quellen d. Livius S. 90 sq. cf. Mommsen, Röm. Forsch. I S. 823 sq.; Nitsch, in Sybel. histor. Zeitschrift, XI (1864) S. II; Ambrosch, De sacr. Rom. libr. p. 12 sq. и *ero же* Ueber d. Religionsbücher d. Römer Bonn. 1843. Becker, Ant. R. I S. 10; H. Peter, H. R. R. p. XIV Adn. 1, 2.

⁴⁾ V. Cic. De leg. III, ^{207 46}: Legum custodiam nullam habemus, itaque eae leges sunt, quas apparitores nostri volunt... a librariis petimus, publicam consignatam memoriam habemus.

⁵⁾ R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. c. 11 p. 1.

частныхъ долговъ ¹⁾. Съ особенной силой и непреложностью проявляются эти факторы въ земледѣльческихъ государствахъ. Римъ же на всемъ протяженіи своего историческаго существованія былъ попреимуществу земледѣльческимъ (быть можетъ вѣрнѣе, по крайней мѣрѣ для сложившагося уже государства, землевладѣльческимъ) государствомъ — государствомъ крестьянъ ²⁾.

Пусть современная критическая школа Нитча-Ниссена, слишкомъ строгая къ традиціи, чуть ли не отрицаетъ всякое значеніе за трудами Ливія, но Ливій даетъ намъ чудную картину, написанную кровью своего сердца, въ VI книгѣ, — картину соціально-политической борьбы на экономической поч-

¹⁾ Пр. Гусаковъ въ своей диссертациі „Деликты и договоры, какъ источникъ обязательствъ“ придаетъ, повидимому, нѣсколько преувеличенное значеніе указаннымъ экономическимъ факторамъ въ ущербъ идеологическимъ (см. стр. 99, особенно 104 и сл.). Но даже „творецъ капитала“, Карлъ Марксъ, и Фридрихъ Энгельсъ и тѣ должны были отказаться отъ слишкомъ преувеличеннаго взгляда на значеніе экономическихъ факторовъ для исторической науки. По крайней мѣрѣ уже Фр. Энгельсъ писалъ: „въ борьбѣ съ противниками намъ приходилось *подчеркивать* тотъ главный принципъ, который они отрицаютъ — экономическую сторону, а вслѣдствіе этого не всегда представлялось время, мѣсто и случай *отдавать* должное *остальнымъ моментамъ* (курсивъ нашъ), участвующимъ во взаимодействіи. Фр. Энгельсъ. Письмо отъ 1890 г., напечатанное въ „Soc. Akademiker“, окт. 1895 г. См. Эд. Бернштейнъ, Соціальныя проблемы, пер. Ногана М. 1901 г. Особ. стр. 23. Ср. R. Pöhlmann, Gesch. d. antiken Kommunismus u. Socialismus. München 1893; Wachsmuth, Einleitung in das Studium des alten Geschichte. Leipzig 1895 и Ю. Белохъ, Исторія Греціи, переводъ съ нѣмецкаго М. Гершензона М. 1897.

²⁾ Едва ли вполне справедливо видѣть въ XII своего рода „magnum chartam libertatum“, считать *leges* „символомъ торжества свободы плебеевъ“, и едва ли правы тѣ историки, которые представляютъ себѣ цѣль изданія законовъ XII таблицъ, какъ „обузданіе патриціанскихъ злоупотребленій судебною властью въ сословныхъ цѣляхъ“, и считаютъ ихъ направленными противъ патриціанскихъ кредиторовъ

въ ¹⁾. Старый воинъ, закаленный въ бою, весь покрытый ранами, бился за славу и спасеніе Рима, между тѣмъ земля оставалась въ запустѣніи, и волей-неволей защитникъ отечества, чтобы удержаться на родной землѣ, долженъ былъ прибѣгнуть къ займу. А далѣе обыкновенная исторія: стоитъ только разъ окунуться въ болото, и экономическая тина засосетъ „multiplici jam sorte exsoluta mergentibus semper sor-

и магистратовъ. Что большинство крупныхъ землевладѣльцевъ въ данную эпоху составляли патриціи, это вполне справедливо; несомнѣнно и то, что плебейское меньшинство — такова уже слабость человеческая! — сдѣлавшись богатыми, тянулось за патриціями (Liv. I. VI c. 19, §§ 4, 5, 6, 7). Но нельзя же упускать изъ виду и *исторической эволюціи*. Ея этапами были: auxilium, tabulae, imperium communicandum, id est in parte pari rei publicae esse (Liv. I. VI c. 37 § 4). „Неизвѣстность права” и только она, по мѣткому опредѣленію Гая, была единственной причиной обнародованія XII таблицъ. Слѣдовательно, быть можетъ, ближе къ истинѣ видѣть прямую цѣль XII таблицъ въ обнародованіи дѣйствующаго права, косвенную — во временномъ примиреніи сословій (Liv. I. II c. 1 § 11). Древній plebs — не позднѣйшая сволочь (опредѣленіе пр. И. В. Помяловскаго). Онъ равно прекрасно понималъ великую роль, къ которой былъ призванъ волею судьбы Римъ, какъ и отлично умѣлъ знать свое мѣсто и всю бесплодность и гибельность „опережать событія” — vanitatis immaturitatis”. Нѣсколько перефразировавъ Ливія мы могли бы сказать: Pessimo publico id plebes facturi fuerant, si partis paris rei publicae immatura cupidine patribus imperium communicatum extorsissent! Плебеи отлично понимали, что благодаря законамъ XII таблицъ они *равны передъ правомъ, но не равноправны* [Liv. I, 17 § 8]: usurpatur idem ius vi adempta; они видѣли, если вѣрить Ливію, что имъ данъ лишь *titulus aequandi* (Liv. I. VI c. 37 §§ 9—10); не могли же они не понимать, что путемъ долговыхъ обязательствъ они закрѣпощены у патриціевъ. Поэтому съ строгой послѣдовательностью и систематичностью они черезъ своихъ трибуновъ *abrogabant* отдѣльные пункты XII при неизмѣнномъ не менѣе упорномъ сопротивленіи патриціанскихъ магистратовъ. Таковъ былъ, повидимому, историческій ходъ борьбы. Ср. Н. Боголѣповъ, Курсъ римскаго права § 82 стр. 136; R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. c. 1 p. 47 sq.

¹⁾ Для цѣлей нашей работы вопросъ о томъ, будетъ ли эта борьба времени Манлія или же временъ Гракховъ, не играетъ существенной роли. Наша задача — опредѣлить *характеръ* права, какъ онъ ри-

tem usuris obrutum foenore esse" ¹⁾). Сколько жизненной правды, глубокопоучительной въ этомъ безыскусственномъ повѣствованіи! И этотъ центуріонъ — одинъ изъ многихъ: „весь народъ погрязъ въ долгахъ“, свидѣтельствуеть Ливій — I. II, 22, 23, 24, 27 ²⁾).

Но какъ же могла создаться такая аномалія?

Концентрація земли въ немногихъ рукахъ, даровыя рабочія руки, непрерывный рядъ тяжелыхъ войнъ, всей своей тяжестью естественно падающихъ на мелкое землевладѣніе, налоги да непріятельскія опустошенія — вотъ доминирующіе тоны данной картины. Вотъ благодаря чему патриціи, эта „меньшая часть“ государства, но „лучшая“ (а можетъ быть и *ipsa civitas*), могли держать бѣльшую часть, но всё-же „часть“ не только въ экономической, но и политической зависимости.

совался самимъ римлянамъ. Самъ же Ливій на излагаемое въ VI и слѣдующихъ книгахъ смотритъ какъ на *clariora deinceps certioraque ab secunda origine velut ab stirpibus laetius feraciusque renatae urbis gesta domi militiaeque*. V. Niebuhr. H. R. 11 p. 2. Въ описываемыхъ событіяхъ для Ливія *primarius fons* служили, вѣроятно, *Annales* (по свидѣтельству Диомеда и Присціана *Historiae*) Кв. Клавдія Квадригарія. Геллій, который вообще очень высокаго мнѣнія о *genus dicendi* Квадригарія „*optumi et sincerissimi scriptoris*“ (XV, 1, 4) „*virum modesti atque puri et prope cotidiani sermonis*“ (XIII, 29, 2)“, свидѣтельствуеть, что *Manlii certamen* описанъ *purissime atque inlustrissime simplicique et incorrupta orationis antiquae suavitae* (IX, 13, 4), противопоставляя Квадригарія другимъ историкамъ, которые писали свою исторію *poëtice, iucunde et amoene, non insuavi vetustate, eleganter, non inscite nec ineleganter* XVII, 2, 3, 10, 23, 26 etc. Конечно, и къ этому свидѣтельству традиціи надо относиться со всякой осторожностью и постоянно считаться съ извѣстнымъ теченіемъ въ современной римской исторической наукѣ, которое такъ блестяще выразилъ Герм. Петеръ, H. R. R. p. 291 sq. (Prolegomenon). Ср. Мандесъ, Рѣчь передъ защитой диссертациі, Фил. Обзорѣніе т. XIV кн. 2; Nitsch, Die Römische Annalistik. B. 1872 г., Nissen, Kritische Untersuchungen ueber die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius, 1863; K. Peter, Zur Kritik der Quellen der älteren Römischen Geschichte. Halle 1879 p. 4—24; p. 46 sq. Soltan, Livius Geschichtswerk, seine Komposition und Quellen L. 1897 г.

¹⁾ Liv. I. VI c. 15 § 10.

²⁾ Ср. Dion. H. A. R. I. VI c. XXXVII и c. XXXVIII.

Интересна программа этой борьбы. *Altera pars — patres* ¹⁾, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, людей не минуты, а людей проникновенія въ будущее, сознающихъ непреложность исторической эволюціи, стремятся хотя бы на время отдалить неизбежность роковой минуты тѣмъ или инымъ способомъ, цѣлесообразность котораго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна найти оправданіе въ требованіяхъ данной минуты:

1) Добровольно уступить народу, что неминуемо должны были потерять ²⁾, и 2), предоставляя народу верховную власть, давать ему не болѣе, чѣмъ оставлять у себя:

Ita gratiam incunt summa potestate populo permissa ut non plus darent juris quam detinerent ³⁾.

Коротка, но краснорѣчива программа *alterius partis* — чтобы свободно могъ дышать римскій плебсъ:

1) должны быть разъ на всегда уничтожены диктатура и консульство,

2) должно быть уничтожено веденіе въ уголовномъ порядкѣ долговыхъ обязательствъ ⁴⁾.

Но традиція, какъ извѣстно, усиленно молчитъ о долговомъ вопросѣ при царяхъ, между тѣмъ черезъ какіе-нибудь поль-вѣка послѣ отмѣны царской власти древнѣйшая записъ римскаго обычнаго права запечатлѣла общественное явленіе, совершенно сложившееся и принявшее строго опредѣленныя формы.

Подобные общественные недуги не могутъ развиваться вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ столь короткій промежутокъ времени.

---

¹⁾ Liv. I. VI c. 19; At in parte altera... Cp. Dion. H. A. R. I. VI c. XLVIII.

²⁾ Liv. I. I c. 17 § 8.

³⁾ Liv. I. I c. 17 §§ 8—9.

⁴⁾ Liv. I. VI c. 18 § 14: Solo æquandae sunt dictaturae consulatusque, ut caput attollere Romana plebes possit. Proinde adeste, prohibete ius de pecuniis dici. [Призывъ вложенъ Ливіемъ въ уста Манлія].

Изученіе традиціонной исторіи ставитъ изслѣдователя лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ загадочныхъ вопросовъ.

Вся традиція въ одинъ голосъ указываетъ на *nomen regni odiosum* ¹⁾, какъ на единственно надежный стимулъ заставить народъ пойти на какія угодно уступки, позабыть о своихъ настоящихъ интересахъ, пожертвовать лучшими своими борцами — Манліемъ, Сп. Кассіемъ и Меліемъ ²⁾.

Простое сопоставленіе двухъ этихъ фактовъ наводитъ насъ на размышленіе: что же такого было при царяхъ, почему народъ такъ отмаливался отъ нихъ ³⁾, и что особенно сладкаго было въ его свободѣ — „*dulcedine libertatis nondum experta*”? Что принесла ему эта свобода за первые же поль-вѣка? — Ужаснѣйшій общественный недугъ, для исцѣленія котораго были необходимы рѣшительныя мѣры, между тѣмъ крупное землевладѣніе — концентрація земли въ немногихъ рукахъ — искусственно всячески поддерживалось ⁴⁾. Далеко не припѣваючи жилося матеріально плебсу, несмотря на всю отвѣданную имъ сладость свободы: *totam plebem*

¹⁾ Cf. P. Terent. Afri Adelph. II, 1, 21; Liv. I. II c. 1 § 10; VI c. 19 § 7; VI c. 20 § 5; XXVII c. 19. Весьма характерно опредѣленіе Саллустія: *Nam impune quae lubet facere, id est regem esse* (Sall. Jug. XXXI § 26.).

²⁾ Liv. I. 6, c. 20; I. II, 41. I. IV c. 13.

³⁾ Ливій въ данномъ смыслѣ вездѣ употребляетъ глаголъ „*abominari*”.

⁴⁾ Небезынтересно, быть можетъ, было бы припомнить слова М. Катона [in oratione, quam de praeda militibus dividenda scripsit]: *Fures privatorum furtorum in nervo atque in compedibus aetatem agunt, fures publici in auro atque in purpuro*. Данное сужденіе своею мѣткостью приводило всѣхъ въ восторгъ и побудило Геллія, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, къ занесенію этихъ словъ въ его *compendium*: „M. Cato... vehementibus et inlustribus verbis de impunitate peculatus atque licentia queritur. Ea verba, quoniam nobis impense placuerant, adscripsimus. A. Gell. N. A. XI, 18, 18.

aere alieno demersam свидѣтельствуется традиція ¹⁾. Но намъ скажутъ: „не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ!“ Быть можетъ, другіе горизонты открывались подавленному матеріально плебсу? Политическая дѣятельность — *honores*? Нѣтъ! Много пота и крови долженъ былъ пролить плебсъ, прежде чѣмъ добиться равноправія ²⁾. Такъ что же улыбалось ему въ его сладостной свободѣ?

Быть можетъ, греческое *Παρθένια*? Нѣтъ, и тутъ бдительное око господъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, не дремало: языкъ распускать въ Римѣ не полагалось. Слѣдовательно, этотъ недугъ древнѣе, чѣмъ хотѣла бы его представить традиція, и, несомнѣнно, уже существовалъ еще при царяхъ. Много остроумія потрачено было на разрѣшеніе этого вопроса. Существуетъ между прочимъ и *попытка* разрѣшить его на психологической почвѣ: народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, привыкъ приурочивать свои невзгоды къ извѣстнымъ моментамъ, и сживается такъ съ самой мыслью, что потомъ даже вѣрить въ дѣйствительность того, что онъ самъ же создалъ. Но, повидимому, недостаточно обращалось вниманія ³⁾, по крайней мѣрѣ насколько я могу судить, на вліяніе источниковъ, изъ которыхъ вышла традиція. Источники эти или плебейскіе, или же патриціанскіе, но съ ярко выраженными сословными тенденціями, чѣмъ легко и объясняется фактъ приуроченія традиціею и этого недуга къ сословной борьбѣ.

¹⁾ Liv. I. VI с. XIV § 12, и I. II, 23, 24, 27, 29, 31; VI—27, 31, 34; VII—19; VIII—28.

²⁾ См. Н. Боголѣповъ, Курсы римскаго права, стр. 35.

³⁾ Еще Моммзенъ (Monatsber. der Berl. Akad. 1861 p. 335 sq. = Röm. Forsch. 1 p. 315 sq.), оцѣнивая добросовѣстность и авторитетность Лицинія Макра, указалъ на полную зависимость римскихъ историковъ отъ партійныхъ взглядовъ и тенденцій. Онъ пытался доказать, что Лициній во имя личныхъ симпатій, политическихъ убѣжденій и стремленій не только не стѣснялся придавать исторіи ту или иную окраску въ духѣ своей партіи, но и черезчуръ свободно обращался и съ самыми фактами; словомъ, для Лицинія не существовало

По крайней мѣрѣ Моммзенъ съ присущей ему смѣлостью построеній *систематически* проводить мысль, что этотъ не-

исторической истины, ее замѣняло собственное измышленіе фактовъ; гдѣ же его вымыселъ былъ недостаточно убѣдителенъ по его мнѣнію или слишкомъ тенденціозенъ, онъ не останавливался даже передъ кощунствомъ надъ священными (ср. D. H. R. A. XI, 62: *ταῖς ἐκ τῶν ἱερῶν τε καὶ ἀποθέτων βιβλῶν μαρτορίαῖς*) книгами „*libri lintei*“. Этотъ взглядъ маститаго ученаго страдаетъ нѣкоторою преувеличенностью. Вполнѣ справедливо оспаривалъ его Германнъ Петеръ *Historic. Romanor. Rell.* p. 345 (*Prolegomenon*) и p. 304—305 (*Reliquiae*). Признавая вполнѣ справедливымъ заключеніе Моммзена, что римскіе историки и въ государственной своей дѣятельности и при писаніи своей исторіи были ярыми сторонниками той или другой партіи, Петеръ ни въ коемъ случаѣ не могъ допустить, чтобы римскій историкъ (въ данномъ случаѣ Лициній), дорожающій своимъ добрымъ гражданскимъ и авторскимъ именемъ, рѣшился выдавать произведенія своей фантазіи и предвзятой тенденціозности за факты, засвидѣтельствованные „*libris linteis*“. При существовавшемъ въ то время въ Римѣ извѣстномъ интересѣ къ антикварнымъ занятіямъ подобное отношеніе къ священнымъ книгамъ было невозможно: помимо чисто научнаго интереса всякій даже въ силу политическихъ соображеній того же самаго партійнаго свойства могъ бы легко провѣрить показанія историка по архиву, хранившемуся въ храмѣ Юноны Монеты, и уличить черезчуръ увлекшагося представителя противнаго лагеря. Между тѣмъ, свидѣлствуетъ Петеръ, въ традиціи нѣтъ даже намекъ на подобные факты. Самъ Цицеронъ, черезчуръ ревниво слѣдившій за сучкомъ въ глазу своихъ политическихъ противниковъ, ни разу не бросилъ подобнаго укора ни Лицинію Марку, ни кому-либо другому. Правда Цицеронъ и Аттикъ исторію убѣжденнаго, пламеннаго сторонника плебса называютъ *multa sed inepta elatio... summa impudentia* (*De legg.* 1, 2, 7), но еще Пр. Модестовъ, (Лекціи по Исторіи Римской Литературы Спб. 1888 г., 19 лекція, стр. 204) оцѣнилъ по достоинству подобные отзывы; онъ говоритъ: „если въ отзывѣ Цицерона слышится ненависть приверженца аристократической партіи къ извѣстному демократу и личному врагу, то въ современномъ намъ историкѣ она необъяснима“, а Н. Peter говоритъ: „*Itaque quibus maculis ingenium ac naturam Licinii adpersit Mommsen, hos quidem abstersisse nobis videtur*“... „*liberandus est Licinius fraudis illius crimine*“ (1 p. 346) и на предыдущей страницѣ: *ejus rei (sc. criminis) certa argumenta et judicia non adtulit (sc. Mommsen)*. V. Niebuhr, H. R. 1 p. 255, 556 II p. 11. Peter, H. R. R. p. 344 sq.

дугъ былъ нормированъ ¹⁾ уже въ царскую эпоху. Его основное положеніе одно: право, прежде чѣмъ стать правомъ, должно быть фактомъ ²⁾.

Такимъ образомъ общія соображенія ³⁾ приводятъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Произвольное допущеніе *rationis humanitatis* въ качествѣ основанія лишаетъ разсмотрѣнныя нами теоріи всякой научной цѣнности.

2) Разсмотрѣнный нами общественный недугъ безусловно болѣе древняго происхожденія, чѣмъ хотѣла бы представить его традиція.

3) XII таблицъ создавались не въ періодъ полнѣйшаго общественнаго спокойствія, столь необходимаго для безпристрастнаго начертанія какого бы то ни было закона, но въ эпоху бурь и непогоды, въ разгаръ политическихъ страстей и сословной борьбы, что не могло не отразиться извѣстнымъ образомъ и на самой формѣ закона.

---

¹⁾ Моммзенъ, Ист. Рим. Респ., пер. Шамовина. М. 1900 г. гл. VII стр. 107 и слѣд. Ср. А. Гусановъ, Деликты и договоры 1 гл. стр. 8 — 10.

²⁾ Ibidem стр. 104. Ср. А. Гусановъ, Деликты и договоры I гл. стр. 9: Но самый фактъ установленій XII еще при царяхъ, по многимъ пунктамъ еще спорный, въ *цѣломъ не подлежитъ сомнѣнію* (курсивъ нашъ). Ср. Muirhead, Introduction historique au droit privé de Rome. Paris 1889 p. 112 sq.

³⁾ Вся римская традиція *единогласно* свидѣтельствуетъ, что *pueritia tabularum libellum et manu versabant et mente tenebant*. Plaut. Most. 1, 2, 45. Cicero. De orat. I, 44, 195; De leg. 11, 42, 31; 23, 54: *Discebamus enim pueri XII ut carmen necessarium*. Ричль, Шелль и др. дѣлали попытки возстановить XII *метрическимъ путемъ*. Метрика, конечно, играетъ весьма важную роль при критикѣ текста, но въ данномъ случаѣ, на мой взглядъ, она малопригодна: 1) Въ метрическую форму XII были переложены грамматиками *въ чисто педагогическихъ цѣляхъ*; 2) неосновательно приписывать „метрическую“ форму XII самимъ децемвирамъ; 3) едва ли возможно было бы предположить, что знаме-

Но данныя теоріи погрѣшаютъ и противъ основного требованія индивидуальной критики: онѣ не считаются съ личностью того, кому мы исключительно обязаны знаніемъ нашего закона. Выйдя и развившись изъ *ratione humanitatis*, онѣ, по видимому, не видѣли никакой необходимости останавливаться на особенностяхъ характера труда Геллія, входитъ въ опредѣленіе его міровоззрѣнія, его тенденцій, стремленій, симпатій и антипатій.

Поэтому нашей ближайшей задачей будетъ разсмотрѣть, какъ понималъ нашъ законъ самъ Авлъ Геллій; опредѣлить мотивы, побудившіе его поставить на разрѣшеніе столь жгучій вопросъ и войти въ тотъ кругъ идей, съ которыми неразрывно связанъ нашъ законъ, и внѣ которыхъ, по крайней мѣрѣ по мнѣнію Геллія, немыслимо правильное его пониманіе.

Не должна остаться непринятой во вниманіе и извѣстная особенность древнихъ писателей, заставляющая насъ и независимо отъ требованій индивидуальной критики отнестись съ особенною осторожностью къ нашему источнику.

Извѣстно стремленіе древнихъ писателей *популярничать* и въ угоду своему читателю излагать *vetustatem* современно популярнымъ языкомъ, поясняя древнія понятія современными ¹⁾. Чѣмъ меньше дарованія, тѣмъ больше усердствованія, а въ результатѣ взамѣнъ дѣвственной прелести *vetustas* окрашивалась въ чуждую ей „субъективную” окраску ²⁾.

нитый юристъ Цецилій и философъ Фаворинъ, ведя принципиальный диспутъ, цитировали бы законъ по *ученической хрестоматіи* [Обстановка и характеръ диспута разсмотрѣны нами далѣе].

¹⁾ Вопросъ этотъ блестяще выясненъ Шеллемъ. См. R. Schoell, *Leg. duod. tab. rel. c. 1, De duodecim tabularum memoria*, P. 5. Небезынтересно было бы сравнить, какъ съ этимъ выводомъ Шелля оперируетъ Б. В. Никольскій противъ самого же Шелля. См. Б. Никольскій, Система и текстъ XII таблицъ, стр. 204 гл. III § 98 и стр. 287 и слѣд.

²⁾ R. Schoell: *Antiquus ille sermonis color sensim sensimque abstergeretur et ad propriam ejusque aetatis consuetudinem magis accommodaretur. Ibidem.*

Не свободенъ отъ этой слабости, какъ мы уже имѣли случай въ своемъ мѣстѣ отмѣтить это, и Авль Геллій.

Задача наша значительно облегчена самимъ Гелліемъ, который въ своемъ *praefatio* вполне опредѣленно высказываетъ свои взгляды на цѣли и задачи своихъ „*Noctes Atticae*”. Его трудъ отмѣченъ печатью эклектизма. Но этотъ эклектизмъ не простая погоня за *πολύμαθία*: „она не образуетъ ума”. Цѣль труда вполне опредѣлена: *людямъ избраннымъ* дать въ руки „доступное руководство”, заронить въ нихъ искру Божію „*ad honestae eruditionis cupidinem utiliumque artium contemplationem*” и развить въ нихъ стремленіе къ совершенствованію; людей же „въ заботахъ суетнаго свѣта малодушно погруженныхъ”, „жрецовъ минуты” — всѣ они въ глазахъ Геллія „темный людъ” — предохранить *a turpi certe agrestique rerum atque verborum imperitia*.

Но на трудъ его подвигаетъ скорѣе желаніе *admonendi*, чѣмъ *docendi* — особенно въ тѣхъ частяхъ его труда, которыя могутъ оказаться „болѣе слабыми и недостаточно научно обоснованными”. Его задача скорѣе намѣтить вопросы самообразованія, дать лишь толчокъ уму и сердцу. Дальнѣйшее совершенствованіе предоставляется каждому, въ чьемъ сердцѣ загорится искра Божія (*si libebit*), а тогда онъ найдетъ себѣ или книжку, или руководителя.

За несовершенства пусть гнѣваются на источники, если у кого-нибудь хватить „дерзости”, но пусть воздержатся отъ слишкомъ поспѣшнаго, пристрастнаго суда. Геллій призываетъ насъ къ возможно осторожному взвѣшиванью, какъ положенія вещей, такъ и считаться съ тѣми авторитетами, которыми слѣдовали его источники и самъ онъ.

А тѣ, кто не проводилъ бессонныхъ ночей надъ подобнаго рода занятіями, кто не находитъ никакого удовольствія *in lectitando, perconctando, scribendo, commentando*, пусть убираются подальше отъ этихъ ночей и ищутъ себѣ въ жизни

другихъ утѣшеній, „abeant a noctibus his procul atque alia sibi oblectamenta quaerant” ¹⁾).

Съ такими взглядами на жизнь и на свое призваніе Геллій посвящаетъ интересующему насъ вопросу *disputationem* ²⁾). Знаменательна для насъ обстановка этого диспута. Случайно встрѣтились юридическая знаменитость нѣкій Цецилій и философъ Фаворинъ. Въ ожиданіи выхода Цезаря они заводятъ бесѣду.

Разговоръ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, пере скакиваетъ съ одной темы на другую, и только между прочимъ рѣчь заходитъ о XII таблицахъ. Слѣдовательно прежде всего Геллій настаиваетъ на совершенной случайности темы бесѣды. Между тѣмъ выборъ собесѣдниковъ не случаенъ: здѣсь сходятся люди двухъ направленій, знаменующихъ собою главнѣйшія теченія современной имъ жизни, два истинно убѣжденныхъ диспутанта, и диспутъ ведется ими въ присутствіи большой блестящей толпы, представителей тогдашняго римскаго общества.

Здѣсь чисто національное направленіе въ лицѣ Цецилія, поклонника *genuinarum domesticarum virtutum*, подвергается нападкамъ и неумѣренно беспощадной критикѣ возросшаго и воспитавшагося въ духѣ заморскихъ, иноземныхъ наукъ „*transmarinarum atque importatarum artium*” философа Фаворина. Послѣдній — поклонникъ греческой философіи, правда отлич- но знающій и римскую жизнь, съ новыми этическими взгля- дами на жизнь, на человѣка и на право.

Въ этомъ столкновеніи торжествуетъ у Геллія національное направленіе, и представитель его Цецилій все время обращается съ противникомъ своимъ нѣсколько свысока и ведетъ бесѣду въ дружески покровительственномъ тонѣ. Дис-

---

¹⁾ V. A. Gell. N. A. Praefatio.

²⁾ A. Gell. N. A. XX §§ 1—51 „Disputatio Sex. Caecilii iurecon- sulti et Favorini philosophi de legibus duodecim tabularum“.

путь ведется крайне горячо; видно, тема живо интересуется собесѣдниковъ: она — большое мѣсто Рима ¹⁾. Уже съ VII столѣтія въ подражаніе грекамъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ греческой философіи, начертаніе гражданскаго права (*Descriptio iuris civilis*) стало на новый путь: правовыя понятія пытались порвать всякую связь со стариной. „Исчезла древность, почилъ сномъ праведниковъ“, раздавались голоса новаторовъ, и выразителемъ правовыхъ нормъ становится языкъ современности „*nolebat subsistere in usu majorum inveterato*“ ²⁾.

Вотъ почему уже при Цицеронѣ жизненный интересъ къ XII таблицамъ сталъ ослабѣвать, и изученіе ихъ перешло къ грамматикамъ и къ юристамъ по призванію (весьма типиченъ для характеристики ихъ выведенный Гелліемъ Цецилій).

Народился и другой типъ юристовъ, претендующихъ на знаніе права и вмѣстѣ съ тѣмъ съ нахальной развязностью заявляющихъ „мы правовѣды, а не филологи“. Для нихъ *leges—ius Faunorum et Aborigenum*. „Ничему насъ не учили въ свое время, а теперь требуютъ истолкованія какого-то „*Jus Faunorum et Aborigenum*“, отбивается юристъ новой формации отъ настойчивыхъ требованій Геллія объяснить ему слово *proletarius*“ ³⁾.

Но жизнь, творя свой судъ, обрекая устарѣвшіе зако-

¹⁾ Вопросъ весьма острый во все времена и у всехъ народовъ. Ср. Наше славянофильство и западничество. Еще Цицеронъ восклицалъ: *Di immortales, quantus iste est hominum et quam inveteratus error: ac tamen facile patior non esse nos transmarinis nec importatis artibus eruditos.* (*De Rep.* 11, ^{15, 29}).

²⁾ R. Schoell, *Leg. duod. tab. rel. c. 1, De duodecim tabularum memoria*, p. 7.

³⁾ *Dicere atque imprecari hoc deberem, si jus Faunorum et Aborigenum didicissem.* V. A. Gell. N. A. XVI, X, 23, 12 (p. 290). Подобные типы очень жизненны: ихъ всегда приводитъ въ неописуемый восторгъ, что *omnis vetustas evanuit et consopita est...* Cf. Cic. *de orat.* I, ^{43, 193}; небезынтересно, быть можетъ, было бы сопоставить и Horat. *Ep.* II, 1, 26. См. Н. Peter, *H. R. R.* I p. XXIII.

ны на забвеніе и вѣчное упокоеніе, не поступаетъ насильственно; не механически, но *динамически, творчески* создаетъ новое на старомъ. Пусть она произнесла свой приговоръ надъ законами XII таблицъ, она имъ принесла и несомнѣнную пользу, перенеся всестороннее изученіе ихъ туда, гдѣ зародились и расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ *studia Aeliana* ¹⁾.

Слѣдовательно, не такъ уже случайно (почему такъ настаиваетъ Геллій на случайности, увидимъ далѣе) произошла встрѣча собесѣдниковъ: здѣсь встрѣтились и сразились *два враждебныхъ направленія*. Первымъ бросилъ вызовъ націонализмъ. Подвергнувъ глубокому анализу законодательство многихъ государствъ, Цецилій сталъ превозносить свое родное законодательство за совершенную форму и абсолютную краткость ²⁾.

Вызывъ принять. „Во истину такъ!“ — соглашается наружно философъ, въ общемъ и за роднымъ закономъ признавая нѣчто, приближающееся къ платоновскимъ законамъ. Но за то, переходя къ частностямъ, пускаетъ въ ходъ цѣлый арсеналъ *позорныхъ* ³⁾ *украшающихъ* эпитетовъ:

¹⁾ V. R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. c. 1. (De duodecim tabularum memoria) p. 1—21. Cf. Ritschl, Parerg. p. 239 и H. Peter, H. R. R. p. 217 (особенно Adn. 1) и p. 275 sq.

²⁾ „Elegantia atque brevitae verborum“. Что разумѣли римляне подъ *brevitas verborum*, видно изъ сопоставленія свидѣтельства Геллія (A. Gell. N. A. XIX, 7: Similiter M. Varro a Cn. Pompejo rogatus cum consulatum initurus esset, quoniam per militiae tempora senatus habendi consulendique, rerum expers urbanarum fuit, *commentarium fecit isagogicum, ex quo disceret, quid facere dicereque deberet*) — со свидѣтельствомъ Цицерона [Cic. De leg. I, 2, 6: post annales pontificum maximorum, quibus nihil potest esse ieiunius]. NB: „*ieiunius*“ — конъектура Ursini. Рукописи имѣютъ *iucundius*. Одинъ только Huebner тщетно пытался защищать рукописное чтеніе. V. Niebuhr, H. R. I p. 278; H. Peter, H. R. R. I p. XIX Adn. 1.

³⁾ Интересно обратить вниманіе, что все родное на языкѣ Фаворина *iste*, тогда какъ чужое — *ille*. V. A. Gell. N. A. XX, 1.

безчеловѣченъ законъ, и ничего нельзя придумать болѣе дикаго и болѣе противорѣчащаго человѣческой природѣ, а объ „*immanitas illa*” лучше и не вспоминать, а не то, чтобы говорить о ней; въ своихъ несовершенныхъ частяхъ онъ въ высшей степени темень и непонятенъ; то жестокъ до кроважидности, то напротивъ попустительски слабъ; нѣтъ въ немъ никакой устойчивости и соотвѣтствія духу времени: то онъ безжалостно даетъ на растерзаніе неимущаго должника, то, напротивъ, беретъ подъ свое покровительство людей необузданныхъ, наказывая ихъ лишь для виду по карману: „оскорбляй кого вздумается и плати” ¹⁾.

Нашелся же печальной памяти Л. Верацій: занимался онъ рукоприкладствомъ къ благороднымъ лицамъ свободныхъ гражданъ (*Is pro delectamento habebat os hominis liberi manus suae palma verberare*) и съ изысканной вѣжливостью приказывалъ слѣдующему за нимъ рабу расплачиваться!

Полный благороднаго негодованія, въ тонко иронической формѣ покровительственно - поучительнымъ тономъ раскрываетъ Цецилій передъ аудиторіей тайны законодательства, призывая противника хоть на минуту отрѣшиться отъ вредной во всякомъ дѣлѣ предвзятости, вырабатываемой въ „*curriculis istis disputationum vestrarum academicis*”, оставить свою манеру опровергать и защищать любое положеніе и разсуждать хоть разъ посерьознѣе.

Теперь передъ нами проникновенно раскрываются устами убѣжденнѣйшаго римлянина историческія судьбы Рима: только культу всевозможныхъ добродѣтелей и изощренію въ нихъ Римъ обязанъ тѣмъ, что изъ малаго и ничтожнаго сталъ онъ славенъ и великъ; но среди этихъ добродѣтелей безспорно первое мѣсто принадлежитъ культу *fides* ²⁾.

¹⁾ Tabula VIII, 4: Si injuriam faxit, XXV poenae sunt.

²⁾ Cf. Cic. De off. III, 31, 3. V. Fragmenta incertae sedis, R. Schoell, leg. duod. tab. rel. p. 164; C. G. Bruns, F. I. R. A. (Ed. VI) p. 39—40, nullum enim vinculum ad adstringendam fidem iure iurando majores artius esse voluerunt. Id judicant leges in XII tabulis, judicant sacrae.

Она чтилась и свято хранилась *tam privatim, quam publice*. Вся жизнь Рима проникнута ея культомъ: во имя ея выдаются врагу консулы, лучшие сыны Рима; принятый подъ ея покровительство кліентъ становится дороже и ближе присныхъ и единокровныхъ ¹⁾; его она велитъ защищать даже противъ единокровныхъ, и нѣтъ тяжелѣе грѣха — обиды кліента. Но съ особенной силою и настойчивостью проявляетъ свое могучее дѣйствіе *fides* въ долговыхъ обязательствахъ „*in pecuniae mutuaticae usu atque commercio*”. Здѣсь римскій творческій геній сочеталъ идеализмъ съ утилитаризмомъ: предки думали, что иначе бы „вѣроломство должника”, оставленное безъ тяжкаго возмездія, лишило бы „временную нужду” (*inopiae temporariae subsidium*) животворнаго насущнаго подспорья, безъ котораго не мыслимо никакое общежитіе.

Въ древнѣйшую эпоху при крайней ограниченности государственной территоріи гласность естественно должна была играть огромную роль, дѣлая жизнь всѣхъ извѣстной каждому и жизнь каждаго — всѣмъ. При наличности такихъ условій *mores et fides* должны были въ Римѣ выступить въ роли „могучихъ правосозидающихъ факторовъ”, регулирующихъ и направляющихъ жизнь по строго опредѣленному руслу, то дѣйствуя рука объ руку съ правомъ, то независимо отъ него ²⁾. Во имя *fides* санкціонируется „выдача головой должника”, ея именемъ законъ заставляетъ содрогаться *perfidum* и дрожать передъ перспективой ужаснаго возмездія. „*Caveant cives, ne pactum atque condictum rumpant*”, „*At tu dictis, Albane, maneres!*” — вотъ поэтиче-

1) V. Dion. H. A. R. II, 10. Liv. l. V, 23; Festus, v. verbum *patrocinia*. Patronus si clienti fraudem fecerit, sacer esto XII t. apud Servium ad Aen. VI, 609 (ср. Фюстель-де-Нуланжъ, древняя гражданская община, пер. Н. Н. Спиридонова М. 1895. Стр. 269, 306, 319).

2) Интересно сравнить роль *fides* и *mores* для Рима съ греческими νόμοι καίμενοι и νόμοι ἄγραφοι (And. Π. τῶν μοσσηρίων) и ἄγραπτα καὶ σφαλῇ θεῶν νόμιμα.... οὐ γάρ τι νῦν γε καὶ χθές, ἀλλ' αἰεὶ ποτε ζῇ ταῦτα, κοῦδεὶς οἶδεν ἐξ ὅτου φάνη (Soph. Antig. v. 456).

ское, полное глубокаго трагизма воплощеніе *criminis perfidia* ¹⁾).

Такъ гибнетъ позорнѣйшимъ образомъ за недержаніе слова, даннаго царю римскаго народа, М. Фуфетій албанскій, такъ низвергается съ тарпейской скалы знаменитый Манлій „*falsum testimonium dixisse convictus*“, такъ погибнетъ и всякій, кто вѣроломно нарушить свое слово! Пусть это будетъ *immanitas*, но *immanitas* во имя врачеванья общественнаго недуга „*pro vitiorum rationibus, quibus medendum est*“, а самая жестокость да будетъ школой прекрасной и осторожной жизни. Пусть на немъ учится „младая жизнь“ чтить правду и вѣрность — „*rectumque fidemque colere*“ ²⁾).

Здѣсь умѣстно будетъ остановиться на извѣстномъ методическомъ приѣмѣ Куяція, Швеглера и др., которымъ слѣдуетъ и Б. В. Никольскій въ своей диссертациі. Мы въ обзорѣ ній различныхъ теорій умышленно оставили безъ рассмотрѣнія этотъ приѣмъ.

Для него безразлично, свидѣтельствуетъ Б. В. Никольскій, чья описка (*minore-majore*), Геллія ли, его ли переписчиковъ, или же того списка, съ котораго списывалъ Геллій данный законъ. Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что Геллій врядъ ли могъ бы допустить подобную ошибку. Во всякомъ случаѣ *сознательно*, — а случайную описку при дальнѣйшемъ развитіи диспута онъ тотчасъ бы замѣтилъ и исправилъ — онъ не могъ этого сдѣлать. Да и если бы кто другой допустилъ подобную ошибку, вѣрнѣе, если бы вообще возможно было сдѣлать это, то для Геллія, Цецилія и вообще людей ихъ лагеря это было бы однимъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ въ ихъ жизни, по крайней мѣрѣ для ихъ *національно-разумной гордости своимъ совершеннымъ правомъ*, написаннымъ *absoluta brevitae elegantique*.

Геллій устами Цецилія опровергаетъ нападки на жесто-

¹⁾ Cf. Liv. I. I c. 24 § 18.

²⁾ Ovid. Metam. I. I v. 90. Cf. Liv. I. VIII c. 7.

кость, варварское изложеніе, неустойчивость и непослѣдовательность XII таблицъ и доказываетъ противное.

Пониманіе Никольскаго, Пухты, Куяція и др. мало принимало во вниманіе характеръ и цѣли самаго диспута. При ихъ пониманіи не могло бы быть мѣста и для самаго диспута [не объ чемъ было бы спорить]. Вотъ почему всѣ извѣстныя рукописи согласны, и только одна — *ille liber Cujacii*, свидѣтельствуя противное, краснорѣчиво свидѣтельствуешь о своей *paupertas*.

Но попробуемъ отрѣшиться отъ всякихъ теорій и подвергнемъ филологической критикѣ данный законъ.

Мы далеки отъ мысли воскресить законъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ децемвировъ путемъ „*смѣлыхъ отчаянныхъ конъектуръ*” ¹⁾; это значило бы вступить на скользкій путь и, по мѣткому выраженію Шелля, повторить ошибки прежнихъ изслѣдователей, что далеко не весело ²⁾.

Нашъ идеаль — такъ по крайней мѣрѣ опредѣлилъ его Г. А. Ивановъ — при произнесеніи извѣстнаго слова вызвать въ своемъ представленіи тотъ кругъ предметовъ, которые представляютъ себѣ люди, говорящіе этимъ языкомъ ³⁾.

¹⁾ V. A. Фогель, P. Terentii Afri Eunuchus, Изв. Нѣж. И. Ф. И. 1884 г. 9 т. стр. I—III: „При развитой среди современныхъ филологовъ склонности къ исправленію древнихъ текстовъ посредствомъ самыхъ смѣлыхъ, даже отчаянныхъ конъектуръ, я рискую подобною откровенностью навлечь на себя обвиненіе въ отсталости, косности и т. п., но въ продолженіе своей работы я собственнымъ опытомъ убѣдился въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ конъектуры излишни: стоитъ только вдуматься въ писателя, перенести себя на его точку зрѣнія, поставить себя въ тѣ условія, при какихъ писалъ авторъ, стоитъ только дать себѣ трудъ вполне понять писателя, и въ девяти случаяхъ изъ десяти окажется, что преданіе и безъ нашихъ вымысловъ представляетъ смыслъ, какой требуется въ данномъ мѣстѣ”.

²⁾ R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. c. IV (De XII tabularum reliquiis constituendis).

³⁾ Г. А. Ивановъ, Филологическія дисциплины.

Съ точки зрѣнія строго-грамматической критики данный текстъ не представляетъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ оснований, позволявшихъ бы заподозрить его подлинность. *Pondo XV ne minore ¹⁾ aut majore vincito* — двухъ представлений (внѣ, конечно, апріористическихъ построений предвзятыхъ теорій) быть не можетъ.

„*Закуйте его въ кандалы и оковы!*” ²⁾. „Не меньше 15 фунтовъ, а то и больше!” Но уже „*si uolet*” оставляетъ мѣсто для сомнѣній. Одно въ немъ несомнѣно: „если будетъ воля”, но чья — кредитора или должника — это вопросъ и вопросъ весьма важный. Наше мнѣніе: „*si uolet*” должно быть отнесено къ должнику: „*а если онъ попроситъ, то и больше!*”

Ошибка изслѣдователей данного закона заключалась въ томъ, что одни въ силу произвольно допущеннаго основанія своей теоріи, — *ex humanitatis ratione*, — отнесли къ самому тексту безъ надлежащей вдумчивости, а другіе *наоборотъ* слишкомъ переусердствовали въ силу желанія усмотрѣть больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, и для нихъ наша постановка вопроса явилась бы огромной неожиданностью.

За правильность нашего пониманія прежде всего говорить *δίπλωμα* данного закона, своею единогласностью смущавшая научную критику: *libri Gellii noti omnes consentiunt* ³⁾. Лишь одна „*ille liber Cuiacii*” стоитъ одиноко и тѣмъ самымъ, какъ мы уже видѣли, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ противъ себя. Правда, и противъ нашего пониманія можно сдѣлать возраженіе: не произвольно ли нами принята перемѣна подле-

---

¹⁾ Была, правда, и здѣсь тенденція *minore-majore* измѣнить на *minoribus-majoribus*. Но несерьезность подобныхъ попытокъ самоочевидна. См. *M. Hertz*, *A. Gell. N. A.* XX p. 449 Adn.

²⁾ Относительно слова „*nervo*” см. *Festus v. verbum Nervum* p. 164.

³⁾ См. *M. Hertz*, *A. Gell. N. A.*: *Codex σ id est Casp. Scioppii excerpta, φ eorundem apographa Vouveriana, ν Lindenbrogiana*. Vol. prius VI и vol. poster. praefatio LXXVII, LXXX и p. 449.

жащаго [debitor pro creditore при „si uolet”]? Возможна ли она?

Постараемся строго научно отвѣтить на данный вопросъ. Отвѣтъ распадается на двѣ части:

1) Возможна ли такая перемѣна *ex arte decemviraliter loquendi* ¹⁾, насколько онъ отразился въ данномъ литературномъ памятникѣ?

2) Нельзя ли подтвердить подобное грамматическое явленіе и изъ другихъ источниковъ?

Единственно вполне научнымъ методомъ при рѣшеніи перваго вопроса можетъ быть одинъ: „проверка одного фрагмента другимъ”. Обратимся къ III таблицѣ, какъ наиболѣе однородной и по содержанію, и по цѣлямъ, и по языку съ нашимъ закономъ, и подвергнемъ ее анализу. Такая смѣна подлежащаго тамъ чуть ли не на каждомъ шагѣ: „si uolet”, читаемъ сейчасъ же, „suo uiuito”. „Ni suo uiuito, libras farris endo dies dato”. Самъ Геллій, [вѣрнѣе, выведенный имъ Цецилій], въ виду отмѣченной нами непрерывной смѣны подлежащаго, вынужденъ былъ, дѣлая уступку современности въ цѣляхъ болѣе ясной для читателя, прибѣгнуть къ explicatio (is, qui vinctum habebit), и тѣмъ самымъ погрѣшилъ противъ основнаго требованія *eleganter decemviraliter loquendi* — *ut brevis sit!* ²⁾.

Авторитетнѣйшія *параδείγματα* представляетъ намъ комедія, особенно въ виду отмѣченной уже въ древности склонности ея къ воспроизведенію словъ и выраженій XII таб-

---

¹⁾ См. выше стр. 111 пр. 2.

²⁾ *Is, qui vinctum habebit*. Простое сопоставленіе хотя бы съ извѣстнымъ закономъ „lex coloniae Juliae Genetivae”, особенно со словами его „Jure civili vinctum habebit”, говоритъ за безусловно позднѣйшее происхожденіе нашей explicatio. Она не вяжется съ *eleganti brevitate* XII tab. См. С. G. Bruns F. I. R. A. Ed. VI, c. IV p. 123 sq. Нѣкоторые ученые считаютъ эту explicatio глоссою, другіе называютъ интерполяціей и по примѣру Шелля заключаютъ ее въ скобки [qui habebit uncis saepsi, говоритъ R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. p. 123].

лицъ ¹⁾. У Теренція, на примѣръ, въ Евнухѣ ²⁾ читаемъ: *si vim faciet, in ius ducito hominem*. Мы видимъ, что *imperativus praesentis* [*ducito, uiuito*] ³⁾ въ связи съ *futurum I* [*faciet, uolet etc.*] употребляется въ томъ случаѣ, когда законъ предначертываетъ непремѣнныя или непосредственныя послѣдствія какого-нибудь дѣянія.

„*Будетъ насильничать*“, гласитъ онъ, „*подъ судомъ будетъ*“.

Далѣе, комедія отлично развила „*hominem*“ грамматическій объектъ изъ логически мыслимаго объекта, который раскрывается въ субъектѣ сужденія „*si vim faciet*“: если онъ будетъ насильничать, вести *его*“! Слѣдовательно и въ нашемъ законѣ „*uincito*“ логическое удареніе лежитъ не на кредиторѣ, а на должникѣ. Ср. русское реченіе: „связать его“. Удареніе лежитъ на „*его*“, и данное реченіе совершенно равнозначуще: „да будетъ онъ связанъ“!

Такимъ образомъ и мы съ полнымъ правомъ можемъ произвести тотъ же логическій процессъ (насколько онъ выразился въ разобранномъ нами мѣстѣ комедіи), и логически мыслимый объектъ въ *uincito* (*scil. eum*) — сдѣлать субъектомъ при *uolet* „связать его, того, кто захочетъ“. Слѣдовательно, законъ гласитъ: заковать его въ кандалы и оковы, не меньше 15

¹⁾ Какъ явствуется изъ Доната. V. Donat. ad Terent. Eunuch. III, 3, 9. *Fragmenta incertae sedis* [C. G. Bruns, F. I. R. A., p. 39—40; R. Schoell, Leg. duod. tab. rel. p. 163—164. Cf. W. S. Teuffel, G. D. R. L. 5 Aufl. S. 88 Adn. III (Sachlicher Teil): Je nationaler daher ein Dichter ist, um so mehr tritt bei ihm das Recht hervor. So auch bei Plautus. Aber selbst bei Terenz [Eun. prol. 10] (курсивъ нашъ) и M. Schanz, G. D. R. L. I Teil 2 Aufl. 1895, S. II sq. (Elemente der nationalen Litteratur).

²⁾ P. Terent. Afri Eun. IV, 6, 30; cf. Eun. III, 1, 417; III, 2, 502, 851; Andr. V, 2, 863; Ph. I, 2, 140—143 и V, 9, 1027 (Ed. Franc. Umpfenbach, Berol. MDCCCLXX.)

³⁾ V. R. Schoell, leg. duod. tab. rel. c. IV (De XII Tabularum reliquiis constituendis) p. 79 (конецъ) и p. 80 (начало) и Б. Никольскій, Система и текстъ XII таблицъ, стр. 18 и слѣд.

фунтов¹⁾, а *буде ему угодно* — больше! И русская жизнь знала тоже явление и запечатлѣла его въ известной стереотипной формѣ. Нынѣ это явление къ счастью отошло въ область преданія, и лишь крылатые слова еще долго будутъ свидѣтельствовать о немъ: „высыпать ему горячихъ 15, а *попроситъ*—прибавить”!

Такимъ образомъ законъ, характернѣйшей чертой котораго является *absoluta brevitās* ²⁾, отдавая должника въ полное распоряженіе кредитора, естественно долженъ былъ указать минимумъ наказанія (*minimum Fesselgewichts*), чтобы тѣмъ самымъ предоставить самый широкій, неограниченный просторъ для максимума ³⁾. Да и вообще опредѣленіе *minimum Fesselgewichts* оказывается вовсе не чуждо римскому законодательству, если вѣрить свидѣтельству традиции. По крайней мѣрѣ Ливій сохранилъ весьма важный для насъ фактъ: „*et captivi ne minus decem pondo compedibus vincti in nulla alia, quam in carceris publici custodia essent*” ⁴⁾. Далѣе, если и не чрезмѣрны (*uebermässige Last*) кандалы въ 15 фунтовъ, то во всякомъ случаѣ и не настолько легки они, чтобы видѣть въ подобныхъ оковахъ лишь *illusorisches Fesseln*, какъ хотѣлось бы Пухтѣ. Почему никто не считаетъ *illusorisches Fesseln* и не подвергаетъ критикѣ *δῖπλωμα* только что приведеннаго нами свидѣтельства Ливія: *ne minus decem pondo compedibus vincti*?

¹⁾ Заподозривалось и число 15. Такъ, М. Voigt, Act. Soc. Sc. Sax. cl. ph.-hist. a. 1882 p. 80, ²⁾ считаетъ данное число фунтовъ невѣрно переданнымъ, и самъ предлагаетъ ↓ ↓ = C L, довольно неосновательно, какъ мы только что видѣли. См. M. Hertz, A. Gell. N. A. XX p. 449.

²⁾ Интересно сопоставить *Leges Regiae*. V. C. G. Bruns, F. I. R. A. Ed. VI c. I p. 1—15; H. Ed. Dirksen, Versuche zur Kritik und Auslegung der Quellen des Römischen Rechts. Особенно *Anhang* (Allgemeine Uebersicht der einzelnen Königlichen Gesetze) p. 354 sq.

³⁾ А не какъ утверждалъ догматически Куяцій: *quibus verbis dantur freni impotentiae creditorum, ut ne majore possint vincere, minore si velint, ut possint*. Obs. et emend. lib. XXVIII p. 138—139.

⁴⁾ Liv. I. XXXII, 26 § 18.

Для насъ не можетъ быть сомнѣнія, на чьей сторонѣ законъ, чью волю онъ охраняетъ. Нѣтъ воли у должника, или вѣрнѣе есть она, но *отрицательная*. Горькимъ, ѣдкимъ смѣхомъ смѣется законъ надъ должникомъ. Это не „несчастнѣйшій” по воззрѣнiю русскаго народа нашего времени, это „должникъ” Русской Правды.

Законъ всецѣло на сторонѣ кредитора; онъ возлюбленное его дитя, онъ пострадавшiй — и за то ему и выдается головой должникъ. Но и у должника остается воля, и онъ воленъ „*требовать себѣ большiхъ оковъ*” — веригъ во искупленiе своей вины: онъ *долженъ* очиститься посредствомъ *expiatio*, *долженъ* искупить свое преступленiе, но онъ *долженъ* понести и матеріальное наказанiе—*можетъ* содержаться на свой счетъ „*si uolet, suo uiuito*” ¹⁾. А гдѣ ему взять средства на содержанiе? Какая иронiя, какое издѣвательство надъ человѣческимъ существомъ! А если нѣтъ воли у должника, — то нѣтъ у него и тѣла, этого „естественнаго органа” ²⁾ воли должника: *онъ не субъектъ, а объектъ права!* ³⁾.

Теперь и второй камень преткновенiя для теорiй Куяція, его послѣдователей и противниковъ, устраняется нами съ пути. Я говорю про знаменитое „*Tertiis nundinis partes secanto. Si plus minusue secuerunt, se fraude esto*” ⁴⁾. Этотъ законъ, какъ нельзя болѣе, убѣдительно свидѣтельствуешь въ пользу нашего чтенiя и правильности пониманiя нами духа XII таблицъ, если, конечно, не кутаться въ броню предвзятости созданныхъ

¹⁾ Cf. P. Terentii, Phormio II, 12, 13: Aliis aliunde est periculum, unde aliquid abradi potest, mihi sciunt nihil esse. Dices: ducent damnum domum, alere nolunt hominem edacem, et sapiunt mea sententia pro maleficio si beneficium summum nolunt reddere (Ed. Umpfenbach).

²⁾ Пр. Гусановъ, Деликты и договоры. Гл. III стр. 24.

³⁾ Первый камень—*δίπλωμα* даннаго закона. См. выше, стр. 142.

⁴⁾ Б. В. Никольскiй передалъ этотъ законъ языкомъ Русской Правды: *Въ третiй базарный день доли поточить*. См. XII таблицъ. Сводный текстъ отрывковъ XII таблицъ, СПб. 1897, стр. 4.

теорій и не закрывать умышленно глазъ на историческую правду, какъ бы она ни была горька и неприглядна. Никто не оспариваетъ закона: *Ne quis... in compedibus aut in nervo teneretur, pecuniae creditae bona debitoris, non corpus obnoxium esset* ¹⁾. Слѣдовательно, *должно же* быть время, когда дѣйствовалъ законъ „*Pecuniae creditae corpus debitoris, non bona obnoxia essent*” ²⁾. А чѣмъ же должно звучать дальнѣйшее добавленіе къ закону: „*Si plus minusue secuerunt, se fraude esto!*” Не тою же самой по своей идеѣ горькой ироніей, которая слышится въ „*si uolet maiore uincito*”, но только выражена она въ болѣе яркой, еще болѣе рѣзкой, вѣриѣ въ самой крайней формѣ. Стоитъ вдуматься въ то значеніе, которое римляне соединяли съ *fraus*, и тогда *se fraude esto* предстанетъ передъ нами во всей его наготѣ, полной глубокаго трагизма, но за то такъ гармонирующей съ Римской стариной! „Смотрите, граждане на *проклятаго*! Для него *нѣтъ больше* закона ни божескаго, ни человѣческаго”!

Самъ Моммзенъ *принципіально* безусловно признавалъ возможность доказываемаго нами положенія: „законъ *могъ смѣяться надъ должникомъ*”. И передъ его умственнымъ взоромъ рисовался жестокой законъ, зло смѣющійся надъ несчастнымъ должникомъ, когда онъ писалъ: „законъ *какъ будто бы* находить *какое-то* особенное удовольствіе въ *издѣвательствѣ и униженіи* несостоятельнаго должника” ³⁾.

И другой корифей римской исторической науки, *Швейгертъ*, и тотъ не могъ не прійти къ неминуемому выводу; и для него

¹⁾ Liv. I. VIII c. 28 § 8.

²⁾ Ср. Положеніе Моммзена: Право прежде, чѣмъ стать правомъ, *должно быть фактомъ* (курсивъ нашъ). См. стр. 132. Ср. Н. Боголѣповъ, Курсъ Римскаго Права, § 100 стр. 188—194, особенно стр. 199.

³⁾ Исторія Римской Республики, 7 глава, Древне-Римское право, пер. Шамонина, стр. 107.

по крайней мѣрѣ слова „*si plus minusve secuerint (runt) se fraude esto*“ являются ein Beisatz, der auf den Körper des Schuldners bezogen, entweder sinnlos oder empörende Ironie ist” ¹⁾. Но Шwegлеръ, какъ мы уже видѣли выше, предпочелъ при рѣшеніи нашего вопроса пойти по стопамъ Куяція и искать историческаго смысла въ данномъ законѣ въ „извѣстной рукописи Куяція”, „во внутреннихъ основаніяхъ”, да „въ символахъ и иллюзіяхъ” Пухты ²⁾.

Для предвзятости все несогласующееся съ нею — или иллюзія, или символъ, или интерполяція, или даже ложь; слишкомъ она чувствительна ко всему, угрожающему разрушеніемъ возведенному ею на сыпучемъ пескѣ зданію. Такъ выходитъ, что Гай измыслилъ весь сакраментальный личный процессъ; кандалы — ein bloss illusorisches Fesseln; partes secanto не значить partiri corpus addicti, а символически — bona dividere; Геллій не заслуживаетъ никакого вниманія: онъ пустой смѣшной болтунъ „futile et ridicule” ³⁾.

Нѣтъ мѣста здѣсь въ этотъ жестокий вѣкъ той humanitas, которую Куяцій положилъ въ основу своей теоріи ⁴⁾. Несомнѣнно, что и самыя теоріи, построенныя на зыбкой почвѣ ra-

¹⁾ Schwegler, R. G. 4 S. 39.

²⁾ „Illusorisches Fesseln”. См. Puchta, G. d. R. b. d. R. V. 8 Aufl. S. 551—552.

³⁾ H. Krüger, Geschichte der capitis deminutio, 1887 S. 286—406; Kuntze, Excursus ueber Röm. Recht 1869 § 591; Puchta, G. d. R. b. d. R. V. S. 552; M. Voigt, Die XII Tafeln S. 509; Cujacius, Em. et obs. libri XXVIII p. 139 и особ. Schwegler, R. G. Schuldrecht der XII Tafeln S. 389 Adn. 1, 2, 3; А. Гусаковъ, Деликты и договоры, стр. 21, 30 и 81. Ср. Моммзенъ, Исторія Римской Республики, 7 гл. стр. 111: Въ римскомъ правѣ всё ясно и сжато, нѣтъ ни символовъ, ни лишихъ учреждений. (Курсивъ нашъ) и P. Vilems, Le droit Public Romain p. 101: D'après l'opinion unanime des anciens (Gell. § 49, Quint. Inst. or., III, 6 § 84, Dio Cass., fr. 17 § 8, Tertull., Apol., 4) partes secare signifie partiri corpus addicti, et non, comme quelques modernes l'interprètent, bona dividere.

⁴⁾ Ibidem (Observ. et emend. libri XXVIII p. 139).

tionis humanitatis, должны поколебаться вмѣстѣ со своимъ основаніемъ.

Надо имѣть мужество отрѣшиться отъ предвзятыхъ теорій и подобно Гелліевскому Цецилію—*invidiam istam fortiter formidare* — открыто взглянуть въ глаза исторической правдѣ, но только не опускать тотчасъ же своего взора подобно Цецилію. Но онъ и не могъ поступить иначе: онъ былъ истинный римлянинъ. „*Dissectum esse antiquitus neminem equidem legi neque audiui*“, возражаетъ Цецилій своему противнику ¹⁾).

Наша родная наука въ пониманіи *vetustatis* родного права возвысилась до трезваго, чуждаго всякаго пристрастія и предвзятости, смѣлаго взгляда на истину. „Правда не заботится ни о предупрежденіи преступленій, ни объ исправленіи преступной воли“, говоритъ проф. Ключевскій. „Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя, матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника матеріальнымъ же, имущественнымъ убыткомъ. Законъ какъ-будто говоритъ преступнику: *бей, воруй, сколько хочешь, только за всё плати исправно, рубль за рубль*“. Далѣе этого не простирался взглядъ первобытнаго права, лежащаго въ основѣ Русской Правды.

„Капиталь служить предметомъ особенно напряженнаго вниманія для законодателя: самый трудъ, т. е. личность человѣка разсматривается, какъ орудіе капитала: можно сказать, что капиталъ — это самая привилегированная особа въ Русской Правдѣ. Само лицо разсматривается въ Правдѣ не столько какъ членъ общества, сколько какъ владѣтель или производитель капитала; лицо его не имѣющее и производить не могущее теряетъ права свободнаго или полноправнаго человѣка. Такимъ образомъ капиталъ является въ Правдѣ на ряду съ княжескою властью дѣятельной соціальной силой, вводившей въ политическій составъ общества свое особое общественное дѣленіе, которое долженъ былъ признать и

---

¹⁾ А. Gell. N. A. XX, p. 52.

княжескій законъ. Такое значеніе капитала въ Русской Правдѣ сообщаетъ ей черствый мѣщанскій характеръ”¹⁾.

Такимъ образомъ и аналогія, взятая нами изъ родного права, показываетъ намъ, что наше пониманіе даннаго закона, предполагающее, что законъ *можетъ* зло смѣяться надъ преступникомъ, не заключаетъ въ себѣ чего-либо несогласнаго съ духомъ древняго законодательства²⁾. Небезинтересно было бы припомнить и то, что теперь въ наукѣ признается въ качествѣ *характерной черты древняго арійскаго права* обычай привязывать несостоятельнаго должника къ публичному, позорному столбу³⁾: децемвирамъ въ своихъ законахъ оставалось лишь увѣковѣчить существовавшій до нихъ обычай.

Такимъ образомъ наша теорія, чуждая, повидимому, какой бы то ни было предвзятости, исходитъ изъ строго-филологическаго анализа текста, находитъ себѣ оправданіе въ исторіи, литературѣ и правѣ римскаго народа, и въ извѣстныхъ своихъ частяхъ подтверждается и современными историко-юридическими изслѣдованіями.

С. Алексеевъ.

---

¹⁾ Проф. В. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. I. М. 1904, стр. 294, 298, 300, 301, 302.

²⁾ См. А. Гусановъ, Деликты и договоры, стр. 209; Мэнъ, Древнѣйшая исторія учреждений, стр. 218.

³⁾ V. Ihering, Vorgeschichte der Indoeuropäer. S. 78 sq.; Leist, Altarisches Jus civile VII Abschn.; Kuntze, Oblig. in Röm. und heutigen Recht, 1866 S. 22 sq. и А. Гусановъ, Деликты и договоры, стр. 74 и слѣд. Обсужденіе вопроса о заимствованіяхъ, якобы совершенныхъ децемвирами изъ греческихъ и другихъ законовъ вплоть до египетскихъ, не входитъ въ задачу настоящей нашей работы. См. Cujac. Obs. et em. I III c. 40 и I. IV c. 12; A. Schwegler, R. G. 3 S. 18—19; B. G. Niebuhr, R. G. I, 280.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ”

Изданіе Русскаго Библіологическаго Общества.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры
8 разъ въ годъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей, преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи; извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ; указатели и библіографическія работы; отчеты о дѣятельности Русскаго Библіологическаго Общества; объявленія.

Подписная цѣна: за годъ съ доставкою и пересылкою въ Россіи 5 р., за границу 6 р.; за полгода въ Россіи 3 р., за границу 3 р. 50 к. Цѣна за отдѣльную книжку 1 р.

Подписка принимается: 1) для городскихъ подписчиковъ въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ и въ магазинѣ Товарищ. „Литература и наука“, Измайловскій полкъ, 2-ая рота, д. 2; 2) для иногороднихъ—въ редакціи „Литературнаго Вѣстника“, С.-Петербургъ, Фонтанка, 62, кв. 2; 3) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.

Иv 148660

Находятся въ продажѣ:

Записки Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ. Вып. 1. Варшава, 1902 г. Цѣна 1 р.—Вып. 2. Варшава, 1903 г. Цѣна 1 р. 50 к.—Вып. 3. Варшава, 1904 г. Цѣна 1 р. 50 коп. (Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова. Варшава, Новый Свѣтъ, № 69).

— (Цѣна 1 руб. 50 коп.) —